

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2018 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по философским наукам (09.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philosophy Sciences (09.00.00).

ISSN 2072-8530 (print)

2018 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухунь Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2018. — № 1. — 152 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302.

**Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В. — к. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Глинский А.В. — к. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Беркут В.П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Бондарева Я.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Бузук Г.Л. — д. ф. н., проф., Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

Виноградов А.И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Губман Б.Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Дёмина Л.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Евстифеева Е.А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Курабцев В.Л. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Макеев С.В. — д. ф. н., проф., Адыгейский государственный университет

Семаева И.И. — д. ф. н., проф., Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

Томаш Купц — доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 4 times a year —

Series editorial board «Philosophy»

Editor-in-chief:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

M.V. Zagrebin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

Executive secretary of the series:

A.V. Glinskii – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

G.L. Buzuk – Doctor of Philosophy, Professor, The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S.V. Makeyev – Doctor of Philosophy, Professor, Adyge State University

I.I. Semaeva – Doctor of Philosophy, Professor, The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

Tomasz Kupś – PhD, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, Member of the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolv – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2018. – № 1. – 152 p.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26302.

**Index series «Philosophy» according to the union
catalog «Press of Russia» 40724**

© MRSU, 2018.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2018.

**The Editorial Board address:
Moscow Region State University**

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Батурин В.К.</i> ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЕНЕРАЦИИ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (I)	6
<i>Козырев В.В.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АНАЛИЗА НЕЙРОННОЙ АКТИВНОСТИ ОРГАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	24

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Абрамов П.Д.</i> НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАНПСИХИЗМА	33
<i>Кириллов Г.М.</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МЕХАНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЛИ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ?	45
<i>Комаров А.П.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА.....	58
<i>Майкова Н.О.</i> ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ БЕЗОПАСНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	68
<i>Мартенс О.К.</i> СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА ЛИДЕРСТВА	76
<i>Песоцкий В.А., Жебит В.А.</i> КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ, СПОСОБНЫХ ПОВЛИЯТЬ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	85

РАЗДЕЛ III.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Колесниченко Ю.В.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ 1920–1930-Х ГГ.: П.П. БЛОНСКИЙ, А.Б. ЗАЛКИНД, А.С. МАКАРЕНКО	97
<i>Смирнова О.Ю.</i> ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ В ИЗУЧЕНИИ ВОЛИ	108
<i>Шевцов А.В.</i> ПЛАТОНИЗМ У Г.Г. ШПЕТА И О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ ФИЛОСОФИИ (К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА СТАТЬИ «МУДРОСТЬ ИЛИ РАЗУМ?»).....	121

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Зайцева О.В.</i> ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	131
<i>Чечеткина И.И.</i> РАЗВИТИЕ АКСИОМАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ.....	141

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

V. Baturin. COGNITIVE TRADITIONS AS AN OBJECT OF STUDY OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE. COMMON THEORY OF GENERATION AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE	6
V. Kozyrev. PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NEURON ACTIVITY OF THE ORGANISM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY SCIENCE.....	24

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

P. Abramov. SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL GROUNDS OF PANPSYCHISM.....	33
G. Kirillov. GLOBALIZATION: A MECHANICAL PROCESS OR INTERCULTURAL DIALOGUE?	45
A. Komarov. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE VALUES OF MODERN RUSSIAN COSSACKS	58
N. Maykova. HEALTHY LIFESTYLE AS A SPIRITUAL AND MORAL VALUE OF SAFE HUMAN EXISTENCE.....	68
O. Martens. ESSENCE AND NATURE OF LEADERSHIP.....	76
V. Pesotsky, V. Zhebit. CLASSIFICATION APPROACH IN ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS THAT CAN INFLUENCE THE FORMATION OF METAPARADIGM OF SOCIAL COMMUNICATION.....	85

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Yu. Kolesnichenko. PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE PERSON IN THE SOVIET PEDAGOGICS OF THE 1920S–1930S: P.P. BLONSKY, A.B. ZALKIND, A.S. MAKARENKO	97
O. Smirnova. BASIC PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL STAGES IN THE STUDY OF VOLITION	108
A. Shevtsov. G.G. SHPET'S PLATONISM AND ON THE ESSENCE AND TASKS OF PHILOSOPHY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION OF THE ARTICLE "WISDOM OR REASON?").....	121

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

O. Zaytseva. PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF VERBAL REPRESENTATION OF CAUSALITY	131
I. Chechetkina. THE DEVELOPMENT OF AXIOMATIC SYSTEMS IN QUANTUM MECHANICS	141

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 117

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-6-23

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЕНЕРАЦИИ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (I)

Батурин В.К.

Независимый исследователь, Россия

Аннотация. В работе предложена новая философская теория генерации и развития научного знания, способная не только описать и объяснить важнейшие динамические особенности процесса научного открытия, но и поставить и успешно решить проблему осознанного управления эвристической активностью исследователя. На основе этой теории предложена новая типология научного знания, в которой основанием классификации выступают именно процессные различия производства и динамики открытий.

Ключевые слова: философия науки, глобальные программы развития научного познания, научное знание, генерация и развитие научного знания, познавательная традиция, эвристика, управление, методология и технология научного открытия, типология научного знания.

COGNITIVE TRADITIONS AS AN OBJECT OF STUDY OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE. COMMON THEORY OF GENERATION AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

V. Baturin

Independent researcher, Russia

Abstract. The paper proposes a new philosophical theory of generation and development of scientific knowledge that can describe and explain not only the most important dynamic features of the scientific discovery process, but also positively solve the problem of conscious control over researcher's heuristic activity. On the basis of this theory, a new typology of scientific knowledge is offered, in which the basis for classification is precisely the process differences in its production and dynamics.

© Батурин В.К., 2018.

Key words: philosophy of science, global programs for the development of scientific knowledge, scientific knowledge, generation and development of scientific knowledge, cognitive tradition, heuristics, management, methodology and technology of scientific discovery, typology of scientific knowledge.

Исследуя основные глобальные программы (ГИП) развития научного познания современной философии науки [5] и разрабатывая новую собственную ГИП – деятельностно-феноменологическую [6], – мы обнаружили крайне важное явление в любых процессах зарождения и развития научного знания, т. е. фактически в тех самых таинственных и загадочных процессах, которые напрямую связаны с самим процессом производства (открытия) научного знания [23]. Этот феномен состоит в атрибутивном участии в этих процессах различных познавательных традиций, выполняющих в процессе научного познания сразу две важнейших функции:

– роль главного “строительного материала” (сырья) в каждом элементе движения к истине на концептуальном (именно на концептуальном!) уровне их построения;

– роль особых “синергетических рулей” (управленческих директив), определяющих общее направление поиска научного познания.

Иначе говоря, сущность познавательных традиций и их роль в науке – принципиально векторная, т. е. двумерная: содержательно-конструктивная и одновременно познавательно-директивная.

Естественно, что мы не могли пройти мимо такого важного феномена, тщательно и всесторонне его изучили и в итоге разработали новую авторскую теорию генерации (производства) и развития любого научного зна-

ния, которую и предлагаем в качестве главного предмета научного исследования в серии из трёх наших научных статей.

Если сразу попытаться оценить принципиальную значимость этой новой авторской теории, необходимо отметить прежде всего то, что она позволяет философски понять и описать многие методологические и технологические стороны научного открытия как главного и самого желанного результата любых научных поисков. Это, в свою очередь, в своей совокупности даёт возможность каждому учёному начать целенаправленное управление всем процессом научного познания, т. е. на глубинном и сущностном уровне наконец-то в значительной степени преодолеть стихийный и случайный характер научного открытия, более того, поставить их на определённую технологическую управленческую основу. Управлять процессом научного открытия – разве это не заманчиво? Разве это не значимо? На наш взгляд, решение этой проблемы не менее важно, чем решение проблемы управления, например, термоядерной реакцией.

Начать необходимо с того, что в научной и философской литературе достаточно полно освещено то крайне негативное и разрушительное влияние, которое оказывает на научную мысль, увы, всё ещё во многом господствующий позитивизм, всегда уводящий исследователя на ложный путь научного поиска: не ради служения истине, но “пользы для”, не ради глу-

бины познания, а лишь для ответа на вопрос «как это практически использовать». Причин такого положения дел, очевидно, несколько, но на одной из них, на наш взгляд, относящейся к наиболее существенным факторам, следует остановиться более подробно и системно. Дело в том, что одной из главных методологических установок позитивизма является повсеместное и умышленное игнорирование им предшествующего познавательного опыта и имеющихся научных традиций в том или ином исследовании самых разных проблем. В этом плане их решение учёный-позитивист всякий раз начинает как бы с нуля, как бы «с чистого листа», поскольку для позитивиста совершенно не значимо всё то, что было до него, все предшествующее вообще им игнорируется, оно для него совершенно не существенно. В этом плане позитивизм полностью нарушает общепринятые каноны любого научного исследования, которое всегда принято начинать именно с осмысления степени разработанности проблемы, с анализа именно всего предшествующего опыта. В позитивизме всё совсем не так, и вот почему: изначально провозглашаемая О. Конттом, Г. Спенсером, Дж.С. Миллем, У. Уэвеллом, Дж. Гершелем так называемая новая философия объявляется, во-первых, подлинно «здоровой» в противоположность старой, «метафизической», философии и, во-вторых, абсолютно себе самодостаточной, не нуждающейся в каком-либо предыдущем опыте познания. Более того, новая позитивная философия отвергает предыдущий философский опыт исследования проблем развития науки как опыт принципиально химери-

ческий, никуда непригодный, сомнительный и смутный.

Именно так отделял новую философию от старой общепризнанный основоположник позитивизма О. Конт, давая своё известное истолкование понятию «позитивное»: реальное в противоположность химерическому; полезное как оппозиция негодному; достоверное в противоположность сомнительному; точное как антипод смутному; положительное как оппозиция отрицательному, предназначенное «по своей природе преимущественно не разрушать, но организовывать» [25, с. 251]. Подлинно научный метод, по О. Контту, заключается в использовании индуктивных логических процедур опытного знания. Последняя, высшая стадия эволюции научного знания способствует рациональной организации жизни всего общества при полном отказе как от теологического, так и от метафизического, и в этом плане именно позитивная философия якобы является окончательным состоянием человеческого ума. Второй закон О. Конта (закон постоянного подчинения воображения наблюдению) постулирует наблюдение в качестве универсального метода приобретения знания, поскольку этот метод помогает освободиться от ненаучных догматических предрассудков и стать на твёрдую почву фактов. Конт подчёркивает, что учёный наблюдает только явления, а не их причины и сущности, а потому наука по своей сути является описательной – отсюда необходимость замены объяснения (ответа на вопрос «почему») описанием (ответом на вопрос «как»). Классификация наук (третий закон О. Конта) осуществляется на основе реализации

следующих принципов: движение от простого к сложному; от абстрактного к конкретному; от древнего к новому в соответствии с историческим развитием. Философия науки, согласно Контту – это философия нового типа, которая противопоставляется метафизике в том отношении, что из философии науки изгоняются неизбежно неразрешимые вопросы. Общий характер позитивной философии определяется, по Контту, открытием неизменных естественных законов, сведение которых к минимуму и составляет цель интеллектуальных усилий. Эти усилия направлены не на поиск причин (как первичных, так и конечных), а на описание явлений и логических законов человеческого разума. Цель же и назначение философии – систематизация человеческой жизни, гармонизация, единство личного и в особенности коллективного существования во всех основных проявлениях – в мыслях, чувствах, действиях.

Этому – крайне важному, на наш взгляд, описанию особенностей позитивизма как философии без философии, как философии, построенной исключительно на самом научном знании, без метафизики, не уделялось должного исследовательского внимания. Именно это побудило нас осуществить общий философский анализ роли познавательных традиций в развитии науки и философии, в результате чего мы обнаружили не только важность и актуальность решения этой проблемы по отношению к позитивизму, но и по отношению к таким актуальным и общим научным задачам, как поиск сущности процессов рождения и развития любого научного знания, раскрытие глубинных особен-

ностей феномена научного творчества, постижение общей природы и оснований сущностной типологизации научного знания и т. д. Именно об этом наш цикл научных статей, в своей совокупности предлагающих новую авторскую теорию рождения и развития научного знания в процессе познания.

Прежде всего отметим, что анализу роли традиции в науке посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных учёных: М. Хайдеггера [43], Х.-Г. Гадамера [10; 47], П. Рикёра [33], Б. Рассела [32], Г. Башляра [7], Т. Куна [22], П. Фейрабенда [39], М. Полани [31], Ф. Франка [42], Дж. Бернара [8], П.П. Гайденко [11], В.С. Степина [35], Б.Т. Алексеева [1], Т.Г. Лешкевич [25], Н. Злобина [15], В.А. Лекторского [24], Л.А. Микешинной, М.Б. Опенкова [28], В.В. Налимова [29], А.Л. Никифорова [30], В.А. Яковлева [46], В.С. Швырева [44] и др. Особо пристальный интерес к значению познавательной традиции в философии, истории философии и философии науки возник, как широко известно, после работы Т. Куна «Структура научных революций» [22]. Из последних ярких работ, посвящённых данной тематике, отметим прежде всего следующие статьи в специализированных журналах по философии науки: А.Ю. Сторожука [36], И.Э. Ключанова [19], С.С. Гусева [13], Ю.В. Синеокой [34], Е.В. Афонасина [4].

Справедливости ради надо отметить, что философы и учёные ещё задолго до Т. Куна говорили о значимости традиции. Приведём лишь несколько высказываний: «Традиция является могучей силой не только в католической церкви, но и в естествознании» (Ф. Энгельс) [27, с. 315]; «Что

и как бы мы ни пытались помыслить, мы мыслим в пространстве традиции» (М. Хайдеггер) [43]; «Всякое восприятие и понимание вовлекают в действие предрассудки, описываемые в терминах некоторой частной интерпретационной парадигмы, следовательно, даже методологически обоснованные суждения, которые мы считаем объективными, являются предрассудками» (Х.-Г. Гадамер) [47, с. 80].

В определённом смысле предшественниками Т. Куна были И.В. Гёте, Г.В.Ф. Гегель, Н. Гартман, которые активно использовали понятие *Zeitgeist* (“дух времени”), некий аналог современного понятия парадигмы. Так, согласно Н. Гартману, общее духовное состояние времени, которое опосредованно влияет на развитие научного знания, включает в себя «прежде всего язык, затем следует производство и техника, господствующие нравы, действующее право, господствующие ценности, господствующую мораль ... место и состояние познания и науки, господствующее мировоззрение» [41, с. 146].

Обычно под традицией (от лат. *traditio*) понимается передача опыта, знаний из поколения в поколение. Но Н.И. Кузнецова и М.А. Розов дают следующее, более точное, на наш взгляд, определение традиции: «Традиция – это воспроизведение старого (воспроизведение образца) в новых условиях, в новой ситуации» [21, с. 69]. Но и это определение вряд ли способно ответить на вопрос о том, какова же роль познавательной традиции в самом процессе научного поиска, творчества, вообще в любой активности людей. Чтобы в полной мере “схватить” значимость традиции как таковой, следует обратить свой взор ещё на одну крайне

важную черту, имеющую к традиции самое непосредственное отношение – на авторитарность древнейшего мифологического сознания. Что это значит? Миф, как известно, не предоставлял индивиду возможностей для свободного выбора каких-либо альтернатив его поведения, не допускал никакого критического отношения к собственному содержанию, к ритуалам, табу, праздникам, инициациям и т. д. Иначе говоря, можно утверждать, что мифологическое начало появилось и существовало как мощная традиция, обязательная для всех членов первобытного общества без какого-либо исключения, а принудительное следование этой традиции обеспечивалось такими особенностями мифологического сознания, как коллективность, ритуальность, суггестивность, символичность. Естественно, что такая авторитарная традиция могла в течение продолжительного времени поддерживать устойчивые, неизменные представления о мире у своих последователей. Как подчёркивает И.Т. Яковенко, «динамика в сознании нашего далёкого предка рождается тогда, когда умирает восприятие универсума человеческой деятельности как Ритуала, творимого в безграничном храме Божьего Мира, когда деятельность начинает рассматриваться через призму рационально понимаемых целей, смысла и результата. Когда архаический кузнец, творя заклинания перед началом работы, переживает свой труд как служение богам и духам горна – он воспроизводит вечный и неизменный мир Традиции. Когда же ... владелец кузницы работает ради того, чтобы произвести максимальное количество товара такого качества, который может быть

продан по выгодной для него цене – он воспроизводит мир безграничной динамики; это соответствует переходу от ценностно-рациональной к целерациональной деятельности доминанте» [45, с. 109].

Именно мифологическое мышление, основанное на жёстких, обязательных предписаниях, следование которым подобно движению в колее, породило целый ряд таких мощных и долгоживущих традиций, которые продолжают действовать и поныне, будучи «встроенными» в мышление современного человека, в том числе и в научное мышление. В этом плане современное мышление во многом сохраняет черты мифологического сознания, которое полностью не исчезло. Прав был К. Ясперс, когда утверждал, что традиция вообще неустранима из нашей истории, поскольку само историческое существование человека возможно только благодаря постоянному обращению к непреходящим духовным свершениям прошлого. Историческое «является традицией благодаря авторитету и составляет непрерывность благодаря воспоминанию о прошлом ... Историческое – это гибнущее, но вечное во времени ... несовершенство человека и его историчность – это одно и то же ... Поэтому чем больше мы его постигаем, тем больше поражаемся и всё снова продолжаем искать» [48].

Какие же традиции из мифологических времён остаются действенными до сих пор? Какие традиции можно в полной мере назвать инвариантными для человеческого познания? Главным подобным инвариантом является, на наш взгляд, познавательная традиция, сообщающая о своего рода Едином плане, согласно которому происходит

всё во Вселенной. Мифы многих народов мира посвящены описанию подобных планов рождения и развития Вселенной. Несмотря на все многообразие и пестроту мифологических представлений, неизменно в них именно общее стремление охватить и описать мировое Целое в соответствии с какой-либо единой, чаще всего иерархической, схемой. Главный вопрос, волновавший древнегреческих философов, состоял, по мнению многих исследователей, в следующем: «лежит ли в основе всего, что происходит во Вселенной, некий единый план»? [18, с. 19]. Единый план как традиция познания, как одна из главных его парадигм, развиваясь, приобретает в дальнейшем иные облики, сохраняя при этом своё основное содержание. Так, со времён пифагорейцев этот план начинает пониматься математически: «Пифагорейцев поразило, что весьма различные в качественном отношении явления обладают одинаковым математическими свойствами ... значит ... математические свойства выражают сущность явлений» [18, с. 21]. По преданию, Пифагор, поражённый царящим в мире порядком и гармонией, назвал мир космосом, т. е. гармонически упорядоченным единством. Но интересно, что и сами представления пифагорейцев о мировой гармонии опирались на их математические и акустические открытия, благодаря которым были установлены числовые отношения для музыкальных интервалов – тона, кварты, квинты, октавы. Однако затем эти отношения были экстраполированы на весь космос как на некий «громоздкий музыкальный инструмент» [16, с. 101].

Надо отметить, что именно от древнегреческих мыслителей ведут своё

начало традиции союза математики и естествознания, математизация наук вообще. В основе этой традиции лежат представления о единстве окружающего мира, его содержательно-структурной однородности и, как следствие, принципиальной возможности переноса закономерностей из одной предметной области познания в другую. Математизация познания соединилась с традицией поиска единого плана, что привело к возникновению представлений о Математическом плане, в соответствии с которым мир создан и существует. Среди зачинателей и последователей этой традиции можно назвать Пифагора, Платона, Аристотеля, Евклида, И. Кеплера, Р. Декарта, Г. Галилея, И. Ньютона и других учёных.

Другая древнейшая традиция, один из главных инвариантов нашего отношения к миру – традиция библейская (в Библии, кстати, также представлен Единый план сотворения мира), утверждающая, что человек является венцом творения и что остальной мир отдан ему во владение и пользование. Начиная с эпохи Нового времени, идея человека как господина, как хозяина окружающей действительности совершает своё поистине триумфальное шествие – ведь именно таков был замысел основателей европейской науки. Сошлёмся для иллюстрации сказанного на высказывание Р. Декарта: «Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звёзд, небес и всех прочих окружающих нас тел ... мы могли бы использовать и эти силы во всех своих собственных им применениях и стать, та-

ким образом, как бы господами и владельцами природы» [14, с. 286].

Как продолжение и следствие этой традиции возникает другая – традиция противоборческого отношения к природе: природу надо целенаправленно использовать, покорять, обуздывать, ставить на службу для достижения целей и задач человека – для удовлетворения всевозможных потребностей его как полновластного хозяина, созданного по образу и подобию Бога. В настоящее время человечество в полной мере осознало “прелести” этой традиции, её тупиковость и грозящую катастрофичность.

Ещё одна древняя познавательная традиция, ведущая свою историю со времён древнегреческих натурфилософов – поиск архэ, первоначала всего сущего: «в природе, как и в полисе, одной из стихий должно принадлежать господство, власть, этот смысл заключён в греческом слове *ἀρχή*, так же как и в русском слове “начало”» [16, с. 32]. В этой связи нам хотелось бы особенно подчеркнуть два момента.

Во-первых, поиск архэ «в природе, как и в полисе» обнажает, на наш взгляд, один из важнейших эвристических приёмов познавательной деятельности – экстраполяцию знаний, полученных в одной предметной области (в “полисе”), на другую предметную область (“природу”).

Во-вторых, обратим внимание на то, что архэ (первооснова мира) греческими философами понимается как господствующая, властвующая стихия, как некое ядро знания, обладающего определёнными экстраполяционными возможностями, а потому и “властвующего” в той мере, в которой как раз и возможна экстраполяция его содержания.

Немаловажным нам представляется также и то, что греческая традиция поиска архэ – хозяина, господина мира в виде некой сущности (стихии) – с целью познать этот мир и овладеть им перекликается с библейской традицией понимания роли человека в мире. Познание, таким образом, может быть понято как овладение господствующим началом для того, чтобы господствовать самому. Познание с целью управления, для решения насущных человеческих задач – вот самый общий смысл такой важной и действующей до сих пор познавательной традиции, традиции поиска архэ.

Ещё одной неизменной по своему содержанию и поныне действующей традицией является поиск окончательного знания, истины, алетии (ἀλήθεια), под которой в Древней Греции понималось явное, несокрытое существование вещей, их открытый и доступный человеческому пониманию порядок. Считалось, что выступающее в алетии в качестве содержания всегда присутствует в мире и только “ждёт” своего часа (подобно созреванию плода), чтобы стать человеческим знанием. Напротив, «то, что мы называем научным знанием, как правило, не является знанием в платоновско-аристотелевском смысле, а, скорее, представляет собой информацию, касающуюся различных соперничающих гипотез и способов, при помощи которой они выдерживают разнообразные проверки» [12]. Хорошо видна эссенциалистская направленность нашего познания, ориентированного на постижение сущности происходящего в мире, исследующего «первые начала и причины» [3, с. 69].

Не имея возможности более или менее широко осветить прочие познавательные традиции – а число их очень и очень велико – рассмотрим лишь некоторые из них, релевантные интересующим нас проблемам. Такие традиции, как материализм и идеализм, критическая направленность философской и научной мысли, противопоставление бытия и сознания, субъекта и объекта, знания и мнения, сущности и ценности, эмпирического и теоретического либо уже были, либо ещё будут рассмотрены нами в данной работе. Но на одной из этих познавательных традиций, а именно на рационалистической традиции различения рассудка и разума, идущей от Канта и Гегеля, мы остановимся несколько подробнее, т. к. это крайне важно для решения задач данного нашего исследования.

Известно, что под рассудком в философии обычно понимается первичный уровень мышления, на котором оперирование абстракциями происходит в пределах схемы, заданного шаблона, жёсткого стандарта [20, с. 252]. Главной функцией рассудка является умение классифицировать и систематизировать факты. Логика рассудка – это формальная логика, уделяющая основное внимание готовым формам, а не содержанию знания. Разум же предполагает более высокий уровень рационального познания, для него характерны творческое оперирование абстракциями и сознательное исследование их природы. Только на этом уровне мышления задаётся вопросом о сущности вещей и законах, ими управляющих, стремится адекватно отразить эти законы в логике понятий, которые берутся в их всесторонней взаимосвязи и развитии. Главная

функция разума – объединение многообразного, вплоть до синтеза противоположностей, и выявление коренных причин и движущих сил изучаемых явлений. Логика разума – диалектика, понимаемая как учение о формировании и развитии знаний в единстве их содержания и формы [20, с. 253, 254]. Это важнейшее различие рассудка и разума будет нами учтено в дальнейшем.

В качестве примеров возникновения относительно новых познавательных традиций можно отметить: разделение рациональности на классическую, неклассическую, постнеклассическую (В.С. Степин) [35]; дихотомию теории познания на классическую и неклассическую (В.А. Лекторский) [37]; трансформацию понятия хаос в основной динамический фактор с точки зрения современной синергетики и др. Всё это позволяет говорить о новом, более сложном и целостном образе науки, которую «нельзя представить в виде линейной и одномерной упорядоченности уровней. Скорее это объёмная, многомерная структура, обладающая сложной топологией. Отдельные участки этой структуры обладают сильной связностью, что соответствует логической выводимости теорий, их синтезу и экстраполяции; в других частях мы обнаруживаем разрывы (неразрешенные противоречия, логические тупики) и расслоённые пространства» [35].

В связи с этим, подводя итог сказанному выше, нам кажется важным вновь остановиться на проблеме непрерывности и преемственности в научном познании, на проблеме диалектической связи традиции и её отрицания. Вспомним, что согласно Т. Куну,

в структуру научной парадигмы входит совокупность общепризнанных (традиционных) для данного исторического времени примеров, стандартов, образцов, схем решения конкретных научных задач, и, следовательно, парадигма предстаёт в облике некой господствующей в данную эпоху общей традиции, которая во многом определяет динамику, направленность, интерпретацию, практическую значимость научных исследований и поисков. С другой стороны, традиция нередко объявлялась мешающей процессу познания, от неё старались избавиться, «очиститься», устранить её деформирующее влияние. Скажем, такой приверженец традиций классического рационализма в XX в., как Э. Гуссерль, следуя рационалистической же традиции отбрасывания предшествующей познавательной традиции, вводит в философскую практику процедуру эйдетической редукции, назначение которой – устранить, исключить из поля зрения исследователя все относящиеся к предмету рассмотрения научные и ненаучные данные опыта, суждения, положения, оценки, так чтобы «сущность» предмета стала доступной познающему разуму во всей своей чистоте и незамутнённости. Очевидно, что гуссерлевская редукция критически направлена против познавательной традиции. Вообще говоря, традиция отказа от традиции весьма влиятельна, однако, как мы уже отмечали выше, не менее значимо в истории науки и противоположное. Эту диалектичность развития научного знания в своё время отмечал Нильс Бор: «Главное, что нужно себе ясно представить, это то, что всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспо-

собленных для объяснения прежнего опыта, и что всякая такая оболочка может оказаться слишком узкой для того, чтобы включить в себя новый опыт» [9, с. 95].

По нашему убеждению, развитие научного знания (в его сущностном, эссенциальном аспекте) в значительной степени подобно движению по колее, движению по неким рельсам, роль которых в различных областях науки выполняют именно познавательные традиции. В синергетике часто используется понятие “русло” примерно в том же значении, что “колея” или “рельсы”, и мы ещё не раз воспользуемся опытом синергетики в использовании этого понятия для анализа различных динамических процессов, связанных с рождением и развитием научного знания, с процессом научного творчества и т. д. Пока же обратимся к анализу не менее важных, чем эссенциальные аспекты, познавательных традиций – к анализу их ценностных (аксиологических) аспектов. Этой проблематике исследования посвящена вторая часть нашей статьи.

Заметим, что само разделение сущности и ценности, эссенциального и аксиологического аспектов, познания также является глубинной познавательной традицией, правда, присущей только философии. Впервые понятие “ценность” было введено Р.Г. Лотце в 1874 г. для различения бытия вещи и значимости смыслового содержания представлений об этой вещи, однако само ценностное отношение к действительности присутствовало в процессе развития знания всегда. Отметим, что, отказываясь от метафизики, так называемая новая философия науки (позитивизм), по существу, полностью

отстранилась от изучения ценностного, аксиологического аспекта научного познания, что явилось, на наш взгляд, серьёзным просчётом.

Что же представляет собой ценностное сознание, и как оно обнаруживает себя в научном познании? «Ценностное сознание находится на стыке, в расщеплении бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, наличное и потребное» [40, с. 394]. Имея всегда данное, текущее состояние окружающей действительности, человек устремлён к некоему иному, другому, будущему состоянию, и вектор направленности этого другого, желаемого состояния мира определяется теми ценностями, которыми руководствуется человек. Нам кажется важным подчеркнуть отсутствие прямого соответствия между знанием и ценностью: обладая одним и тем же ресурсом знаний о мире, человек в зависимости от тех ценностей, которыми он руководствуется, может по-разному распорядиться этим знанием – во благо и во вред, для достижения высоких целей или низких, для жизни или смерти, для агрессии или защиты.

В деятельности человека всегда имеются две возможности: путь разрушения, когда человек определяет своё бытие, исходя исключительно из своей воли, ни с кем и ни с чем более не считаясь, создавая ситуацию полной вседозволенности и анархии, и путь миротворчества как путь преобразования и улучшения мира, устремлённости к новому будущему с опорой на традиционные общечеловеческие ценности. Какими же ориентирами определяется выбор пути развития, пути созидания будущего? Этими ориентирами как раз и являются ценности – общечеловече-

ские идеалы, цели, устремления, ради которых совершаются деяния человеческие как в малом, так и в большом, при ограничении групповых, классовых, национальных, партийных и т. п. интересов.

История философской мысли свидетельствует, что вопрос об отношении разума и нравственности, знания и ценности издавна волновал умы мыслителей. Уже софисты осознавали проблематичность различения добра и зла, равно как и нравственного самоопределения человека. Об отсутствии достоверных критериев познания и нравственного поведения говорит знаменитое изречение Протагора: «Человек есть мера всех вещей, существующих – что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [2, с. 121]. В отличие от софистов, Сократ (а вслед за ним и Платон) был убеждён в существовании незыблемых разумных основ нравственности. Он полагал, что все споры об относительности понятий добродетели, мудрости, мужества, справедливости ведутся не потому, что эти понятия – пустые, а, напротив, потому, что эти общие понятия охватывают собой такое многообразие проявлений, что человеку можно ослепнуть и оглохнуть от этого многообразия. Поэтому он и предлагал совершить “бегство в *λογοί*”, в рассуждения, чтобы с помощью разума определить истинные основания добродетели. Известно, что Сократ первым взялся исследовать особый тип причинной зависимости – не отношение вещей к вещам в природном мире, а отношение общего к частному в общественной жизни. «Если в основе принципа лежит объективная мера природы, то в основе идеала – объек-

тивная мера человеческого в человеке. Сократ, таким образом, открывает новый тип зависимости: “идеальные мотивы определяют реальные дела” [26, с. 85]. Сократ доказывал, что не кости и сухожилия определяют смысл и направленность человеческих поступков, а знания о справедливом и наилучшем, т. е. то, что и составляет ценности.

Столь же значимой, как в своё время эпоха софистов и Сократа для Эллады, стала для новой Европы эпоха Просвещения. Вспоминая слова Канта, можно сказать, что она была эпохой выхода человечества из несовершенного, эпохой, не знающей сомнений веры в разум, в науку, искусство, в человеческий труд, в принцип «*virtu vince fortuna*» – «достоинства побеждают судьбу». В это время воззрения и ценности, основанные на религиозном или политическом авторитете, стали вытесняться воззрениями и ценностями, вытекающими из требований рационализма и способными выдержать критику со стороны независимого индивида. Характерные ценности данной эпохи – вера во всемогущество научного знания, вера в прогресс, в необходимость освобождения человека от всевозможных оков, вера во всеобщее равенство и справедливость, верность идеалам гуманизма. И. Кант, осознававший себя частью общеевропейского движения Просвещения, в своих работах и, в частности, в знаменитых четырёх вопросах своей «*Логике*» одним из первых сформулировал проблему человека, объединившую в себе интересы познания и ценности. С тех пор множество философов и учёных, предлагавших свои ответы на вопрос: что ищет человек, познавая мир? – вы-

нуждены были признать, что, даже стремясь к объективному знанию, знанию о природе самой по себе, человек использует это знание для того, чтобы вновь и вновь переопределять своё место в мире. Это убеждение характерно в первую очередь для представителей такого направления философской мысли XX в., как экзистенциализм, скажем, для М. Хайдеггера с его понятием “забота” (Sorge), означающим общую вовлечённость человека в дела окружающего мира.

Однако помимо такого мировоззренческого значения познание имеет и иной аксиологический смысл, а именно: поскольку сущностные свойства вещей обслуживают ценностные интересы людей, являются средством для удовлетворения человеческих потребностей, постольку и познание этих свойств есть также ценность. И, пожалуй, именно этот аспект имел роковое значение для нашей научно-технической цивилизации. Ведь новоевропейское понятие науки (под которой понимаются прежде всего математика и естественнонаучные дисциплины) обязано своим появлением убеждению во всемогуществе научного знания, в его способности привести мир к совершенному устройству на рациональной основе. А потому, сознавая себя наиболее важной ценностью, европейская наука становится даже не столько мерилом всех прочих ценностей, сколько свободной как от груза этих ценностей (религиозных, нравственных, политических), так и от ответственности за возможные негативные последствия своей деятельности (ведь рационализм предоставляет науке право на неограниченное господство). Наука призвана обеспечить господство человека

над природой, а значит, ей позволено осуществлять всё, чтобы достичь этого господства.

Однако здесь возникает новая проблема. Отвечая на практические потребности общества, наука реализует себя в функции непосредственной производительной силы, но служение науки производству неизбежно приводит её к зависимости от торговли, промышленности и финансов. Наука, призванная постигать истину, застревает на ступени зарабатывания прибыли [38, с. 316, 410]. В настоящее время наука зависима не только от экономики, но и от политики. В политических и идеологических целях, определяемых государством или влиятельными общественными группами, наука прибегает к намеренному искажению реальности, проповедует догматизм и нетерпимость и, таким образом, превращается в свой антипод, в антинауку. Парадокс ситуации заключается в том, что наука изменяет своим идеалам в угоду тем мнимым ценностям (общественным, экономическим, политическим), которые на самом деле ценностями не являются, а чаще всего отражают очередной социальный заказ “сильных мира сего”. Философы и учёные не раз предупреждали об опасности утраты наукой своего нравственного и гуманистического смысла, что в конечном итоге может привести к гибели человечества: «Обретя возможность уничтожить жизнь на Земле, род человеческий явно не достиг ещё собственно человеческого облика ... Человеку нужно стремиться не к могуществу, а к совершенству, в центре системы ценностей должна оказаться именно необходимость его самоограничения» [17, с. 9, 14]. При-

ходится констатировать, что эти аксиологические проблемы развития науки до сих пор должным образом не решены. Поэтому вполне закономерным представляется тот факт, что сейчас мы сталкиваемся с катастрофическим несоответствием технологических возможностей, оказавшихся в распоряжении человека, и уровня его нынешнего нравственного сознания.

Таков краткий анализ аксиологического аспекта познавательной традиции. Теперь вполне ясно, что познавательная традиция представляет собой органичное единство аксиологического и эссенциального аспектов, и именно это единство сущности и ценности станет отправной точкой наших дальнейших рассуждений.

В завершение первой статьи остановимся на тех вопросах, которые необходимо предварительно решить, идя к новой авторской теории рождения и развития научного знания. Итак, мы получили важный вывод, что познавательные традиции (обозначим их T) представляют собой значительную часть содержания любой науки; для полноты описания необходимо учесть, что помимо познавательных традиций T в процессе научного познания всегда присутствуют и выполняют такую же важную роль и соответствующие оппозиции этих традиций – обозначим их как $\neg T$, или \bar{T} . Иначе говоря, базовым элементом содержания любой науки является комплекс, состоящий из определённых традиций и

их оппозиций – комплекс (T, \bar{T}) , позволяющий в значительной степени формализовать описание процесса генерации и развития научного знания. В терминах этих познавательных комплексов “традиция–оппозиция” получить новый научный результат, т. е. осуществить некое научное открытие, означает осуществить переход от наличного множества таких комплексов к принципиально новому и неизвестному – к некоему новому комплексу вида (T^*, \bar{T}^*) .

Можно схематично обозначить этот переход, т. е. принципиальную общую схему научного открытия, следующим образом:

$$(T, \bar{T}) (T^*, \bar{T}^*),$$

где массивом всех (T, \bar{T}) представлен наличный уровень познавательных традиций и их оппозиций в той или иной научной области, а познавательный комплекс (T^*, \bar{T}^*) выполняет особые функции – управленческой директивы в движении к новому научному знанию.

В дальнейшем будет детально показано, что важнейшие стороны целостного познавательного процесса можно успешно и, главное, весьма конструктивно смоделировать в виде содержательного описания движения тех или иных познавательных комплексов (T, \bar{T}) в двумерном фазовом пространстве с координатами T и \bar{T} согласно той или иной познавательной директиве, задаваемой целевым познавательным комплексом (T^*, \bar{T}^*) .

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Б.Т. Понятие традиции в герменевтике и философии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология. 1996. Вып. 2. С. 3–8.

2. Античные философы: свидетельства, фрагменты и тексты / Сост. А.А. Аветисьян. Киев: Киевский государственный университет, 1955. 313 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
4. Афонасин Е.В. Диофант Александрийский и неопифагорейская традиция // Философия науки. 2015. № 4 (67). С. 112–126.
5. Батулин В.К. Проблема роста (генерации) нового знания: деятельностно-феноменологический подход // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 67–73.
6. Батулин В.К. Философия науки: учеб. пособ. для студ., аспирантов и преподавателей. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 303 с.
7. Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
8. Бернар Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 736 с.
9. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 151 с.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 568 с.
12. Горелов А.А. Философия: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2003. 382 с.
13. Гусев С.С. Рациональность: истоки и эволюция // Философские науки. 2015. № 5. С. 42–50.
14. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
15. Злобин Н. Культурные смыслы науки. М.: Российский институт культурологии, 1997. 288 с.
16. Дынник М.А., Каменский З.А. История античной диалектики. М.: Мысль, 1972. 335 с.
17. Кисилев Г.С. Постмодерн и христианство // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 3–15.
18. Клайн М. Математика. Утрата определенности / пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. И.М. Яглома. М.: Мир, 1984. 438 с.
19. Ключанов И.Э. Истоки научного мышления: линия Платона // Философские науки. 2017. № 5. С. 43–55.
20. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фахти Т.Б. Философия для аспирантов. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 448 с.
21. Кузнецова Н.И., Розов М.А. О разнообразии научных революций // Традиции и революции в истории науки / отв. ред. П.П. Гайденок. М.: Наука, 1991. С. 60–81.
22. Кун Т. Структура научных революций: монография. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
23. Ледников Е.Е. Проблема конструктов в анализе научных теорий. Киев: Наукова думка, 1969. 146 с.
24. Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 72–79.
25. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2001. 428 с.
26. Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс): учеб. пособие. М.: Академический проект, 2003. 880 с.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 21. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. 745 с.
28. Микешина Л.А., Опенков М.Б. Новые образы познания и реальности. М.: РОССПЭН, 1997. 238 с.
29. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.

30. Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 280 с.
31. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
32. Расселл Б. История западной философии: в 3 кн. / подгот. текста, науч. ред. В.В. Целищева. 2-е изд., испр.; . Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. 815 с.
33. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
34. Синеокая Ю.В. Анатомия философии: как работает текст // Философские науки. 2015. № 4. С. 132–145.
35. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
36. Сторожук А.Ю. Механизмы трансформации эпистемологических стандартов // Философия науки. 2016. № 2. С. 76–84.
37. Теория познания / под. ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. Т. 1–4. М.: Мысль, 1991–1995.
38. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
39. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
40. Философия: университетский курс / под. общ. ред. С.А. Лебедева. М.: Фаир-пресс, 2003. 528 с.
41. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2003. 575 с.
42. Франк Ф. Философия науки. М.: ИЛ, 1960. 545 с.
43. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гноз, 1993. 464 с.
44. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Наука, 1984. 232 с.
45. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 106–114.
46. Яковлев В.А. Бинарность ценностных ориентаций науки // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 77–86.
47. Gadamer H.-G. Hermeneutics, tradition and reason. Cambridge, 1987. 206 p.
48. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, 1949. 360 s.

REFERENCES

1. Alekseyev B.T. [The Concept of Tradition in Hermeneutics and Philosophy of Science]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* Ser. 6 [Bulletin of St. Petersburg University Ser. 6], 1996, Iss. 2, pp. 3-8.
2. Avetis'yan A.A., comp. *Antichnye filosofy: svidetel'stva, fragmenty i teksty* [Ancient Philosophers: Evidence, Fragments and Texts]. Kiev, Kiev State University Publ., 1955. 313 p.
3. Aristotle. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1976. 550 p.
4. Afonasin E.V. [Diophantus and Neopythagorean Tradition]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2015, no. 4 (67), pp. 112–126.
5. Baturin V.K. [The Problem of Growth (Generation) of New Knowledge: Activity-Phenomenological Approach]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2004, no. 4, pp. 67–73.
6. Baturin V.K. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2012. 303 p.
7. Bachelard G. *Novyi ratsionalizm* [New Rationalism]. Moscow, *Progress* Publ., 1987. 376 p.
8. Bernal G. *Nauka v istorii obshchestva* [Science in History]. Moscow, Foreign Literature Publishing House Publ., 1956. 736 p.

9. Bor N. *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic Physics and Human Knowledge]. Moscow, Foreign Literature Publishing House Publ., 1961. 151 p.
10. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [The Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.
11. Gaidenko P.P. *Evolutsiya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm* [The Evolution of the Concept of Science. Formation and Development of the First Research Programs]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 568 p.
12. Gorelov A.A. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Yurait Publ., 2003. 382 p.
13. Gusev S.S. [Rationality: the Origins and Evolution]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 5, pp. 42–50.
14. Descartes R. [Discourse on Method to Correctly Guide Your Mind and Find the Truth]. In: Descartes R. *Sochineniya. T. 1 Works. Vol. 1*. Moscow, Mysl' Publ., 1989, pp. 250–296.
15. Zlobin N. *Kul'turnye smysly nauki* [Cultural Meanings of Science]. Moscow, Russian Institute of Cultural Studies Publ., 1997. 288 p.
16. Dynnik M.A., Kamensky Z.A. *Istoriya antichnoi dialektiki* [History of Ancient Dialectics]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 335 p.
17. Kisilev G.S. [Postmodern Christianity]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2001, no. 12, pp. 3–15.
18. Kline M. *Matematika. Utrata opredelenosti* [Maths. The Loss of Certainty]. Moscow, Mir Publ., 1984. 438 p.
19. Klyukanov I.E. [The Origins of Scientific Thought: Plato]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2017, no. 5, pp. 43–55.
20. Kokhanovsky V.P., Zolotukhina E.V., Leshkevich T.G., Fakhti T.B. *Filosofiya dlya aspirantov* [Philosophy for Postgraduate Students]. Rostov on Don, Phoenix Publ., 2003. 448 p.
21. Kuznetsova N.I., Rozov M.A. [The Diversity of Scientific Revolutions]. In: Gaidenko P.P., ed. *Traditsii i revolyutsii v istorii nauki* [Tradition and Revolution in the History of Science]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 60–81.
22. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.
23. Lednikov E.E. *Problema konstruktov v analize nauchnykh teorii* [The Problem of Constructs in the Analysis of Scientific Theories]. Kiev, Scientific Thought Publ., 1969. 146 p.
24. Lektorskiy V.A. [Theory of Knowledge (Gnoseology, Epistemology)]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1999, no. 8, pp. 72–79.
25. Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki: traditsii i novatsii* [Philosophy of Science: Traditions and Innovations]. Moscow, PRIOR Publ., 2001. 428 p.
26. Mareyev S.N., Mareyeva E.V. *Istoriya filosofii (obshchii kurs)* [History of Philosophy (A General Course)]. Moscow, Academic Project Publ., 2003. 880 p.
27. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 21* [Works. Vol. 21]. Moscow, State Political Publishing House Publ., 1961. 745 p.
28. Mikeshina L.A., Openkov M.B. *Novye obrazy poznaniya i real'nosti* [New Images of Knowledge and Reality]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 238 p.
29. Nalimov V.V. *V poiskakh inykh smyslov* [In Search of Other Meanings]. Moscow, Progress Publ., 1993. 280 p.
30. Nikiforov A.L. *Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya* [Philosophy of Science: History and Methodology]. Moscow, The House of the Intellectual Book Publ., 1998. 280 p.
31. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie* [Personal Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p.
32. Russell B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western Philosophy]. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk University, 1997. 815 p.

33. Ricœur P. *Konflikt interpretatsii: ocherki o germenевtike* [The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow, Academic Project Publ., 2008. 695 p.
34. Sineokaya Yu.V. [Anatomy of Philosophy: How the Text Works]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 4, pp. 132–145.
35. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2000. 744 p.
36. Storozhuk A.Yu. [Mechanisms of Transformation of Epistemological Standards]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2016, no. 2, pp. 76–84.
37. Lektorsky V.A., Oizerman T.I., eds. *Teoriya poznaniya. T. 1–4*. [The Theory of Cognition. Vols. 1–4]. Moscow: Mysl', 1991–1995.
38. Fedorov N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 711 p.
39. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works On Science Methodology]. Moscow, Progress Publ., 1986. 543 p.
40. Lebedev S.A., ed. *Filosofiya: universitetskii kurs* [Philosophy: a University Course]. Moscow, Fair-press Publ., 2003. 528 p.
41. Gubskii E.F. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 575 p.
42. Frank F. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, IL Publ., 1960. 545 p.
43. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Moscow, Gnoz Publ., 1993. 464 p.
44. Shvyrev V.S. *Nauchnoe poznanie kak deyatelnost'* [Scientific Knowledge as an Activity]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 232 p.
45. Yakovenko I.G. [A Fresh Look at History]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1999, no. 1, pp. 106–114.
46. Yakovlev V.A. [Binary Value Orientations of Science]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2001, no. 12, pp. 77–86.
47. Gadamer H.-G. *Hermeneutics, Tradition and Reason*. Cambridge, 1987. 206 p.
48. Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, 1949. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батулин Владимир Кириллович – доктор философских наук, академик РАН, академик Общественной ноосферной академии, академик Международной академии социальных технологий и местного самоуправления, отличник народного просвещения РСФСР;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir K. Baturin – Doctor of Philosophy, honorary educator of the RSFSR, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Public Noosphere Academy, Academician of the International Academy of Social Technologies and Local Self-Government;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Батурин В.К. Познавательные традиции как предмет исследования философии науки. Общая теория генерации и развития научного знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 6-23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-6-23

FOR CITATION

Baturin V.K. Cognitive Traditions as an Object of Study of the Philosophy of Science. Common Theory of Generation and Development of Scientific Knowledge. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 6-23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-6-23

УДК 101.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-24-32

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АНАЛИЗА НЕЙРОННОЙ АКТИВНОСТИ ОРГАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Козырев В.В.

*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье осуществляются научный анализ и осмысление важнейших достижений нейроэтологии и поведенческой неврологии, связанных с анализом нейронной активности естественного поведения живых организмов. Обсуждается возможность пошаговой верификации и эвристического потенциала при философском подходе к анализу проблем сознания. Автором выявляется и обосновывается необходимость опосредованного анализа проблематики сознания с учётом быстро растущего потока информации в этой области. Ставится вопрос о научном способе фиксации и сигнификации видовых эволюционных процессов. Автору удалось раскрыть опосредованную многоаспектную взаимосвязь между различными способами жизнедеятельности человека (человечества), являющимися, с одной стороны, следствием специфики его нейронной организации, а с другой стороны, причиной его культурной феноменологизации.

Ключевые слова: философия сознания, поведенческие паттерны, нейронные модули, нейронные протоколы, когнитивные функции головного мозга.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NEURON ACTIVITY OF THE ORGANISM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY SCIENCE

V. Kozyrev

*Bauman Moscow State Technical University
5/1, 2-ya Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article provides a scientific analysis and explanation of the most important achievements in neuroethology and behavioural neurology concerning the analysis of neuron activity in the natural behaviour of living animals. This is a discussion of the possibility of step-by-step verification and of the heuristic potential of a philosophical approach to the analysis of the problems of consciousness. The author argues the need for a mediated analysis of the problems of consciousness, taking into account the rapidly growing amount of knowledge in this field. The question is raised of a scientific method of recording and signifying specific evolutionary processes. The author succeeded in revealing a mediated and multi-aspect interconnection between various kinds of human activity resulted from the specificity of human neuron nature, on the one hand, and causing human cultural phenomenologization, on the other hand.

© Козырев В.В., 2018.

Key words: philosophy of mind, behavioural patterns, neuron modules, neuron protocols, cognitive functions of the brain.

При всём многообразии научных подходов проблемы, связанные с изучением сознания, в первую очередь носят институциональный характер. При рассмотрении институциональной проблематики региона “сознание” именно философский анализ представляется наиболее действенным и верным. Однако даже при таком подходе всегда существовала и существует проблема верификации тезы, или конкретной объективации соотношений умозрительного и практического.

В данном случае видится возможным и разумным использование результатов исследовательских методик нейроэтологии и нейробиологии для большей наглядности и пошаговой верификации эвристических построений философского осмысления и анализа проблем сознания. Это тем более необходимо и верно, чем быстрее и объёмнее становится процесс умножения и распространения знаний. И ещё более верно с учётом того, что разумное поведение живых организмов является следствием активности физической материи, осуществляемой (при максимальном упрощении объяснения) на клеточном уровне.

Нейроэтология представляет собой синтетическую, многопрофильную науку, которая базируется на нейробиологии (в совокупности с нейроанатомией и нейрофизиологией) и этологии.

В свою очередь, поведенческая неврология исследует механизмы поведения живых систем (в том числе людей и различных видов животных), которые основаны на принципах научных подходов физиологии, нейро-

биологии, генетики и других научных дисциплин. В основном поведенческая неврология при изучении стандартных и нестандартных (лежащих в основе нормального и патологического поведения) нейробиологических процессов организма оперирует данными уровня нейронной структуры организма, активности транзиттеров клетки, клеточных структур, модуля мозга и др.

Основным фокусом исследования нейроэтологии, как и поведенческой неврологии, является изучение основанного на нейронной активности естественного поведения живых организмов, поведения, в том числе детерминированного биологически значимыми для организма внешними раздражителями / сигналами или внешними и внутренними источниками информации. Таким образом, нейроэтология и поведенческая неврология исследуют естественное поведение живых организмов в поисках закономерностей, определяющих функциональный переход между естественными потребностями живого организма, работой его нервной системы и поведенческими реакциями или поведенческими модулями живых организмов.

В зависимости от совокупности условий обитания и сложившегося в результате эволюции “модуса общения” с внешним миром некоторые виды живых систем обладают специфическими способностями коммуникации, идентификации, локации и, соответственно, определения и нахождения объектов питания. Например, в случае с дельфинами или летучими мышами (также

некоторые виды землероек, тюлени, некоторые виды птиц и др.) нейроэтологи исследуют в числе прочего ультразвуковой эффект, или эффект эхолокации, отвечающий за функционирование и выживание живого организма.

Например, специфическая слабость зрительного анализатора летучей мыши, являющаяся следствием соответствующей организации всей оптико-биологической системы этого вида живых организмов, эффективно “суперкомпенсируется” сильно развитой сенсорной функцией эхолокации, присущей этому виду животных. Данная функция (эхолокация) позволяет осуществлять естественное поведение или, в нашем понимании, присущее данному виду генерализированное (безусловный рефлекс И.П. Павлова) поведение, позволяющее этому представителю отряда рукокрылых функционировать и выживать в системе видов.

Примечательна сама по себе ультразвуковая модальность подобной жизнедеятельности, осуществляемая разными видами живых организмов (летучие мыши, некоторые виды землероек, тюлени и др.). На наш взгляд, это говорит о том, что поведенческие модусы разных видов живых систем так или иначе находятся в сложно-посредованной функциональной детерминации, начало которой реализуется на клеточном уровне.

Так, например, летучие мыши и ночные птицы гуахаро, а также стрижи вида саланган, а среди млекопитающих насекомоядные и грызуны обычно генерируют короткие и длинные ультразвуковые импульсы или сигналы, и, соответственно, основываясь на информации, полученной

извне, т. е. на отражённых, полученных обратно (сгенерированных организмом ранее) сигналах, центральная нервная система организма указанных видов “расшифровывает” внешний, или отражённый сигнал, преобразуя его в нервный импульс соответствующей силы и объёма (в зависимости от поступившей извне информации). Именно таким способом поступившая и обработанная информация, преобразованная в нервный импульс, становится одной из причин той или иной реакции, конкретной операции или наборов автоматизмов (выражаемого, например, сокращением определённого набора мышц или соединений тканей), выполняемых живым организмом в определённый момент жизнедеятельности.

Таким образом, сделанный организмом выбор (не важно на каком уровне реакций) в свою очередь является ответом на поступившую извне информацию. Это верно, в принципе, для любого обладающего нейронами живого организма (в данном случае летучих мышей, ночных птиц гуахаро, стрижей вида саланган). Т. е. мы говорим об операциях или действиях, рассматриваемых в любом конкретном случае как результат функциональной обработки нейронами поступившей извне информации, влияющей и определяющей (включающей, отключающей, переключающей) как определённые поведенческие механизмы живого организма, так и их последовательность.

Отсюда будет верным предположить, что при реализации организмом указанного нейронного модуля вряд ли будет возможно осуществление им полностью осознаваемого контроля необходимого уровня за каждым этапом структуры

модуля или единичными процедурами (входящими в общий состав активности), происходящими в организме на нейронном уровне, однако влияющими на все непосредственно осуществляемые или реализуемые организмом внешние действия.

В свою очередь, поведенческие модули, или, точнее, совокупность поведенческих схем (из которых состоят поведенческие модули) становится таковой только после освоения живым организмом всех необходимых навыков и умений, для того чтобы иметь нужный для этого поведенческий базис. Что, в свою очередь, как мы понимаем, происходит в период научения взрослеющего организма, т. е. в молодом возрасте. Можно предположить, что контроль за всеми необходимыми для выживания действиями требует от живого организма соответствующей концентрации внимания (с учётом объёма непосредственно поступающей информации и времени, необходимого для его обработки).

Т. е. в тот период жизни (в юном возрасте), когда выполняемые организмом определённые относительно несложные последовательности действий и операций требуют от него предельных уровней концентрации внимания и контроля восприятия, а также особой концентрации сил организма, перед тем, как эти действия, состоящие из операций, перейдут или переписутся (на клеточном уровне) из разряда действий в разряд операций и впоследствии станут автоматизмами. Именно в такой последовательности, как мы увидим в приводимых далее примерах, происходит функциональный переход контроля за выполняемыми живым организмом действия-

ми. Контроля, требующего изначально тщательного, многоступенчатого непосредственного внимания за поступающей непосредственным образом информацией (например, при освоении каких-либо двигательных навыков). Эта же информация после трансформации на клеточном уровне становится частью функциональных возможностей живого организма, что, в свою очередь, позволяет живому организму перевести контроль за этими пошагово усвоенными навыками (ставшими автоматизмами) в разряд опосредованного внимания, осуществляемого автоматически на клеточном уровне. Это в итоге позволяет живому организму контролировать и координировать свои непосредственные действия системно, т. е. на уровне взаимодействия совокупности и совокупностей нейронных протоколов, каждый из которых, в зависимости от их функциональной принадлежности был построен, активирован и закреплён организмом в период овладения необходимыми навыками и умениями [3; 11].

Необходимо учитывать, что приведённый здесь нейронный модуль или нейронный протокол, влияющий и определяющий, как мы только что выяснили, структуру поведения живого организма, функционально основан на селективной, системной нейронной его активности. Следовательно, будет разумным допустить, что уровень нейронной активности живого организма детерминируется разными (условными и безусловными) аспектами, влияющими на структуру его поведенческих модулей.

Одним из таких безусловных аспектов, детерминирующих нейронную

активность организма, является видовой особенностью. Т. е. чем выше уровень развития данного вида, тем сложнее систематика нейронной организации и, соответственно, вариации поведения данного вида живых организмов.

Ещё один аспект – (условный) возрастной, т. е. динамическое развитие необходимой степени нейронной активности организма. Что, в свою очередь, зависит от успешной выработки организмом навыков, в том числе необходимых для его выживания. В самом деле, ни один из новорождённых детёнышей любого вида живых существ (в том числе человек) не обладает с рождения необходимыми для выживания и внутривидового функционирования поведенческими навыками. Потому что, несмотря на наследственный потенциал (код ДНК), в котором заложены основания для их дальнейшей реализации в процессе овладения необходимыми навыками для осуществления процесса жизнедеятельности живого организма, новорождённому или молодому организму требуется время для освоения необходимых для выживания и коммуникации навыков и умений (в случае с человеком – умений, навыков и знаний). Т. е. время в этих обстоятельствах является одним из требуемых условий для создания, “включения”, или “запуска”, или настройки необходимого количества нейронов для успешного достижения целей и выполнения задач, связанных с научением. Что сообразно с этим осуществляется благодаря потенциалу нейронной активности нужного организационного или системного уровня.

Так, при проведении исследований, пытаясь изучить динамику памяти представлений на уровне отдельных

нейронов и их популяций, ученые выявили достаточно обширную роль сна в процессе обучения пению молодых особей (птенцов) певчих птиц. Т. е. полученные довольно многочисленные эмпирические результаты позволяют выдвинуть гипотезу о довольно обширной практической схожести процесса овладения вокальными способностями птенцами разных видов птиц и приобретения речевых навыков человеком в период его младенчества [2].

Сделать подобное довольно смелое заявление нейроэтологам позволяют результаты их экспериментов, наблюдений и интерпретаций. В данном случае речь идёт о двухэтапном, или “двухфазовом”, по словам исследователей-нейроэтологов, объективно зафиксированном процессе научения и запоминания [10]. Исследователями утверждается, что первый этап слухового запоминания в последующем модулируется нейронной сетью как информация для второго этапа или фазы обучения. Т. е. уже для следующего, сенсомоторного этапа обучения. Действительно, нейроэтологами в том числе выдвигается эмпирически хорошо обоснованный тезис о функциональной взаимосвязи сенсорной слуховой коры ассоциативной зоны мозга человека и нейронных модулей памяти, обеспечивающих запоминание, в том числе в процессе идентификации, классификации и обобщения информации, получаемой живым организмом в процессе обучения [5].

Таким образом, подобные исследования позволяют выдвинуть довольно обоснованную гипотезу, что в основном именно во время сна происходит локальное “извержение” разряда, или накопленной нейронами во

время бодрствования (т. е. во время обучения) сенсорной информации. Исследователи заметили, что именно во сне организм живой системы запускает процесс формирования новых нервных окончаний и соединений, в том числе в виде создания новых постсинаптических дендритных шипиков. Местонахождение, или локализация этих новых образований зависит от конкретных задач, выполняемых организмом при активизации нейронных соединений или нейронных контуров, необходимых для выполнения или достижения в процессе обучения тех результатов, которые являются одними из основных условий. Результаты в случае с животными являются определяющими, или основными в вопросах успешного функционирования организма и, соответственно, выживания любого вида живой системы [1].

В связи с этим стоит также обратить внимание на результаты одного из исследований по генной инженерии в работе с мышами. Так, наблюдая за движением флуоресцентных белков в нейронах, исследователи также обратили внимание на важность процесса сна и влияние сна на формирование структуры памяти во время обучения. Им также удалось зафиксировать рост объёма постсинаптических дендритных шипиков. Факт увеличения шипиков был зафиксирован и подтверждён эмпирически. Т. е. были проведены необходимые измерения до того, как исследуемые мыши научились передвигаться, и после того, как мыши овладели навыком передвижения.

Благодаря подобным исследованиям удалось выявить следующее: формирование дендритных шипиков на “ветвях” пирамидальных нейронов в

основном происходит во время сна. Исследователи также отметили, что качество и структура сна являются необходимыми условиями для образования новых информационных связей и играют важную роль при получении и сохранении преобразуемой в память информации. Т. е. определённые нейроны организма активируются во время обучения, или получения информации, и эти же нейроны будут реактивированы во время сна уже в другой модальности. Это, в свою очередь, говорит о пластичности динамики внутренних процессов организма, способствующих функциональному нейронному преобразованию полученной информации. Исследователи считают, что данная функция мозга имеет самое важное значение при создании новых синаптических связей между нейронами, в том числе в виде новых воспоминаний. Подобные исследования, как мы уже отмечали ранее, очень важны в понимании роли и значения сна в процессе обучения.

Специалистами лаборатории А. Абарбанеля успешно предпринимаются попытки моделирования и математических расчётов внутриклеточных динамических процессов. В своих опытах специалистами этой лаборатории в том числе осуществляется практическое применение точечной модели Ходжкина–Хаксли, т. е. математической модели, описывающей генерацию и распространение потенциалов действия или электрических сигналов в нейронах. Т. е. осуществление расчётов для отдельных нейронов системы с целью создания действительных, управляемых моделей отдельных нейронов и их полей (сетей), влияющих в том числе на формирование поведения живо-

го организма [4; 9]. В контексте своего научного подхода исследователи из лаборатории А. Абарбанеля делают, как им кажется, довольно обоснованные выводы, что динамика изменения напряжения мембраны возбуждаемого нейрона может быть описана в категориях нелинейных дифференциальных уравнений, с помощью которых будет найден расчётный интеграл электрофизиологического поведения нейрона. В этих разработках специалисты этой лаборатории также используют численное интегрирование Монте-Карло. Что, по замыслу исследователей, должно позволить им описывать и предсказывать математические параметры поведения нейрона через выявление его внутриклеточного состояния и, соответственно, внутриклеточной динамики [8].

На наш взгляд, также можно назвать многообещающими недавние открытия, сделанные учёными Медицинского колледжа Висконсина (MCW), проводившими исследования на трансгенных мышах, имеющих симптомы болезни Паркинсона в разных стадиях.

Проводя это исследование, учёные заметили, что использование новой, синтетической молекулы 'Diarosynin' позволяет купировать (прервать) дальнейшее развитие этой болезни. Т. е. исследователи выдвинули гипотезу, что использование синтетической молекулы 'Diarosynin' предотвращают развитие двигательного дефицита, а также дефицита контроля и координации движений организма. Благодаря этому полученные результаты научного исследования позволят, по мнению учёных, выявить и разработать новую систему нейронных биомаркеров, спо-

собных помочь диагностировать в организме болезнь Паркинсона на более ранних этапах. Что, в свою очередь, с прогнозируемым улучшением уровня медицинского обслуживания позволит выявлять и останавливать развитие этой болезни на более ранних её этапах, т. е. с наименьшими потерями для организма человека.

При всей огромной разнице между человеком и животными мы понимаем, что видовые эволюционные процессы могут быть исследованы. Они фиксируются и сигнифицируются благодаря естественнонаучному, кросс-дисциплинарному инструментарию. Это также верно и для онтогенетических процессов [6; 7].

Однако анализ и классификация, скажем, творческих возможностей человека, как и процессов мышления или волеизъявления – это, безусловно, прерогатива философских подходов научного анализа. Так же, как и в случае с философским анализом проблематики сознания, который, как уже отмечалось, остаётся востребованным и актуальным при всём многообразии естественнонаучных достижений и методик в виду того, что человек является как культурным феноменом, так и феноменом культуры. А также в виду того, что умение мыслить опосредованно особенным образом конституирует человеческую деятельность и определяет цели, задачи и допустимые способы жизнедеятельности. Что подразумевает под собой обладание необходимыми мыслительными навыками или владение когнитивными функциями, что, в свою очередь, открывает совершенно новые возможности. Таким образом, как было показано выше, именно нейронная активность орга-

низмов является одним из ключевых условий выживания, развития и, соответственно, коэволюционной динамики в контексте их биоценологических взаимосвязей, которые, генерализуясь, трансформируются в вопросы онтологического свойства.

Как уже отмечалось выше, вопросы, или, лучше сказать, проблемы, связанные с изучением сознания, являются в первую очередь институциональны-

ми. Сложность изучения проблемы или многоаспектная и многоуровневая сложность проблематики сознания признаваема всем без исключения мировым научным сообществом. Следовательно, философская методология на данном этапе является максимально востребованной и действенной при изучении этой самой сложной научной задачи человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bolhuis J.J., Gahr M. Neural mechanisms of birdsong memory // *Nature Reviews Neuroscience*. 2006. Vol. 7. P. 347–357.
2. Brainard M.S., Doupe A.J. What songbirds teach us about learning // *Nature*. Vol. 417. P. 351–358.
3. Chauvette S., Seigneur J., Timofeev I. Sleep oscillations in the thalamocortical system induce long-term neuronal plasticity // *Neuron*. 2012. Vol. 75. Iss. 6. P. 1105–1113.
4. Euston D.R., Steenland H.W. Memories – getting wired during sleep // *Science*. 2014. Vol. 344. Iss. 6188. P. 1087–1088.
5. Gentner T.Q., Margoliash D. Neuronal populations and single cells representing learned auditory objects // *Nature*. 2003. Vol. 424. P. 669–674.
6. Isaacson J. S., Scanziani M. How inhibition shapes cortical activity // *Neuron*. 2011. Vol. 72. Iss. 2. P. 231–243.
7. Knowlton C., Meliza C.D., Margoliash D., Abarbanel H.D.I. Dynamical estimation of neuron and network properties III: network analysis using neuron spike times // *Biological Cybernetics*. 2014. Vol. 108. Iss. 3. P. 261–273.
8. Kostuk M., Toth B.A., Meliza C.D., Margoliash D., Abarbanel H.D. Dynamical estimation of neuron and network properties II: Path integral Monte Carlo methods // *Biol Cyber*. 2012. Vol. 106. Iss. 3. P. 155–167.
9. Lynch G.E., Okubo T.S., Hanuschkin A., Hahnloser R.H., Fee M.S. Rhythmic Continuous-Time Coding in the Songbird Analog of Vocal Motor Cortex // *Neuron*. 2016. Vol. 90. Iss. 4. P. 877–892.
10. Richards B.A., Frankland P.W. The persistence and transience of memory // *Neuron*. Vol. 94. Iss. 6. P. 1071–1084.
11. Yang G., Cora Sau Wan Lai, Cichon J., Lei Ma, Wei Li, Wen-Biao Gan. Sleep promotes branch-specific formation of dendritic spines after learning // *Science*. 2014. Vol. 344. Iss. 6188. P. 1173–1178.

REFERENCES

1. Bolhuis J.J., Gahr M. Neural Mechanisms of Birdsong Memory. In: *Nature Reviews Neuroscience*, 2006, vol. 7, pp. 347–357.
2. Brainard M.S., Doupe A.J. What Songbirds Teach Us about Learning. In: *Nature*, vol. 417, pp. 351–358.
3. Chauvette S., Seigneur J., Timofeyev I. Sleep Oscillations in the Thalamocortical System Induce Long-Term Neuronal Plasticity. In: *Neuron*, 2012, vol. 75, iss. 6, pp. 1105–1113.

4. Euston D.R., Steenland H.W. Memories – Getting Wired During Sleep. In: *Science*, 2014, vol. 344, Iss. 6188, pp. 1087–1088.
 5. Gentner T.Q, Margoliash D. Neuronal Populations and Single Cells Representing Learned Auditory Objects. In: *Nature*, 2003, vol. 424, pp. 669–674.
 6. Isaacson J. S., Scanziani M. How Inhibition Shapes Cortical Activity. In: *Neuron*, 2011, vol. 72, iss. 2, pp. 231–243.
 7. Knowlton C., Meliza C.D., Margoliash D., Abarbanel H.D.I. Dynamical Estimation of Neuron and Network Properties III: Network Analysis Using Neuron Spike Times. In: *Biological Cybernetics*, 2014, vol. 108, iss. 3, pp. 261–273.
 8. Kostuk M., Toth B.A., Meliza C.D., Margoliash D., Abarbanel H.D. Dynamical Estimation of Neuron and Network Properties II: Path Integral Monte Carlo Methods. In: *Biol Cyber*, 2012, vol. 106, iss. 3, pp. 155–167.
 9. Lynch G.E., Okubo T.S., Hanuschkin A., Hahnloser R.H., Fee M.S. Rhythmic Continuous-Time Coding in the Songbird Analog of Vocal Motor Cortex. In: *Neuron*, 2016, vol. 90, iss. 4, pp. 877–892.
 10. Richards B.A., Frankland P.W. The Persistence and Transience of Memory. In: *Neuron*, vol. 94, iss. 6, pp. 1071–1084.
 11. Yang G., Cora Sau Wan Lai, Cichon J., Lei Ma, Wei Li, Wen-Biao Gan. Sleep Promotes Branch-Specific Formation of Dendritic Spines after Learning. In: *Science*, 2014, vol. 344, iss. 6188, pp. 1173–1178.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козырев Владислав Владимирович – аспирант кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана;
e-mail: vvkoz@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Kozyrev – postgraduate student at the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: vvkoz@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козырев В.В. Философское осмысление анализа нейронной активности организма в контексте проблемы сознания в современной науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 24-32
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-24-32

FOR CITATION

Kozyrev V.V. Philosophical Analysis of Neuron Activity of the Organism in the Context of the Problem of Consciousness in Contemporary Science. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 24-32
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-24-32

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 117

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-33-44

НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАНПСИХИЗМА

Абрамов П.Д.

*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения России
117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему панпсихизма в философии науки. Приводятся аргументы в пользу того, что разум, одушевлённость – универсальные свойства бытия. Рассмотрены примеры синергетики в неживой природе, содержащей элементы самоорганизации, аналоги живого. Используя методы междисциплинарного анализа, диалектики, автор приходит к выводу, что панпсихизм находит поддержку у некоторых учёных, но синергетика выявляет в неживом не душу, а аналоги жизни.

Ключевые слова: панпсихизм, Вселенная, материя, платонизм, самоорганизации, квантовый компьютер, монада.

SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL GROUNDS OF PANPSYCHISM

P. Abramov

*The Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov
1, Ostrovityanov st., Moscow, 117997, Russian Federation*

Abstract. The article considers the problem of panpsychism in the philosophy of science. Arguments are given to prove the fact that mind, animality are universal properties of being. Examples of synergetics in inanimate nature containing elements of self-organization, analogs of living things are considered. Using the methods of interdisciplinary analysis, dialectics, the author comes to the conclusion that panpsychism finds support among some scientists, but synergetics reveals in the inanimate not the soul, but analogies of life.

Key words: panpsychism, the Universe, matter, Platonism, self-organization, quantum computer, monad.

В последние годы панпсихизм набирает популярность. При этом сходные с панпсихизмом положения отстаиваются идеализмом, неоплатонизмом, метафизикой всеединства и т. д. А. Кузнецов отмечает: «панпсихизм стал серьезной альтернативной концепцией сознания, получившей признание не только у философов, но и у известных представителей эмпирической науки» [4]. Конечно, в ближайшие годы он вряд ли превратится в доминирующую теорию, но на серьезное рассмотрение вполне может претендовать. В частности, известный современный философ Д. Чалмерс в статье «Панпсихизм и панпротопсихизм» предлагает серьёзные аргументы в пользу этой концепции [11]. На наш взгляд, подход, связанный с панпсихизмом и критикой физикализма, правилен. С одной стороны, невозможно понять, что такое сознание, без учёта последних революционных открытий физики, изменивших научную картину мира, с другой стороны, малопродуктивно рассуждать о нём только как об абстрактном объекте. Сознание при первом приближении – это сознание конкретного субъекта, а он – не только разум, но и внерациональные познавательные способности.

Самоорганизующаяся Вселенная

Термин “панпсихизм” не пользовался большой популярностью у философов, чаще употреблялось родственное ему понятие “идеализм”. Почему? Панпсихизм часто ассоциировался с некритическим мифологическим мышлением, в соответствии с которым космос подобен гигантскому живому существу. Даже если не при-

нимать такого поверхностного антропоморфизма, возникает следующая проблема. Психическая жизнь связана со способностью чувствовать, испытывать яркие, субъективно значимые переживания. Как эти субъективные процессы могут быть приписаны всему космосу, если мы исходим из предположения, что он не является единым живым организмом? На наш взгляд, более естественным было бы пойти, наоборот, от объективного – космоса к субъективному – человеку. Плотин и многие другие философы полагали, что мировой разум и мировая душа порождают наши ограниченные душу и разум. Нам онтологические принципы неоплатонизма кажутся приемлемыми, но целесообразно рассматривать вопрос от частного к общему, от естествознания к спекулятивной философии. Обратимся к результатам и теориям современной науки.

Согласно В.С. Стёпину, современная наука становится наукой постнеклассической, и в ней исследуются преимущественно не простые статичные объекты, а сложные саморазвивающиеся системы. Такие системы изучаются в теории самоорганизации, или синергетике. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов отмечают следующие базовые принципы синергетической методологии: «Синергетика устанавливает мостики между мёртвой и живой природой, между целеподобностью поведения природных систем и разумностью человека. В мёртвом ведётся поиск живого, вернее, аналогов живого, элементов самодоживания, чего-то подобного интуиции и т. д. А в живом – поиск того, что общее ему с мёртвым, что уже присутствует в неживой природе» [3, с. 46]. Самодообра-

ивание, или самоорганизация – это упорядочивание элементов в системе за счёт внутренних факторов, в результате чего она эволюционирует на качественно новый уровень развития. К самоорганизации способны не все системы, а только достаточно сложные, или нелинейные. Такие системы описываются с помощью нелинейных дифференциальных уравнений. На практике это означает, что такая система имеет множество устойчивых состояний. Например, судно движется в бурю; противодействуя ударам волн, оно будет сохранять устойчивое состояние, но при этом очевидно, что невозможно описать с точностью даже до метра траекторию его движения. И. Пригожин часто обращается к следующему классическому примеру самодостраивания, или возникновения новой пространственно-временной структуры. Это так называемые химические часы: в результате такого процесса раствор периодически меняет свой цвет с голубого на красный. «Кажется, будто молекулы, находящиеся в разных областях раствора, могут каким-то образом общаться друг с другом. Во всяком случае, очевидно, что вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула “видит” только своих непосредственных соседей и “общается” только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы “видит” всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» [8]. Пригожин подчёркивает важное обстоятельство. Согласованные изменения происходят не в любое время, а лишь на определённом этапе эволюции. Если проводить ана-

логии, это похоже на то, как рота солдат по команде переодевается в одежду другого цвета.

Вдали от равновесия система обязательно перейдёт на новый этап развития. Когда система находится в таком состоянии, на неё действует хаотический, рассеивающий, фактор. С ним борется фактор самовыстраивания, или выхода к определённой цели (аттрактору). Если хаотический фактор возобладает, произойдёт разрушение. Однако хаос нельзя назвать исключительно негативным фактором: «конструктивность, созидательность хаоса (выход на аттрактор, на тенденцию самоструктурирования нелинейной среды) проявляется в разрушении “ненужного”, чтобы на этом фоне чётко проступила относительно устойчивая структура» [3, с. 127]. Новая, только что возникшая структура является лишь относительно устойчивой, она стабильна до нового момента обострения. В этот момент она снова либо разрушится, либо эволюционирует. Изменения, происходящие на этапе неравновесия, напоминают момент выбора человека в судьбоносной ситуации: быть или не быть, – и результат тут отнюдь не предreshён.

Пригожин отмечает, что миру присуща спонтанная гармония. Такой взгляд на природу является типичным для культур Востока и большинства мыслителей Античности, сейчас он приобретает многочисленных сторонников среди западных учёных. Тезис о спонтанности, по крайней мере, микромира – это часть современной научной парадигмы. Атом должен распасться, но когда точно произойдёт его распад, предсказать невозможно, и об этом имеется лишь вероятностное

представление. На вопрос же о том, почему случится такое событие, последует ответ, что оно не вызвано внешними причинами, а является как бы частью природы атома.

Философ науки Э. Ласло на основе данных из биологии, физики, космологии предлагает теорию эволюционного панпсихизма, в соответствии с которой материя и дух – аспекты одной реальности. «То, что мы называем материей, есть аспект, который мы постигаем, когда смотрим на человека, растение или молекулу снаружи; сознание – это аспект, который мы постигаем, когда смотрим на них изнутри» [5, с. 96]. Конечно, “сознание” молекулы и сознание человека качественно несопоставимы, однако мы соглашаемся с Э. Ласло в том, что нет ни одного природного объекта, абсолютно лишённого сознания. Этот мыслитель рассуждает о том, что в молекуле сознание присутствует в рудиментарной форме, в клетке его чуть больше, она уже “знает”, как размножаться и бороться с вирусами, растение “знает”, как прорасти так, чтобы получать влагу и солнечный свет, муравей “знает”, как выполнять свои обязанности, например, по строительству, действуя в согласии со своими сородичами, и т. д.

Итак, в неживом присутствуют аналоги живого. Абсолютно инертной, бездеятельной материи нет, и если мы рассматриваем материю как мёртвую, исключительно пассивную и движимую лишь благодаря воздействию извне, то это характеризует лишь наш метод, подход к исследованию мира, а не материю как таковую. При этом аналоги живого не означают самого живое. Если не обращаться к биохимии и вспомнить классическое опре-

деление растений, их характеризует способность к питанию и размножению. Сомнительно, чтобы изучаемые химией системы, состоящие из молекул, “питались” и “размножались” в том же смысле, в каком это делают растения. Это естественно, поскольку в противоположном случае стёрлись бы границы между разными царствами природы. Главное, что нет непреодолимой границы между живым и неживым или, если рассмотреть проблему более обобщённо, нет двух радикально различных субстанций, духовной и материальной. Мир един, и принципы самоорганизации, универсального эволюционизма или, если угодно, диалектического развития применимы ко всем явлениям, царствам природы. Возможно, физическим системам, да и самой Вселенной присуща не только способность к самоорганизации, но и нечто большее – разум?

Вселенная – вычисляющий квантовый компьютер

В последние годы получили распространение взгляды на Вселенную как на своеобразный квантовый компьютер. В частности, лауреат Нобелевской премии по физике Д. Гросс, отвечая на вопрос о том, не является ли мир компьютером, отмечает: «в некотором смысле, это совершенно верно, что мир вычисляет своё собственное состояние. Только это происходит под управлением квантовой механики. Это квантовый компьютер, а не классический» [2]. На наш взгляд, это справедливое суждение, только стоит уточнить, что квантовый компьютер – это не вся Вселенная, а лишь её определённый аспект.

Квантовый компьютер является сложным и необычным устройством. Для понимания того, что он собой представляет, обратимся к работе одного из ведущих специалистов в данной области, автора концепции “вычисляющей Вселенной” С. Ллойда [7]. Компьютер вообще – это то, что обрабатывает информацию. Выполнять же расчёты может практически всё, что угодно, точнее, любое устройство, у которого есть два надёжно различимых состояния, способных хранить бит. Это устройства, созданные человеком, – счёты, логарифмическая линейка, механический компьютер Бэббиджа и т. п. Кроме того, информация обрабатывается с помощью ДНК, полового отбора и, естественно, нашего мозга. Компьютер стоит понимать достаточно широко, не сводя его к программируемой электронно-вычислительной машине.

Чем же квантовый компьютер отличается от обычного, чаще всего электронного? В обычном электронном располагаются в конденсаторе, или своеобразном “ведре”; они могут либо находиться в нём, либо нет, и это соответствует математическим 1 и 0. С помощью транзисторов, или электронных выключателей, задаётся возможность выполнять вычисления, применять операции “и”, “или”, “не”, “копировать” и т. д. к битам. Квантовый компьютер опирается на принципы квантовой, а не классической – физики. Квантовая физика существенно отличается от классической, в частности, принцип суперпозиции предполагает сосуществование взаимоисключающих с классической точки зрения состояний объекта. Так, квантовый бит, или кубит, включает в

себя не только 0 или 1, но и все промежуточные состояния между ними. Если попытаться это представить, то лучше провести аналогию не с вещью (кажется невозможным, чтобы, например, чашка на столе была и целой, и разбитой одновременно), а с надённым свободной волей человеком: утром я иду на работу и могу только с определённой степенью вероятности предполагать, в каком настроении, хорошем, плохом, “неопределённом”, будет мой начальник. Применительно к решаемым нами задачам принцип суперпозиции означает, что у квантового компьютера ответ на вопрос есть как бы ещё до того, как мы его задали. Квантовый компьютер в отличие от классического работает не методом механического перебора, а “одобряя” правильные состояния и “отсекая” все остальные. Например, на стоянке расположено 20 машин, и нужно определить самую длинную из них. Обычный компьютер измерит длину каждой и последовательно сравнит их, а квантовый как бы поставит их рядом и выберет нужную. Квантовый компьютер “умнее” классического, и его функционирование ближе к деятельности человеческого сознания. Кубит образуется благодаря явлению квантовой запутанности, которое заключается в том, что состояния двух или большего числа объектов оказываются взаимозависимыми. При этом производство конкретного физического квантового компьютера сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, квантовые состояния являются неустойчивыми, чтобы избежать их распада и сохранить кубит (который может быть образован из пары фотонов, ионов, спинов ядер атомов и т. д.), обычно требуется очень

низкая температура. Во-вторых, в настоящее время нет технической возможности создавать неограниченное количество кубит (построены компьютеры в пределах только 512 кубит). Пока достигнуты весьма скромные успехи в создании полноценного квантового компьютера, и он уступает самым мощным обычным компьютерам. Однако квантовый компьютер рано или поздно создадут, и не только потому, что он быстрее вычисляет и способен решать более сложные задачи, а просто из-за того, что современные вычислительные элементы становятся всё более и более миниатюрными, а на малых масштабах начинают действовать законы квантовой механики.

Существенно различаются не только базовые принципы функционирования классического и квантового компьютеров, но и их места в природе. Создавая классический, мы образуем из электронов или фотонов с помощью конденсаторов и транзисторов логические схемы, которые произведены и контролируются нами. Обычный компьютер подобен утюгу или холодильнику, он – механизм, выполняющий определённые функции. Создавая его, мы как разумные существа формализуем с помощью законов мышления Буля часть своего сознания и отчуждаем его вовне, как бы объективируя в машине. Работу квантового компьютера Ллойд сравнивает с массажем: мы воздействуем извне на пару взаимозависимых частиц, и, если наше воздействие успешно (что, например, определяется тем, как долго мы сумеем сохранить эту взаимозависимость, или запутанность), они выполняют вычисления. Здесь слишком сильным было бы утверждение, что мы ведём с части-

цами некий диалог, скорее, мы привлекаем часть вычислительных возможностей Вселенной подобно тому, как мы можем добывать из окружающего нас мира воду, энергию, полезные ископаемые, заставляя их производить полезную для нас работу [7]. Человек познаёт определённый, разумно-вычисляющий аспект Вселенной. Однако не будет ли слишком сильным и такое сравнение? Ведь квантовый компьютер работает не в результате заклинаний, а от того, что его программируют люди.

Ответ на вопрос о способности Вселенной программировать саму себя зависит от того, признаём ли мы самостоятельное существование алгоритмов. Алгоритмы, присутствующие в некоем платоновском трансцендентальном мире, являются программами, которые выполняет Вселенная – квантовый компьютер. Платониками были многие выдающиеся математики и философы, например Г. Фреге, К. Гёдель, в более близкое нам время – Ю. Вигнер, Р. Пенроуз. Физик М. Тегмарк выдвигает платонически-пифагорейскую гипотезу математической Вселенной, в соответствии с этой гипотезой сущность мира – это число, и всё сущее порождено математическими закономерностями. С математической гипотезой Вселенной совместима вычислительная гипотеза Вселенной. Последняя опирается на компьютерную метафору Вселенной и тезис, что подмножество выполняемых алгоритмов входит во множество всех математических структур. В частности, конечная и упорядоченная последовательность нулей и единиц – это запись двоичным кодом какого-то целого числа; функция также представляет собой математиче-

ский объект [13]. Платонизм, особенно в его радикальной форме, принимают не все исследователи. В.А. Бажанов указывает, что для определения природы числа необходимо учитывать биологические и социальные аспекты существования человека: «логико-математические языки оказываются как бы надстройкой, вторым этажом над теми нейробиологическими структурами, которые в результате синтеза данных восприятия и внешних конфигураций в конечном счёте предопределяют компоненты математической реальности. Кроме того, и сам характер человеческой деятельности через свои нормативные компоненты определённым образом вносит свою лепту в формирование объектов этой реальности» [1]. Конечно, человек, определяемый телесностью и культурой, во многом конструирует, достраивает тот или иной аспект математической реальности. С другой же стороны, ничто не мешает числам и алгоритмам существовать независимо от нас, более того, сама их интерсубъективность как бы требует этого.

Конечно, гипотеза вычисляющей Вселенной пока не является общепринятой, но имеются достаточно сильные научные и философские аргументы в её пользу. Возникает другой вопрос. Предположим, Вселенная – это действительно гигантский квантовый компьютер, но является ли он сознательным? Ведь его функционирование можно сравнить с тем, что происходит в известном мысленном эксперименте “китайская комната”, демонстрирующем, что компьютер не обладает аналогичным человеческому субъективным опытом. Тот же С. Ллойд опирается на механистическую парадигму

Т. Гоббса, сравнивавшего мир с машиной. Следует учитывать, однако, что Вселенная развивается в течение миллиардов лет и имеет колоссальные размеры, т. е. внешне она слабо похожа на “китайскую комнату”. Так или иначе, с концептуальной точки зрения то, что происходит внутри “Вселенной – квантового компьютера”, вполне может быть тождественно процессам в “китайской комнате”. Ничто не мешает разуму быть безличным, как у Спинозы или Аристотеля. Перводвигатель, или Бог, Аристотеля напоминает “Вселенную – квантовый компьютер”, поскольку не просто включает в себя абстрактную идеальную форму, но эта форма связана с материей, приводит её в движение, и всё в мире имеет свою цель развития.

Самосознающая монада и целостность мироздания

Сделаем небольшие терминологические уточнения. Есть безличный разум, с точки зрения современной науки его можно назвать компьютерным, или вычисляющим. Кроме того, есть индивидуальное сознание, или просто сознание, ему присущи память, воображение, свободная воля, пространство внутреннего опыта. Сознание, на наш взгляд, не является производной вычисляющего разума или самоорганизующейся материи. Для обоснования этого тезиса применяются два аргумента. Первый – от нередуцируемости. Сознание существует, изменяясь (совершенствуясь или деградируя), и при этом оно не может быть выведено из чего-то извне, например, из материи. Второй – от каузальной, или причинной, эффективности. Сознание – не какая-

то абстрактная, оторванная от всего остального сущность, оно способно оказывать влияние на расположенные вне его объекты. Далее, если мы исходим из того, что Вселенная является единой и сознание невыводимо из получится, что оно скрыто в своих “спящих” формах или явно присутствует во всем. Развитие материи до сложных высокоорганизованных форм, таких как человеческий мозг, позволяет сознанию явно проявить себя, но не порождает его.

При этом сознание существует лишь в связи с иными по отношению к нему областями реальности. Рассмотрим два вопроса, касающихся взаимодействия сознания с миром. **Первый.** Как сознание связано с материей, понимаемой как совокупность элементарных частиц? **Второй.** Какое место в свете монадологии, являющейся одной из вариаций панпсихизма, занимает сознание в мироздании? Для того чтобы получить ответ на первый вопрос, выявим некоторые слабые стороны концепции панпсихизма Чалмерса. Чалмерс уточняет понятие панпсихизма следующим образом: панпсихизм предполагает, что не абсолютно любая вещь (например, число два или Эйфелева башня) наделена сознанием, но сознательны лишь фундаментальные физические частицы. Фотоны и кварки имеют ментальные состояния, но их сознательный опыт является элементарным, очень простым по сравнению с нашим, человеческим опытом. Возникает следующая проблема: как объединение “микроопыта” многих элементарных частиц может привести к сложному “макроопыту” человека? Чалмерс уточняет: «По крайней мере, очень сложно понять, как множество

обособленных опытов, которые имеют обособленные сущности, могут объединяться, приводя к отчётливому опыту, который имеет сложная сущность. Особенно трудно понять, как они могут объединиться, приводя к тому особенному типу макроопыта, который мы имеем в нашем случае» [11, с. 21]. Если опыт человека проявляется внезапно, эмерджентно по отношению к опыту более низкого уровня и он не выводим из него, тогда как эти два типа опыта могут взаимодействовать? Если же макроопыт происходит из микроопыта, не проще ли будет считать, что есть только сознание элементарных частиц, а сознание субъекта – фикция, эпифеномен. Если попытаться соединить микросознание и макросознание, получится противоречие; какое из них в каждом случае является главным, чья каузальная роль наиболее значима? Конечно, самое важное – это сознание именно человека, но если последовательно отставлять данный тезис, то получится, что в конце концов оно полностью устранит сознание элементарных частиц и выйдет не панпсихизм, а солипсизм.

С нашей точки зрения, “макроопыт” человека (составные части которого – мысли, образы и представления, желания, знания и т. д.) следует выводить не из “микроопыта” фотонов, а из предшествующего сознательного опыта этого человека или опыта других, переданного данному человеку в обучении или общении. Элементарные частицы – это то, на что сознание опирается. В физике выделяют два типа объектов: частицы и переносчики взаимодействий, и аналогично стоит предположить, что в мире есть духовные сущности – это сознательные или

потенциально сознательные деятели – и есть то, благодаря чему они себя проявляют, – это материя. Существует грубая материя, она воспринимается в обыденном опыте, но в то же самое время в микромире есть иной тип материи. Элементарные частицы могут образовывать сложные, гармоничные и изменчивые целостности, но из этого не следует, что у них есть свободная воля и внутренний опыт. Тонкая высокоэнергетическая материя более пластична по сравнению, например, с камнем и древесиной и лучше приспособлена для передачи опыта человека. Элементарные частицы обладают сознанием постольку, поскольку с ними взаимодействует сознательное существо. Приведём аналогию. В результате тренировок спортсменов накачивает мышцы и развивает двигательные навыки, его тело совершает некоторые умелые и скоординированные действия автоматически, как бы само по себе. При этом очевидно, что тело сознанием не обладает, аналогично и те элементарные частицы, с которыми взаимодействует человек, не обладают сознанием, а если у них и есть собственный психический микроопыт, то он радикально отличен от человеческого. Данное представление о материи уточняет изложенную выше концепцию эволюционного панпсихизма Э. Ласло. Да, дух и материя – аспекты одной реальности, но сознание человека произошло не из материи, а из менее или из более совершенного сознания.

Перейдём ко второму вопросу. Опять же сошлёмся на Чалмерса. С ним мы в данном случае согласимся в том, что субъект является метафизически фундаментальной сущностью, невыводимой из более фундаменталь-

ной сущности. Однако при этом Чалмерс, по сути, разрабатывает современную версию феноменологии, где исходным пунктом является сознание субъекта, а для полноты и объективности рассмотрения он привлекает микросознательный опыт элементарных частиц. Феноменология, конечно, лучше физикализма, но феноменологический анализ ограничен исследованием сознания как чего-то самодостаточного. С нашей же точки зрения, сознание следует рассматривать в связи с мирозданием в целом. Да, человек в некотором отношении возвышается над природой и обществом, но можно ли сказать, что он превосходит всё бытие в целом? Вероятно, нет хотя бы потому, что бытие включает в себе не только вещи, элементарные частицы, идеальные объекты, но и наш будущий сознательный опыт. То, каким субъект станет через множество лет, уже есть в одном из возможных миров, это цель или идеал с точки зрения актуального состояния субъекта. Следовать ли этой цели или иной, или вообще никуда не идти, человек решает сам, поскольку он наделён свободной волей.

Г.В. Лейбницем была разработана монадология, многие её положения не утратили своей актуальности и сейчас. В.С. Стёпин отмечает: «Высказывается вполне обоснованное мнение о том, что концепция монадности становится одной из фундаментальных для современной физики, которая подошла к такому уровню исследования субстанции, когда выявляемые фундаментальные объекты оказываются “элементарными” не в плане бесструктурности, а в том смысле, что изучение их природы обнаруживает некоторые свойства и характеристики мира в целом» [10,

с. 265]. Согласно Лейбницу [6], монада проста, свободна и автономна, но в то же самое время она, как и множество других монад, не существовала изначально, но была сотворена Богом. Поскольку все монады произошли из единого источника, между ними существует внутреннее единство, способность к взаимодействию и взаимопониманию. При этом среди бесконечного множества монад не найти двух тождественных. С нашей точки зрения, появление монад – это скорее эволюция, или эманация, а не творение, но несомненно, что человек, как и все объекты в мире, существует в связи с космическим целым, являясь в каком-то отношении его подобием. Лейбниц писал о том, что душа представляет собой живое зеркало Вселенной. В современной науке это понимание было уточнено, зеркало предполагает копирование или поточечное отображение, что упрощает процесс познания. В.И. Аршинов и В.Г. Буданов обращают внимание на лазерно-голографическую парадигму Хакена-Боме как на более релевантную [9, с. 96]. Каждая частица голограммы несёт информацию о целом, что свидетельствует о наличии в бытии немеханической, но и неорганической целостности. В пользу созвучных Лейбницу идей свидетельствуют также приведённые в этой статье данные о спонтанной гармонии в мироздании. Человек имеет всю полноту знаний о мире, но не актуально, а потенциально. Обогащение как теоретических, так и практических знаний происходит в результате деятельности, творческого взаимодействия с идеями, символами, конструктами. Интуитивно это переживается как достижение всё более яркого, яркого и глубокого опыта со-

знания. Процессуальности сознательного опыта не отрицает и Чалмерс: «Конечно, сознательный опыт, скорее всего, континуален – от крайне тусклого до очень богатого, но если нечто обладает сознательным опытом, каким бы тусклым он ни был, мы не можем устранить его путём соглашений» [11, с. 140]. Благодаря сознанию монада углубляет и обогащает свой опыт: на низших ступенях эволюции монадой движет смутное стремление, а на более высоких – воля к достижению цели и желание совершенствования.

Итак, в соответствии с философией панпсихизма, нередуцируемое к материи сознание является атрибутивным свойством бытия. Сознание есть как бы завершение жизни, то, что способно понять природу и космические законы. Многие положения монадологии сохраняют свою актуальность. Философские аргументы, приводимые Д. Чалмерсом [12] и другими философами в пользу панпсихизма, достаточно убедительны, но есть проблемы с их эмпирическим подтверждением. Так, синергетика выявляет в неживом не надённую способностью чувствовать душу, а аналогии жизни. Рассуждения Э. Ласло [5] о “знании” молекулы, растения, муравья также опираются на метод аналогии, к которому многие относятся достаточно скептически. Ряд физиков научно обосновывает, что Вселенная – не индивидуальное сознание, которому присущи свободная воля, память, воображение, а некий безличный, или вычисляющий, разум. В связи с этим, вспомнив классы монад Лейбница, можно поставить проблему существования различных типов сознания, более низких, более высоких и существенно отличающихся от человеческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов В.А. Разновидности и противостояние реализма и антиреализма в философии математики. Возможна ли третья линия? [Электронный ресурс] // Вопросы философии [сайт]. 2014. №5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=963&Itemid=52 (дата обращения: 28.09.2017).
2. Гросс Д. Держу пари, что суперсимметрия будет открыта. [Электронный ресурс] // Элементы: [сайт]. URL: <http://elementy.ru/lib/430285> (дата обращения: 28.09.2017).
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. М.: Алетейя, 2002. 404 с.
4. Кузнецов А. Панпсихизм. Начало анализа [Электронный ресурс] // Центр исследования сознания. URL: http://hardproblem.ru/wp-content/uploads/2014/05/Kuznetsov_paper_for_MCCS.pdf (дата обращения: 28.07.2017).
5. Ласло Э. Теория целостности вселенной. СПб.: Весь, 2001. 160 с.
6. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. и сост., автор вступ. ст. и прим. В.В. Соколов; перев. с нем. Я.М. Боровского и др.. М.: Мысль, 1982. 636 с.
7. Ллойд С. Программируя Вселенную. Квантовый компьютер и будущее науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 256 с.
8. Пригожин И.Р. Философия нестабильности [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 1991. №6.
9. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред.: В.А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 495 с.
10. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
11. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
12. Chalmers D.J. Panpsychism and Panprotopsyism [Электронный ресурс] // Amherst Lecture in Philosophy. [2013]. URL: <http://consc.net/papers/panpsychism.pdf> (дата обращения: 28.09.2017).
13. Tegmark M. Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality. New York, 2014. 432 p.

REFERENCES

1. Bazhanov V.A. [The Variety and Opposition of Realism and Antirealism in the Philosophy of Mathematics. Is the Third Line Possible?]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2014, no. 5. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=963&Itemid=52 (accessed: 28.09.2017).
2. Gross D. [I Bet that Supersymmetry Will Be Open]. In: *Elementy* [Elements]. Available at: <http://elementy.ru/lib/430285> (accessed: 28.09.2017).
3. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Osnovaniya sinergetiki* [Foundation of Synergetics]. Moscow, *Aleteiya* Publ., 2002. 404 p.
4. Kuznetsov A. [Panpsychism. The Beginning of Analysis]. In: *Tsentr issledovaniya soznaniya* [Center for Consciousness Studies]. Available at: http://hardproblem.ru/wp-content/uploads/2014/05/Kuznetsov_paper_for_MCCS.pdf (accessed: 28.07.2017).
5. Laszlo E. *Teoriya tselostnosti vselennoi* [An Integral Theory of Everything]. St. Petersburg, *Ves'* Publ., 2001. 160 p.
6. Leibniz G.V. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1982. 636 p.
7. Lloyd S. *Programmiruyaya Vselennuyu. Kvantovyi komp'yuter i budushchee nauki* [Programming the Universe. Quantum Computer and the Future of Science]. Moscow, *Al'pina Non-Fiction* Publ., 2013. 256 p.

8. Prigozhin I.R. [The Philosophy of Instability]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1991, no. 6.
 9. Koptsik V.A., ed., comp. *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic Paradigm. Nonlinear Thinking in Science and Art]. Moscow, *Progress-Traditsiya Publ.*, 2002. 495 p.
 10. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, *Progress-Traditsiya Publ.*, 2000. 744 p.
 11. Chalmers D. *Soznayushchii um: v poiskakh fundamental'noi teorii* [The Conscious Mind: in Search of a Fundamental Theory]. Moscow, *URSS Publ.*, *LIBROKOM Publ.*, 2013. 512 p.
 12. Chalmers D.J. Panpsychism and Panprotopsychism. In: *Amherst Lecture in Philosophy*, 2013. Available at: <http://consc.net/papers/panpsychism.pdf> (accessed: 28.09.2017).
 13. Tegmark M. *Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality*. New York, 2014. 432 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абрамов Петр Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова Минздрава России;
e-mail: abramovpd@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter D. Abramov – PhD in Philosophy, assistant professor at the Department of Philosophy, The Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov;
e-mail: abramovpd@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абрамов П.Д. Научные и философские основания панпсихизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 33-44
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-33-44

FOR CITATION

Abramov P.D. Scientific and Philosophical Grounds of Panpsychism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 33-44
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-33-44

УДК 101:1:316.614

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-45-57

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МЕХАНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЛИ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ?

Кириллов Г.М.

Пензенский государственный университет

440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – обозначить роль диалога в преодолении межкультурных противоречий, вызванных процессом глобализации. Автор рассматривает пути и методы решения глобальных проблем мыслителями разных направлений и предлагает собственную интерпретацию данной проблемы. В работе используются общенаучные методы исследования: диалектический, конкретно-исторический, феноменологический, системный и др. Задействован метод моделирования изучаемых процессов глобализации путём описания, сравнения, сопоставления. Результаты проведённого исследования заключаются в следующем: автором предпринята попытка ответить на некоторые вопросы, возникающие в ситуации всё возрастающей неопределённости идентичности. Предполагается, что в разрешении глобальных проблем, связанных с конфронтацией разных культур, диалог является самым эффективным способом нахождения путей взаимодействия между ними. Результаты исследования позволяют определить несколько базовых подходов к проблеме, связанной с пониманием глобализации: является ли она механическим процессом или осознанным межкультурным диалогом.

Ключевые слова: глобализация, самость, значимый Другой, “реляционная схема”, диссоциативное расстройство, межкультурный диалог, полиэтничность.

GLOBALIZATION: A MECHANICAL PROCESS OR INTERCULTURAL DIALOGUE?

G. Kirillov

Penza State University

40, Krasnaya st., Penza, 440026, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to identify the role of a dialogue in overcoming intercultural contradictions caused by the process of globalization. The author considers the ways and methods of solving global problems by different thinkers and offers his own interpretation of this problem. The study is based on general scientific methods of research: dialectical, concrete-historical, phenomenological and systemic. Besides that the method of modeling the studied processes of globalization by means of description, comparison and association is used. The results of the study are as follows: we have attempted to answer some questions that arise in the situation of increasing uncertainty of identity. We believe that in the process of solving global problems related to the confrontation of different cultures, dialogue is the most

effective approach to find ways of interaction between them. The results of the research allow us to define several basic approaches to the problem associated with the understanding of globalization: whether it is a mechanical process or a conscious intercultural dialogue.

Key words: globalization, self, significant Other, “the relational schema”, dissociative disorder, intercultural dialogue and multi-ethnicity.

Термин “глобализация” с одной стороны, обозначает, тотальный процесс стирания пределов и границ со всё более возрастающим влиянием наднациональных и надгосударственных структур, с другой стороны, разрушая традиционные ограничения и сдержки, позволяет высвободить энергию индивидов для реализации их творческих возможностей. Размывая традиционные связи и отношения, этот процесс способен всецело подчинить себе волю и инициативу индивидов. В статье поднимается актуальный вопрос о применимости термина “диалог” к феномену “глобализация”. Понятие “глобализация” помогает проследить изменения, происходящие в мире во второй половине XX – начале XXI вв. В этот период значение отдельных стран уменьшилось, понизилась роль некоторых народов и местного законодательства, утвердились новые законы и процессы мирового масштаба. Глобализация – сложный и амбивалентный феномен, затрагивающий ныне все сферы жизни человека. Он может рассматриваться как свидетельство небывалой мощи человечества, поскольку, преодолевая все границы и препятствия, открывает невероятные возможности для сближения и взаимопонимания между представителями разных стран и народов, в то же время отдельный человек всё в большей степени ощущает свою беспомощность перед лавинообразными и неуправляемыми процессами, всё боль-

ше проявляется кризис идентичности, выражающийся в таком явлении, как «расколотое “Я”» («диссоциативное расстройство личности»), сопутствующее глобализации [7, с. 3; 9]. Окружение человека расширяется, однако характер связей становится всё более опосредованным, фрагментарным и случайным. Процесс глобализации оказал влияние на внутреннюю политику, экономику стран и традиционные культуры. Ещё более очевидной стала взаимосвязь между глобализацией и культурой. Нельзя не отметить, что благодаря новейшим технологиям коммуникации безгранично расширяется диалоговое пространство культур, в то же время выхолащивается сам характер общения, осуществляющийся по канонам и стереотипам, оторванным от своеобразия и традиций той или иной культуры. Чтобы преодолеть существующие коллизии, необходим диалог.

Перед автором исследования стоят следующие задачи: выявить риски, которые несёт с собой процесс глобализации, и возможности диалога как стабилизирующего фактора, способствующего преодолению вызовов, сопровождающих расширение “самости”; проследить, как меняется “самость” и её идентичность в контексте глобализующих и локализирующих тенденций; рассмотреть процесс аккультурации в свете концепта “путешествие”, предложенного Г. Хермансом; обозначить принцип “обра-

тимости” в качестве методологической основы для преодоления противоречий между позициями “Я” и Другой.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что диалогический подход к проблемам глобализации будет благоприятствовать выработке принципов, релевантных современным культурным процессам, способствующим расширению духовных связей и контактов между представителями разных этносов. Межкультурный диалог является формой коммуникации, обладающей мощным потенциалом, позволяющим преодолеть разломы, вызванные ростом глобализационных процессов.

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем: выявлено влияние на межкультурный диалог концепции полифонической самости, предложенной Г. Хермансом [19], а также заявлено новое понимание процесса аккультурации в свете данной концепции. Показано, что полифоническая самость позволяет раскрыть особенности глобализации, разрушающей границы между внешним и внутренним. Предложен особый подход к пониманию множественных, “пишущихся через дефис” и гибридизированных этнических сообществ. По-новому рассмотрен феномен “неопределённости”, влияющий на самоидентификацию личности. Кроме того, к исследованию проблемы применён принцип обратимости, разработанный французским мыслителем М. Мерло-Понти [11], позволяющий по-новому представить себе взаимоотношения между инновационными и автоматизированными аспектами диалога. Новизна исследования заключается также в выявлении специ-

фики и механизма реагирования национального самосознания на вызовы глобализации и адаптации к её условиям. Введено понятие “**медиационный диалог**”, которое не использовалось другими исследователями.

Чем чаще понятие “диалог” упоминается в нашей речи, тем в меньшей степени оно отражает истинный характер взаимоотношений между людьми. Известно, что диалог – это развёрнутое, осознанное, доказательное рассуждение, предполагающее общение разумно мыслящих людей, целью которых является поиск неизвестной им истины. Без поиска истины диалог не имеет смысла. Диалог должен быть равноправным и всегда приводить к взаимовыгодным решениям. Диалогические отношения – это не только взаимодействие между людьми, но и отношения между культурами, любая из которых должна иметь шанс сохранить свою уникальность и самобытность. Как отмечает Б. Девис, чтобы вести философский диалог, необходимо «обратиться к самой природе диалога» [17, p. 171].

Рассматривая феномен диалога, мы обратились к концепции диалогической структуры “Я” Губерта Херманса, согласно которой полифонически понимаемая самость, представленная состоящей из множества “Я”-позиций, оказывается тесно связанной как с внутренними, так и внешними (“между”) диалогами. Самость обладает такими характеристиками, как диалогичность, контекстуальность, историческая и культурная детерминированность, она способна конструироваться в процессе диалогического общения на интра- и интерсубъективном уровнях, что, безусловно, может использоваться в

контексте межкультурного диалога. Самость – архетип, представляющий собой глубинный центр целостности отдельного индивида. Можно сказать, что самость – это модель той личности, которой индивиду предначертано стать с самого рождения. У “самости” имеются некоторые естественные свойства, которые существовали ещё до появления культуры. Человек может принимать на себя различные роли, занимать противоположные позиции, т. е. может происходить самоконфронтация внутри человеческой самости. Я превращается в Ты, а Ты – снова в Я. Происходит обратимость ролей, позиций, голосов. Этот процесс получил название полифонической самости (на основе концепции полифонии М.М. Бахтина). Осуществляется переход от воображаемого Другого к воплощённому Другому. Некоторые учёные считают, что под диалогом следует понимать гармоничное, идеальное и совершенное взаимоотношение, что диалогические отношения подразумевают симметрию, некий упорядоченный процесс, чередование вопросов и ответов, укладывающихся в определённую схему. Полагаем, что всеми этими чертами характеризуется скорее идеальная модель диалога. Реальный же диалог, помимо находящейся на поверхности, “надводной”, части, имеет глубинные физиологические основания, которые можно охарактеризовать как предписанные и автоматизированные. То, что реализуется в сознательной речи, может на подсознательном уровне быть зафиксированным как готовый сценарий.

Полагаем, что самость можно представить как динамичное образование. Её трансформации возможно отобра-

зить в виде двух моделей: модели отражения и социальной модели. Первая касается рефлексии “Я” о своём повседневном опыте на абстрактном уровне с критической оценкой происходящего. Размышляющая часть “Я” в этом случае осуществляет разговор с самой собой. Следует отметить, что такая модель скорее монологична, чем диалогична. В свою очередь, социальная модель имеет дву- или разнонаправленную диалогическую структуру. Внутренний диалог происходит между различными позициями внутри самости. Человек может принимать на себя роль “родителя”, “подчинённого”, “жертвы” и т. д., которая несёт ответственность за первую роль. Несмотря на существование как внутренних, так и внешних диалогических возможностей, имеются механические процессы, ограничивающие развитие диалогического потенциала. Такая тенденция сужает возможности для открытости диалога. Заслуживает внимания точка зрения Джеймса Марка Болдуина, американского философа и социолога, который пришёл к выводу, что на проявление самости оказывает влияние аудитория [3, с. 308]. В этом случае оценка “меня” значимым Другим оказывается более важной, чем оценка того, кто не пользуется авторитетом. Часто в роли значимых Других выступают родственники, друзья, руководители разного уровня, заслуживающие уважения. Образующая межличностная связь может быть названа “реляционной схемой”, представленной в терминах непреодолимых обстоятельств: “если – то”. Полагаем, что реляционные схемы могут быть очень сложными, с несколькими итерациями последовательностей. Чаще всего по-

добные схемы включают в себя подструктуры и организуют диалогическую деятельность по определённым линиям: вопросы – ответы, соглашения – разногласия. Такого рода диалог подчинён определённому сценарию, он не может свободно развиваться в произвольном направлении и способствовать межкультурному общению.

Представляет интерес исследование Уильяма Джемса, выделившего несколько слоёв “Я”, которое, подобно сознанию, одновременно непрерывно и разорвано (дискретно). Джемс пишет об определённой иерархии личностей и утверждает, что в одном человеке могут найти воплощение различные виды личностей: телесная, социальная и духовная. В связи с этим можно представить иерархическую шкалу «с физической (телесной) личностью внизу, духовной – наверху...» [6, с. 94]. Характерно, что особенности личности, присущие нам, кажутся нам “лучшими”, а пороки, которые мы наблюдаем у других, представляются гипертрофированными, отвратительными. В целом люди с известной долей эгоизма создают иерархию личностей по их достоинству. Причём материальным видам личности (в более широком смысле) отдаётся предпочтение перед телом. Опираясь на иерархию ценностей Джемса, можно прийти к заключению, что нужно в большей степени дорожить социальной составляющей при восприятии личности, т. к. она включает в себя подлинно человеческие отношения. Духовная личность должна быть “высшим сокровищем”, которое для “Я” является желанным. Хотя такой тип личности вряд ли достижим и на него нельзя рассчитывать в ближайшее время, к этому идеалу не-

обходимо стремиться. Только духовная личность способна на осознанный диалог с Другим, носителем иной культуры. Во многом социолог прав, но всё же нельзя сбрасывать со счётов телесную составляющую, благодаря которой осуществляется общение лицом к лицу, где играют роль взгляд, рукопожатие, поза и др. Взаимодействие с Другим предполагает смену различных позиций. Позиция “Я” может принимать интериоризированную позицию Другого, которое может воспринимать позицию “Ты”.

Нам близка позиция Херманса, трактующего диалогическое “Я” как динамическую множественность позиций, переплетающихся как между собой, так и с позициями других субъектов. Две основные характеристики определяют при этом диалогическую сущность: межсубъектный обмен и относительное доминирование [18]. Принцип интерсубъективного обмена предполагает, что некоторая позиция принимает участие в вопросах и ответах или выражении согласия и несогласия с другой таким образом, что одна часть “самости” может повлиять на другую или даже внести в неё изменения. Что касается принципа относительного доминирования, здесь одна позиция самости может временно или постоянно доминировать, преобладать над другой, при этом некоторые позиции могут подчиняться другим или блокироваться ими. Это означает, что указанные позиции самости не смогут далее оставаться активными партнёрами в диалоге. Динамическая множественность позиций, которые взаимодействуют и переплетаются между собой, может быть прослежена и в межкультурном диалоге. Важно,

чтобы все стороны были к такому диалогу готовы, это поможет преодолеть противоречия между государствами. Известно, что многие государства мира стремятся стать “страной единой нации”, т. е. проводить политику национализма, оказывая одностороннее воздействие и даже давление на всех, кто не приемлет культуры доминирующего типа. Сегодня в мире существует более 5500 национальностей, около 200 государств, и “страну единой нации” найти среди них невозможно. Почти все современные государства полиэтничны, однако уровень полиэтничности в разных странах неодинаков. Преимущественно моноэтническими государствами с почти однородным национальным составом являются Япония, Португалия, Дания, Исландия, Армения и некоторые другие, в них некоренное население составляет небольшой процент. В полиэтничном государстве неизбежно возникают конфликты между представителями этнического большинства и этнического меньшинства, объектом такого одностороннего воздействия могут быть в том числе и представители различных иммигрантских диаспор. История свидетельствует, что такой конфликт неизбежен, т. к. субъекты различных этносов имеют свои традиционный быт и культуру, что свидетельствует об их самобытности и уникальности, и стремятся их сохранить во что бы то ни стало. Поэтому представители полиэтничного общества независимо от того, относятся ли они к этническому большинству или меньшинству, должны иметь возможность изучать свой язык и свою культуру, иметь реальный и эффективный доступ к качественным службам об-

разования, одинаковые права и обязанности. На деле же при доминировании культуры большинства порой наблюдаются явления дискриминации и тирании по отношению к представителям национальных меньшинств. Британские философы и социологи Дж. Ст. Милль [13] и Г. Спенсер [16] в своих произведениях пишут о представителях меньшинства, которые испытывают притеснения со стороны большинства. Социологи пытаются обозначить принципы, которым должно следовать общество в отношениях к индивидам. Так, Милль полагал, что государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан, считая свободным лишь то общество, в котором все «виды индивидуальной свободы существуют ... одинаково для всех его членов» [13]. В свою очередь Спенсер писал о недопустимости того, чтобы управлять действиями граждан и «уменьшать области, в которых эти действия были свободны». Однако, несмотря на резонные предупреждения, не всем государствам удалось преодолеть эту проблему [16]. Доминирование большинства нередко порождает гнёт и деспотизм, поэтому принципу абсолютного большинства должны быть поставлены определённые границы. Что касается культуры численных меньшинств, здесь одной из важных проблем стала миграция населения, т. е. его “территориальное перемещение”. Целью перемещения может быть смена места жительства или ограниченное пребывание на территории другого государства для учёбы или трудоустройства. Не приходится сомневаться, что с развитием глобализации данные проблемы будут иметь тенденцию к разрастанию и углублению.

Как избежать негативных тенденций, наблюдающихся в глобализационных процессах? Традиционный универсалистский подход, влияющий на развитие и представление о мире индивидов различных культур, исчерпал себя. Проблема состоит в том, что универсализм, который обычно трактует “самость” и культуру как переменные величины, имеет в своей основе самоэсклюзивную концепцию культуры, исключаящую “самость”, и “самости”, исключаящей культуру. В этом проявился картезианский раскол между самостью и её окружением. В универсалистской модели аккультурации стратегия интеграции имеет линейную траекторию, ведущую к заранее установленной конечной цели, например, модель “плавильного котла”, используемая в США.

В настоящее время всё более ощутимым становится переход от универсалистского понимания феномена культуры как чего-то обособленного и ограниченного к децентрализованному его пониманию, которое выражает метафора “путешествие”, поскольку культурное взаимодействие и конструирование идентичностей происходят по преимуществу не в центре проживания народов, а в зонах их взаимодействия, где осуществляется контакт между представителями разных культур. Диаспоры, т. е. этносы-меньшинства, присутствуют ныне в любой культуре-“хозяйке”. Кроме того, необходим особый подход к пониманию множественных, “пишущихся через дефис” и гибридизированных этнических сообществ. Например, арабско-еврейского, азиатско-американского, японо-американского, арабско-французского, афро-британского и др. Асим-

метрия внутри таких групп является определённой помехой для взаимопонимания и равноправных отношений между народами, которые можно назвать диалогом. В действительности взаимодействие между индивидами – это поле напряжения, где личность находится в пространстве, расположенном “между” новыми возможностями и определёнными рисками. Процесс аккультурации следует рассматривать как по преимуществу межкультурный феномен, поскольку «аккультурация, как правило, происходит в контактной зоне между культурой страны-хозяйки и иной культурой» [18, р. 243].

Полагаем, что эта проблема требует сдвига фокуса внимания с крайних состояний, таких как “интеграция” и “дезинтеграция”, в направлении к процессуальному подходу в понимании аккультурации. Процессуальный подход способен объяснить ситуативные, конвенциональные, а также спорные траектории развития.

Попытаемся рассмотреть взаимосвязь между такими явлениями, как “глобализация” и “локализация”, уделяя особое внимание *неопределённости*, оказывающей влияние на молодёжные группы, на формирование семьи, на родительские отношения, на развитие партнёрства и другие формы взаимодействия. В настоящее время значительно возросло количество экономических, экологических, демографических, политических и социальных связей между культурами. Как никогда стало заметно сжатие пространства и времени. События, происходящие за пределами той или иной страны, имеют важные последствия для повседневной жизни её граждан. Индивид больше не находится в локальном пространстве.

Это порождает ситуацию неопределённости, которая предполагает адаптацию индивида как к своей, так и к глобализированной культуре. Поскольку одна часть индивида сориентирована на местную культуру, а другая – на глобальную, подобная “раздвоенность” приводит его к кризису идентичности. Особенно характерно такое состояние для подростков. Необходим некий “гибрид” идентичности: соединение или смесь местных особенностей с элементами глобальных. Однако чаще всего происходит “путаница идентичности”: когда наблюдается беспорядочное слияние “местной” культуры с западной. Негативные последствия этого процесса можно наблюдать в репертуаре эстрадных исполнителей. Растущая неопределённость является характерной чертой стран с развитой экономикой. Здесь феномен неопределённости становится одной из самых животрепещущих проблем.

Глобализация и локализация персонализированы на уровне самосознания и представлены как взаимосвязанные и динамические отношения между локальными и глобальными позициями. Глобализация не отличается единообразием, она испытывает влияние локализации в качестве контрсилы. Поэтому глобализацию нужно рассматривать не как однонаправленный и однородный процесс, а через её диалектическую связь с локализацией. Такое отношение предполагает, что глобализация оказывает большое влияние на организацию самости: её характер становится всё более неоднородным, поскольку на него влияют стремительные изменения окружающей среды, самость сталкивается с воздействием на неё самых неожидан-

ных “новых” позиций, происходит постоянное перемещение этих позиций. Такие отношения предполагают взаимопроникновение (*хиазму*) и создают гибридные комбинации локальных и глобальных элементов. В этом случае фактор неопределённости может стать бесценным даром в качестве новых возможностей на низком и среднем уровнях. Существует несколько способов преодолеть высокий уровень неопределённости. Один из них – диалогическая реакция, которая позволяет справиться с глобализацией, не избегая её, а внедряясь в неё для того, чтобы некоторые позиции повлияли друг на друга или претерпели определённые изменения [19].

Следует отметить, что глобализация воспринимается как угроза, когда она повышается до очень высокого уровня, и может привести к защитным формам локализации, вызывая негативные последствия. И глобализация, и локализация имеют теневые стороны. Для локализации с негативными признаками типичны неравенство, нищета, угнетённость. Глобализация может характеризоваться экономической эксплуатацией, чрезмерным потреблением, отсутствием национальных корней. Очевидное взаимопроникновение глобального и локального получило название *глокализация* (от латинского *localis* – местный). Как части одной цивилизации, различные группы и культуры оказываются интенсивно взаимосвязанными благодаря международным контактам, современным технологиям, средствам массовой информации, поэтому им как никогда ранее необходим диалог. Справедливо замечание А.Н. Кочергина о том, что именно «диалог позволяет пре-

одолевать замкнутость и односторонность ... разных культур» [8, с. 9].

В то же время интериоризация позиций значимых Других и присутствие референтных групп может во многом определять поведение человека, делая его автоматизированным и предсказуемым. Если интериоризированная позиция культуры-хозяина начинает доминировать, прочие позиции могут подвергнуться ассимиляции, следовательно, инновационные возможности этих позиций будут утрачены. Сепаратизм и мультикультурализм (модель «плавильного котла») представляются нам противоположными полюсами, таящими в себе угрозу и исключаящими взаимопонимание. Видные теоретики в области социальных наук задумались о проблемах инноваций в области межкультурного диалога. Джордж Мид хорошо осознавал проблему механического взаимодействия, при котором интернализация позиции «значимого Другого» могла бы привести к простому копированию социальных ролей индивидами. Мид ввёл различие между «Я» и «me» (мне, меня), что позволило ему эксплицировать традиционные и инновационные аспекты самости. «Me» (мне, меня) представляет собой устойчивую часть структуры самости, придающую ей форму и конвенционально обусловленную воздействием общества. Другими словами, содержание «me» составляет обобщённый Другой, имеющий совокупность неких установок по отношению к действиям с другими людьми, а также обнаружение способов взаимодействия с неодушевлёнными предметами и окружающей природой. Дж. Мид при этом обозначает разные уровни выражения обобщённого Другого: человек и обще-

ство, имеющие самосознание и человеческое Я; отражение «стереотипов поведения конкретной этнокультурной общности (культурная или этническая идентичность)». Обобщённый Другой может выступать и в качестве носителя определённой субкультуры. Новый подход позволяет привести в действие инновационные возможности «Я», при этом сохраняя его обычную структуру [12, с. 217].

Идеи, касающиеся феномена Другого, выдвигает Г.Г. Гадамер. По его словам, «разговор с Другим, его согласие с нами, его возражения, его понимание и непонимание расширяют нашу индивидуальность», потому что это испытание возможной общности, «на которое подвигает нас разум» [5, с. 86]. Такой диалог делает возможным переход внутреннего во внешнее, т. е. внутренний диалог индивида, в котором он переживает свой собственный опыт, перетекает во внешний, диалог между индивидом и внешним миром. И тогда наступает понимание. Проблему языкового понимания затрагивает в своих трудах Л. Витгенштейн. Мыслитель моделирует ситуации, которые могли бы произойти в результате встречи антрополога с незнакомым кругом людей, и на этой основе выводит возможные механизмы успешной коммуникации [4]. Этот приём позволяет эксплицировать характерные основы согласия и взаимодействия отдельных индивидов и целых народов. Здесь может идти речь о переходе инверсионного диалога в медиационный. Первый нацелен на воспроизведение уже имеющихся в культуре ценностей и смыслов, а второй – на преодоление косности и поиск новых ориентиров. Вероятно, первая модель диалога вос-

ходит к автоматической практике “предписанного” сценария диалога, вторая же обнаруживает его инновационные возможности, она нацелена “на прорыв цикличности, устремление к новым ценностям и смыслам” [7, с. 61].

Вопрос, как инверсионный диалог, согласно концепции В.С. Библера [2] и А.С. Ахиезера [1], переходит в медиационный, является очень важным. На наш взгляд, ключ к решению этого вопроса содержится в феноменологии диалога М. Мерло-Понти, в частности, в разработанном им принципе обратимости. В основе представлений об “автоматическом” диалоге лежат понятие жеста и телесная схема. Мерло-Понти стремится выявить имманентную связь позиций “Я” и Другого, их обратимость, существующую уже во внутреннем диалоге. Сложившаяся в западноевропейской философии формула – “Я” и Другой – представляется Мерло-Понти несостоятельной, на самом деле, по его мнению, имеет место отношение взаимодополняющих друг друга ролей. Дистанцию между “Я” и Другим Мерло-Понти удаётся преодолеть, используя понятие “телесная схема”, которую можно представить как некий подвижный шарнир, натянутый между моим “Я” и “Я” Другого [11, с. 266]. Обратимый процесс диалогического обмена ценностями может быть нарушен автоматизированным процессом глобализации.

В.М. Межуев, главный научный сотрудник Института философии РАН, на XII Международных Лихачевских научных чтениях подчеркнул, что «демократия в сфере культуры – это прежде всего право человека на свободный выбор своей культурной

идентичности», который не нарушает свободы выбора других [10]. В отличие от мультикультурализма, проповедующего искусственную консервацию жизненного уклада культурных меньшинств, культурная демократия даёт каждому индивиду право на свободное культурное самоопределение. При этом реализация этого права не должна навязываться, руководствуясь принципами ложно понятой этнической солидарности или идеологическим принуждением со стороны государства, а основываться на личном предпочтении каждого индивида. При этом национальным меньшинствам необходимо обеспечить условия, позволяющие сохранять и развивать культурные особенности, язык, религию и т. д. И здесь необходима синтезирующая связь философии с другими науками, о чём пишет В.А. Песоцкий, делая акцент на том, что современная эпоха требует «интеграции и взаимодействия» «художественного и философского мировидения» [14, с. 66]. Нельзя заставить человека жить в той или иной культурной среде без его личного согласия. И сама культура в дальнейшем будет развиваться в направлении уже не столько национальных, сколько индивидуальных различий с учётом особенности, “самости” индивидов, питающихся культурными достижениями всех народов мира. Вполне справедливо выражение О. Розенштока-Хюсси, утверждавшего, что «диалог – вариация, посредством которой говорящий устремляет людей в “новое будущее”» [15, с. 53].

В результате исследования выявлено, что диалог культур является проблемой, исходящей из существа человека и раскрывающейся в комму-

никации Я – Другой, обосновано, что процесс глобализации, способствующий межкультурной интеграции, в то же время приводит к ослаблению традиционных культурных связей и смещению ценностных установок существующей культуры, к нивелирова-

нию национальных традиций; обосновано, что дополнительного изучения требует такой феномен, как неопределённость; намечены пути минимизации негативных тенденций, связанных с процессом глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Философия катастрофического мира. К выходу в свет двухтомника В.С. Библера // *Полития*. 2003. № 3 (30). С. 190–201.
2. Библер В.С. *Замыслы: в 2 кн.* М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. 1120 с.
3. Болдуин Дж.М. *Исследование по социальной психологии: в 2 т. Т. 1. Личность.* М.: Либроком, 2011. 521 с.
4. Витгенштейн Л. Несколько заметок о логической форме // *Логос*. 1995. № 6. С. 194–209.
5. Гадамер Г.Г. *Актуальность прекрасного.* М.: Искусство, 1991. 368 с.
6. Джемс У. *Психология* / под ред. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
7. Кириллов Г.М. *Перспектива медиационного диалога в пространстве массовой коммуникации информационного общества.* Пенза: Типография Соколова А.Ю., 2016. 332 с.
8. Кочергин А.Н. Философия в условиях глобализации // *Идеи и Идеалы*. 2016. № 3 (29). Т. 1. С. 9–23.
9. Лэнг Р.Д. *Расколотое “я”.* СПб.: Белый кролик, 1995. 352 с.
10. Межуев В.М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // *Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур: избранные доклады (1995–2015), Санкт-Петербург, 17–18 мая 2015 г.* / сост., науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет Профсоюзов, 2015. С. 217–221.
11. Мерло-Понти М. *Видимое и невидимое* / пер. с фр. О.Н. Шпарага. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
12. Мид Дж.Г. *От жеста к символу* // *Американская социологическая мысль: тексты* / под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 213–221.
13. Милль Д.. *О свободе* / пер. с англ. А. Фридмана // *Наука и жизнь*. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26.
14. Песоцкий В.А. Философия и художественная литература: философия в структуре философского знания // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2016. № 1. С. 66–77.
15. Розеншток-Хюсси О. *Речь и действительность.* М.: Лабиринт, 2008. 270 с.
16. Спенсер Г. *Личность и государство* / пер. с англ. М.Н. Тимофеевой под ред. В.В. Битнера. СПб.: Вестник Знания, 1908. 84 с.
17. Davis BW. *Conversing in Emptiness: Rethinking Cross-Cultural Dialogue with the Kyoto School* // *Philosophical Traditions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 171–194.
18. Hermans H.J.M. *The Dialogical Self: Toward a theory of Personal and Cultural Possitioniry* // *Culture and Psychology*. 2001. Vol. 7 (3). P. 243–281.

19. Robertson R., White K.E. Globalization: Specialized applications and resistance to globalization. Taylor, Francis, 2003. 497 p.

REFERENCES

1. Akhiezer A.S. [The Philosophy of the Catastrophic World. To the Publication of Two Volumes of V.S. Bibler]. In: *Politiya*, 2003, no. 3 (30), pp. 190–201.
2. Bibler B.C. *Zamysly* [Plans]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. 1120 p.
3. Bolduin D.M. *Issledovanie po sotsial'noi psikhologii. T. 1. Lichnost'* [Research in Social Psychology. Vol. 1. Personality]. Moscow, *Librokom* Publ., 2011. 521 p.
4. Wittgenstein L. [Some Remarks on Logical Form]. In: *Logos*, 1995, no. 6, pp. 194–209.
5. Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Moscow, *Iskusstvo* Publ., 1991. 368 p.
6. James W. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, *Pedagogika* Publ., 1991. 368 p.
7. Kirillov G.M. *Perspektiva mediatsionnogo dialoga v prostranstve massovoi kommunikatsii i informatsionnogo obshchestva* [The Prospect of a Mediation Dialogue in the Space of Mass Communications and Information Society]. Penza, Printing House of Sokolov A.Yu Publ., 2016. 332 p.
8. Kochergin A.N. [Philosophy in the Context of Globalization]. In: *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals], 2016, no. 3 (29), vol. 1, pp. 9–23.
9. Leng R.D. *Raskolotoe "ya"* [Shattered "I"]. St. Petersburg, *Belyi krolik* Publ., 1995. 352 p.
10. Mezhuiev V.M. [Dialogue as a Way of Intercultural Communication in the Modern World]. In: Zaposetsky A.S., ed. comp. *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya. Globalizatsiya i dialog kul'tur: izbrannye doklady (1995–2015), Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2015 g.* [The Likhachev International Scientific Readings. Globalization and Dialogue of Cultures. Selected Papers (1995–2015), St. Petersburg, May 17–18, 2015]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2015, pp. 217–221.
11. Merleau-Ponty M. *Vidimoe i nevidimoe* [The Visible and the Invisible]. Minsk, Logvinov Publ., 2006. 400 p.
12. Mead G.H. *Ot zhesta k simvolu* [From Gesture to Symbol]. In: Dobrenkov V.I., ed. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, International University of Business and Management Publ., 1996. pp. 213–221.
13. Mill D. [On Freedom]. In: *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 1993, no. 11, pp. 10–15, no. 12, pp. 21–26.
14. Pesotsky V.A. [Philosophy and Fiction: Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 1, pp. 66–77.
15. Rosenstock-Huussy E. *Rech' i deistvitel'nost'* [Speech and Reality]. Moscow, *Labirint* Publ., 2008. 270 p.
16. Spencer H. *Lichnost' i gosudarstvo* [The Man versus the State]. St. Petersburg, Knowledge Herald Publ., 1908. 84 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириллов Герман Михайлович – кандидат философских наук, доцент Пензенского государственного университета;
e-mail: gekir10@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

German M. Kirillov – PhD in Philosophy, associate professor, Penza State University;
e-mail: gekir10@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кириллов Г.М. Глобализация: механический процесс или межкультурный диалог // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 45-57
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-45-57

FOR CITATION

Kirillov G.M. Globalization: a Mechanical Process or Intercultural Dialogue. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 45-57
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-45-57

УДК 124.53

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-58-67

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Комаров А.Л.

*Министерство образования и науки Российской Федерации
125993, г. Москва, ул. Тверская, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация. В статье даётся характеристика ценностей современного казачества. Рассмотрен процесс эволюции современного казачества и формирования их. Проведённый автором социально-философский анализ показал, что утверждающимися в настоящее время ценностями становятся те, которые прежде всего необходимы государственной власти или заключены в канонах православной веры и ориентированы на совершенствование нравственного уклада жизни казаков. Автор приходит к выводу, что эти ценности базируются на новой, в отличие от существовавшей в СССР, диалектике духовной парадигмы казачества “вера – идея”.

Ключевые слова: социально-философский анализ, казак, казачество, ценность, социальная общность, этнос, государство, парадигма “вера – идея”.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE VALUES OF MODERN RUSSIAN COSSACKS

A. Komarov

*Ministry of Education and Science of the Russian Federation
11, Tverskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article characterizes the values of modern Cossacks. The processes of evolution of modern Cossacks and formation of their values are considered. The carried-out analysis has shown that the values modern Cossacks claim to possess are those which, first of all, are necessary for the government or incorporated in the canons of the Orthodox Church and focused on the improvement of the Cossacks' moral tenor. The author comes to the conclusion that these values are based on new, in comparison with those existing in the USSR, dialectics of the Cossacks' spiritual paradigm “belief is the idea”.

Key words: social and philosophical analysis, Cossack, the Cossacks, value, social community, ethnos, state, “belief is the idea” paradigm.

Эволюция казачества, обусловленная перестройкой, распадом Советского Союза и формированием государственности Российской Федерации, способствовала созданию новой социальной общности, которая представляет собой форму существования больших социальных групп казаков, складывающуюся на основе определённых ценностей, которые отличают и выделяют их из других

социальных групп, обуславливая их социальный статус.

Приступая к социально-философскому анализу ценностей современного казачества, следует определиться с современным пониманием содержания понятий “казак” и “казачество”. В первой половине XX в., в период установления в России буржуазной, а затем – советской государственной власти, казачество из сословия превратилось в трудящихся, которые в большинстве своём активно проявляли себя во всех сферах государственной и общественной жизни. При этом они сумели сохранить в рамках общих ценностей советского общества свои особенные ценности и ценностные ориентации. Прежде всего это относилось к ценностям особого казачьего уклада жизни, основополагающим моральным ценностям, таким как вера, свобода и справедливость, а также культурным ценностям.

Однако под влиянием процесса формирования такой общности, как “советский народ”, воспроизводство ценностей казачества было фактически законсервировано. Во многих казачьих семьях идентификация с казачеством не являлась актуальной, родители не акцентировали внимания детей на принадлежности их к данной социальной группе. Вместе с тем существовали значительное количество семей и социальные организации, прежде всего учреждения культуры, где сохранялось воспроизводство системы базовых ценностей казаков, где принадлежность к казачеству основывалась на таком феномене, как преклонение перед памятью о подвигах и воинской доблести своих предков.

Перестроечные процессы второй половины 80-х гг. XX в., среди которых

следует особо выделить процесс реабилитации репрессированных, актуализировали самосознание значительного количества людей, признававших себя частью казачества. Это нашло своё отражение в законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., определившем казачество как «исторически сложившуюся культурно-этническую общность людей» [1]. Развивая эту мысль, Я.В. Щапова определила казачество как «нечто среднее между этносом (этнической общностью) и сословием» [2, с. 48].

В связи с этим следует заметить, что этносы формируются на стадии разложения родоплеменных общностей. В рамках классической этнологии выделяются следующие характеристики этноса: этническая история или миф о происхождении; этническая территория; этнический язык; этническая общность культуры; этническая вера, включающая первичные религиозные воззрения; этническая перспектива бытия социальной общности [4, с. 24]. Таким образом, этнос представляет собой как племенной, так и социально-экономический феномен, возникший в результате разрешения ряда противоречий, которые были предопределены его относительно самостоятельным от природы и других подобных общностях бытием. Этнос предполагает осознание его представителями единства происхождения, т. е. общего прошлого всех его членов. Указанное выше не позволяет, по нашему мнению, считать современных казаков этносом.

Нет к настоящему времени и однозначного понимания того, кого можно назвать казаком. В материале Центра стратегических исследований рели-

гии и политики современного мира отмечается, что: «Большинство казаков, проживающих на Северном Кавказе (72%) уверены в неотделимости православия от казачьей идентичности. Однако если старшее поколение рассматривает приверженность православной вере как неотъемлемый атрибут принадлежности к казакам как социальной группе, то молодое поколение не считает вероисповедание ключевым (и обязательным) критерием, в соответствии с которым можно идентифицировать казаков. Так, если среди представителей возрастной группы от 45 лет только 5% допускают, что казаком может считаться атеист или некрещённый, то среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет более трети не видят особой связи между приверженностью православной вере и возможностью принадлежности к казачеству» [2, с. 51].

Основываясь на данных, полученных Центром стратегических исследований религии и политики современного мира, а также выводов, сделанных на основании социально-философского анализа жизненной практики ряда представителей казачьих социальных групп, характера и содержания обучения и воспитания в образовательных организациях, в местах, где они компактно проживают, следует сделать вывод, что в настоящее время казаком можно считать не только и не столько того, кто имеет «казачьи корни», но прежде всего того, кто принял и руководствуется в жизни традиционными ценностями казачества. Это не исключает, что казаком может быть человек, принадлежащий к иной, нежели православие, конфессии. Например, забайкальскими казаками считают себя

некоторые буряты-буддисты; донскими казаками – отдельные калмыки, также исповедующие буддизм; терскими казаками – некоторые мусульмане, представляющие народы Северного Кавказа. Но все они также признают ценности казачества, базирующиеся на православных традициях. При этом принадлежность казаков к православии – это факт, который свидетельствует о том, что в основе духовной парадигмы возрождающегося в России казачества находится «вера», а не «идея», как это было в Советском Союзе.

Определившись с пониманием такого феномена, как казак, осмыслим и феномен «казачество». Анализ нормативных документов и исследований, посвящённых современному казачеству, позволяет утверждать, что казачество представляет собой своеобразную социальную общность, которую и государственная власть России, и субъекты, считающие себя представителями этой общности, стремятся выделить из состава структурных элементов современного российского общества. Однако, очевидно, этого недостаточно, чтобы определиться с сущностными характеристиками современного казачества.

Исторически казачество в России представляло собой определённую форму жизни и деятельности казаков. У них были ценности, которым они следовали, приоритетные виды деятельности и определённый уклад жизни.

Но что является определяющим признаком современного казачества как формы существования казаков в России? Каким ценностям они привержены? В чём состоит «я-идентификация» казачества? Со-

держание ответов на поставленные вопросы переплетается, и поэтому целесообразно дать определение казачества “в первом приближении”, а затем, рассмотрев структуру и алгоритм формирования ценностей казаков, сформулировать окончательное определение современного казачества.

Восприятие казаками недостаточности поддержки со стороны государства в качестве главной проблемы становления современного казачества показывает, что у него нет ещё внутренней потенции к самоопределению [2, с. 11]. Казаки считают, что их сплочению мешают также различия во взглядах и интересах; отсутствие понимания общих целей и задач, формальный подход к избранию атаманов, которые зачастую не воспринимаются казаками как реальные лидеры, способные и готовые к защите их интересов [2, с. 12].

Вместе с тем даже при таком состоянии отношений казачество стало выполнять ряд социальных функций, к числу которых следует отнести правоохранительную, образовательную и культурную. На некоторых территориях компактного проживания казаков стали создаваться казачьи дружины. Возникли казачьи школы и казачьи кадетские корпуса, среди которых с 2010 г. по инициативе Президента РФ проводится смотр-конкурс на звание «Лучший казачий кадетский корпус России». В ряде школ стали действовать казачьи классы. Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского в 2014 г. получил статус Первого казачьего университета, ряд образовательных организаций среднего профессионального образования также приобрёл

данный статус. Казаки стали принимать активную роль в патриотическом воспитании молодёжи.

Во всем мире известен Кубанский казачий хор под руководством В.Г. Захарченко, существуют профессиональные хоровые коллективы и танцевальные ансамбли и в других местах компактного проживания казаков (на Дону, в Забайкалье, на Урале и др.). Из года в год увеличивается количество самодеятельных взрослых и детских творческих казачьих коллективов, среди которых проводятся ежегодные смотры и конкурсы, такие как “Споём, станица”, “Казачок Тамани” и др. Издаются казачьи журналы и газеты, существуют казачьи сайты.

Всё это позволяет дать следующее определение современному казачеству: **современное казачество** – это форма существования больших социальных групп казаков, складывающаяся на основе определённых ценностей, которые отличают и выделяют их из других социальных групп, обуславливая их социальный статус. Отличительными признаками казачества, выделяющими его из других социальных групп и общностей, являются следующие – оно: обязательно формально структурируется; имеет свою устойчивую идеологию и специфическое, преимущественно семейное, воспитание, отличается особым отношением к труду, имеет культурные особенности, обладает специфическими социально-психологическими поведенческими моделями, обуславливающими его отношение к государственной и иной службе; а также демонстрирует выраженное проявление любви к Родине, своё понимание свободы и справедливости. Таким образом, определившись

с пониманием содержания, которое вкладывается в настоящее время в понятия “казак” и “казачество”, целесообразно раскрыть содержание процесса постсоветской эволюции ценностей данной социальной общности.

Процесс эволюции ценностей казачества начался с пересмотра статуса казаков, и прежде всего казаков-колхозников, которые к 1985-му – году начала перестройки – составляли большие социальные группы в некоторых территориях СССР. На новом витке социально-политических преобразований в СССР обращение к ценностям казачества началось в военно-исторических клубах и историко-литературных обществах, которые возникли на новой идеологеме казаков, где на первое место была поставлена вера. К моменту распада СССР было создано около двух десятков казачьих войск, объединённых в Союз казаков России. В 1993 г. был образован «Союз казачьих войск России и Зарубежья».

Наличие нескольких центров объединения казаков не способствовало их консолидации в России, а привнесло в их строй ряд противоречий. Подтверждением данной мысли является то, что в этот период в духовную парадигму казачества в большей степени, чем православные каноны, были включены идеи внутренней власти среди казаков, которые, как мы уже отметили, касались выборов атаманов, решения “внутриказачьих” вопросов на кругу, а также компоненты “казачьего национализма”. В итоге это привело к напряжению отношений между казачеством и государственной властью России. Более того, стали проявляться конфликты с некоторыми представителями национальных меньшинств,

проживавших компактно на территориях, которые занимали большие социальные группы казаков.

Так, после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 г. казаки Ростовской области обратились к руководству страны с требованием возвращения им исконных казачьих территорий и предложением о введении атаманского правления в этом субъекте Российской Федерации, который рекомендовалось переименовать в Область Войска Донского [3]. Очевидно, что такие нововведения, носившие аксиологический характер, не соответствовали положениям новой Конституции Российской Федерации, ущемляя закреплённые в ней права и свободы других социальных групп, проживающих на территории Ростовской области. Поэтому необходимо было создавать реальную правовую основу для эволюции ценностей казачества.

В соответствии с этим 22 апреля 1994 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» [5], которое утвердило «Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству». В нём был приведён перечень видов государственной службы российского казачества: служба в Вооружённых Силах Российской Федерации; служба по охране государственной границы; таможенная служба; служба в оперативных частях Внутренних войск МВД России; служба по охране общественного порядка; охранная служба по сопровождению грузов и объектов государственного и важного народнохозяйственного значе-

ния; егерская и иная природоохранная служба и т. д. [5]. В августе 1995 г. Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был издан указ № 835 «О государственном реестре казачьих обществ» [8]. В соответствии с данным указом открывались возможности по привлечению казаков к одиннадцати видам государственной службы. Наконец, правовая и организационная основы государственной службы казачества были детально определены федеральным законом № 154-ФЗ от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества» [10].

Основываясь на этом, необходимо акцентировать внимание на следующем:

– в эволюции ценностей казачества присутствуют государственные установки, смысл которых состоит в том, чтобы ценности казачества воплощали в себе интересы государственной власти, что является прямой противоположностью ранее имевшей место в царской России и Советском Союзе тенденции. Тогда при вовлечении казачества в тесные отношения с государством ценности казачества эволюционировали от традиционных к государственным. В постсоветский же период ценности казачества эволюционируют от интересов государственной власти к ценностям казачьих социальных групп;

– для эволюции ценностей казачества в постсоветский период в стране установлен и корректируется нормативно-правовой механизм, который, с одной стороны, детерминирует эти изменения, а с другой – устанавливает для этих тенденций конкретное “поле” возможных изменений;

– общая тенденция в утверждении ценностей современного казачества

состоит в том, чтобы придать отличительные черты данной социальной группе по сравнению с другими социальными группами общества.

Таким образом, государственная власть фактически определила перспективу возрождения сословно-служебных ценностей казачества, которые ориентируют казачьи социальные группы на укрепление государства и обеспечение его безопасности. Это обстоятельство предопределило необходимость правового контроля за процессом утверждения в жизни и деятельности больших казачьих групп таких ценностей, поэтому для оперативного управления процессами становления казачьих образований и утверждаемых в них ценностей был создан государственный реестр казачьих обществ, а в 2009 г. учреждён Совет при Президенте Российской Федерации по делам казачества, который действует и в настоящее время. В 2002 г. была введена должность, а при ней образован соответствующий штат сотрудников, советника Президента Российской Федерации по вопросам казачества.

Однако в нормативной правовой базе, регламентирующей жизнь казачества, заложены противоречия, носящие аксиологический характер. С одной стороны, были приняты акты, поддерживающие ценности российского казачества, а с другой стороны, в начале 2000-х гг. из государственных нормативных актов было исключено понятие “станица”, являющееся одной из важных смысловых ценностей, относящихся к быту казачества. Она является не только атрибутом казачества, но и административным, а также культурным центром жизни

казаков. Парадоксальным также является тот факт, что в «Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» казачество как особая социальная группа не выделена вообще [9]. Такое отношение государственной власти к эволюции ценностей казачества показывает, что она не признаёт исключительности какого-либо этноса, нации или социальной общности. В этом плане примечательным является ответ Президента Российской Федерации В.В. Путина по поводу исключительности «американской нации», о которой было заявлено Президентом США Б. Обамой [6].

В возрождении современного казачества, а значит, и в эволюции ценностей казаков активное участие проявляет Русская православная церковь Московского патриархата (далее – РПЦ). В Советском Союзе она была реально отделена от государства и не могла оказывать существенное влияние на духовную составляющую ценностей. В постсоветский период РПЦ непосредственно соединилась с казачьими социальными группами, активно способствуя включению религиозных канонов в быт казаков. Вместе с тем отношение к вере и РПЦ у казаков неоднозначное. Если брать веру как ценность, без неё казака трудно представить. Но что касается доверия казаков по отношению к духовенству, здесь ситуация выглядит несколько иначе. Традиционно казаки с недоверием относились к тем священнослужителям, деятельность которых была преимущественно направлена на отстаивание своих личных интересов в ущерб интересам своей паствы. Более того, по данным Центра стратегических ис-

следований религии и политики современного мира, высокий уровень включённости представителей РПЦ в светскую жизнь, по мнению части казаков, создаёт благоприятную почву для роста экстремизма. Молодёжь, не получая должного духовного воспитания и ответов на волнующие вопросы в лоне церкви, начинает проявлять интерес к альтернативным верованиям [2, с. 40, 41].

В контексте действия всех нами перечисленных выше нормативных правовых актов, влияния государства, муниципальных властей, РПЦ, казачьих обществ реально формируются ценности «нового» российского казачества. Так, утверждение в сознании казаков таких ценностей, как патриотизм, любовь к Родине и верность товариществу, связано с воинской службой; утверждение в их сознании ценности справедливости – с привлечением к охране общественного порядка, поддержке соотечественников. Включение казаков разного возраста, в первую очередь молодёжи, в охрану природы, обеспечение экологической безопасности будет формировать и поддерживать у них ценности ответственного отношения к природе, безопасности и стабильности. Формированию таких ценностей, как высокая культура бытия, любовь к родной земле, будут способствовать охрана и поддержание в надлежащем состоянии объектов историко-культурного наследия нашей страны, тем более что эта направленность в деятельности казаков тесно связана с их приверженностью вере [7].

Всё перечисленное выше демонстрирует проявление процесса эволюции у казаков ценностей, связанных

с их отношением к государственной власти, служению государству. Что касается других ценностей, которые были характерны для казаков, они эволюционируют, как правило, под влиянием устремлений и активности руководства самих социальных групп казаков. Значимую роль в этом процессе играют лидеры общественных объединений, которые создаются у казаков, образовательные организации общего образования и среднего профессионального образования, ориентированные на сохранение и укрепление культурно-исторических традиций казачества.

Обобщая рассмотренное, можно сделать следующие выводы.

1. Новый виток эволюции ценностей казаков и казачества был обусловлен перестройкой и последующим распадом Советского Союза, а затем – формированием и укреплением государственности Российской Федерации.

2. Эволюция ценностей способствовала созданию на основе имеющихся социальных групп казаков, новой социальной общности – казачества. Современное казачество – это форма существования больших социальных групп казаков, складывающаяся на основе определённых ценностей, которые отличают и выделяют их из других социальных групп, обуславливая их социальный статус.

3. Ценности казачества стали утверждаться на новой, в отличие от существовавшей в СССР, диалектике духовной парадигмы казачества “вера – идея”.

4. Основными, вновь утверждающимися в казачестве ценностями, становились те, которые были в первую очередь необходимы государственной власти, а также те, которые были заключены в канонах православной веры и необходимы для совершенствования нравственного уклада бытовой жизни и семьи. Эволюция ценностей казачества в постсоветский период в значительной степени обуславливалась интересами государственной власти и лишь затем – самого казачества как социальной общности. Таким образом, все эволюционирующие ценности казачества “вписывались” в реально существующие государственные институты.

5. По качеству ценности современного казачества не признавались выше ценностей граждан, которые закреплены в Конституции Российской Федерации. Утверждающиеся в казачестве ценности есть образец реального бытия для других социальных общностей страны, который целесообразно противопоставить распространяемой в стране глобальной масс-медиа культуре. Они являются основой формирования у молодёжи государственного патриотизма и средством укрепления безопасности страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РСФСР от 26.04.1991. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 31.01.2017).
2. Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: Центр стратегических исследований религии и политики современного мира, 2017. 95 с.

3. Конституция Донской казачьей республики (Проект) [Электронный ресурс] // Милютинская: [сайт]. URL: <http://milyutinskaya-dkr.kazforum.net/t3-topic> (дата обращения: 31.01.2017).
4. Новосадов Н.Ф. Этнос и государственность. Сургут: Сургутский государственный университет, 2000. 211 с.
5. Постановление Правительства РФ от 22.04.1994. № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/6301879/> (дата обращения: 31.01.2017).
6. Путин В.В. Призыв к осторожности из России // Infobad.com. URL: <http://infoabad.com/v-mire/-prizyv-k-ostorozhnosti-iz-rosi-tekst-stati-v-putina-opublikovanoi-v-nyu-iork-taims-i-vyzvavshei-nastojaschuyu-sensaciyu.html> (дата обращения: 31.01.2017).
7. Ремизов М. Гражданская нация: русский запрос на сегодня [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей: [сайт]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23602.htm> (дата обращения: 31.01.2017).
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/1582261> (дата обращения: 31.01.2017).
9. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=139350;req=doc#0> (дата обращения: 31.01.2017).
10. Федеральный закон от 05.06.2005. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 09.11.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 50. Ст. 5245.

REFERENCES

1. [Law of the RSFSR dated 26.04.1991 no. 1107-I "On Rehabilitation of Repressed Peoples"]. In: *Garant*. Available at: <http://base.garant.ru/10200365> (accessed: 31.01.2017).
2. *Kazachestvo Severnogo Kavkaza kak faktor stabil'nosti regiona* [The Cossacks of the North Caucasus as a Factor of Stability in the Region]. Moscow, Center for Strategic Studies of Religion and Politics of the Modern World Publ., 2017. 95 p.
3. [Constitution of the Don Cossack Republic (Draft)]. In: *Milyutinskaya*. Available at: <http://milyutinskaya-dkr.kazforum.net/t3-topic> (accessed: 31.01.2017).
4. Novosadov N.F. *Etnos i gosudarstvennost'* [Ethnicity and Statehood]. Surgut, *SurSU* Publ., 2000. 211 p.
5. [The Decree of the RF Government dated 22.04.1994 no. 355 "On the Concept of State Policy towards the Cossacks" (with changes and additions)]. In: *Garant*. Available at: <http://base.garant.ru/6301879> (accessed: 31.01.2017).
6. Putin V.V. [A Call for Caution from Russia]. In: *Infobad.com*. Available at: <http://infoabad.com/v-mire/-prizyv-k-ostorozhnosti-iz-rosi-tekst-stati-v-putina-opublikovanoi-v-nyu-iork-taims-i-vyzvavshei-nastojaschuyu-sensaciyu.html> (accessed: 31.01.2017).
7. Remizov M. [Civic Nation: Russian Request for Today]. In: *Agentstvo politicheskikh novostei* [Agency of Political News]. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article23602.htm> (accessed: 31.01.2017).

8. [The Decree of the President of the Russian Federation dated 09.09.1995 no. 835 “On the State Register of Cossack Societies in the Russian Federation”]. In: *Garant*. Available at: <http://base.garant.ru/1582261> (accessed: 31.01.2017).
 9. [The Decree of the President of the Russian Federation dated 19.12.2012 no. 1666 “On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the Period till 2025”]. In: *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=139350;req=doc#0 (accessed: 31.01.2017).
 10. [Federal Law dated 5.12.2005 no. 154-FZ “On State Service of the Russian Cossacks” (passed by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 09.11.2005)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation Acts of the Russian Federation], 2005, no. 50, art. 5245.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Алексей Павлович – ведущий советник отдела внутреннего финансового контроля и аудита Департамента контрольно-ревизионной деятельности и профилактики правонарушений Министерства образования и науки Российской Федерации;
e-mail: komarov_alexey11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Komarov – Leading Advisor of the Internal Financial Control and Audit Subdivision of the Department for Control and Audit Activities and Prevention of Offenses of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
e-mail: komarov_alexey11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комаров А.П. Социально-философский анализ ценностей современного российского казачества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 58-67
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-58-67

FOR CITATION

Komarov A.P. Social and Philosophical Analysis of the Values of Modern Russian Cossacks. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 58-67
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-58-67

УДК 130.123

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-68-75

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ БЕЗОПАСНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Майкова Н.О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема аксиологических оснований здорового образа жизни с точки зрения духовно-нравственного выбора и целевых ориентаций личности, связанных с сохранением долголетия и стратегией обретения новых смыслов жизни. Осуществлены наблюдения безопасного существования в социуме, соотносённого с достижением глобальных задач: выживанием и продлением жизни; сохранением и укреплением здоровья; повышением качества жизни. Раскрываются такие явления, как культура здоровья, образ жизни и духовно-нравственные качества, позволяющие преодолевать трудности социально-экономического и культурного кризиса. По заключению автора статьи, комплекс факторов здорового образа жизни выступает необходимой константой духовно-нравственного бытия индивида, позволяющей сохранить интерес к жизни и достичь долголетия.

Ключевые слова: качество жизни, здоровье, духовность, поиск смыслов, развитие личности, общество, ценности.

HEALTHY LIFESTYLE AS A SPIRITUAL AND MORAL VALUE OF SAFE HUMAN EXISTENCE

N. Maykova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the problem of the axiological foundations of a healthy lifestyle from the point of view of the spiritual and moral choice and target orientations of the individual associated with the preservation of longevity and the strategy of acquiring new meanings of life. Observations are made of safe existence in the society correlated with the achievement of global tasks: survival and prolongation of life; preservation and strengthening of health; improvement of quality of life. Such concepts as culture of health, lifestyle and spiritually-moral qualities, allowing to overcome difficulties of social and economic and cultural crisis are revealed. The author concluded that the complex of healthy lifestyle factors is a necessary constant of the spiritual and moral being of the individual, which allows to preserve interest in life and prolong longevity.

Key words: quality of life, health, spirituality, search for meaning, personal development, society, values.

Формирование здорового образа жизни – глобальная задача человечества и каждого индивида. На пути самосохранения и развития личность и общество подвергаются различным испытаниям материального и нравственного характера. Попытки преодолеть сложности таких испытаний характеризуют экзистенциальную природу познания личности. Но социальные и нравственные потрясения общества переживаются долго и трудно и во многом влияют на итоговые процессы самого образа жизни людей, входящих в данный социум.

Для исследования сущности здорового образа жизни и обеспечения безопасности жизни на данном этапе развития общества необходимо вычленить компоненты этого образа жизни, обозначив оптимальные условия его достижения.

Образ жизни объединяет 4 компонента: уровень, качество, уклад и стиль жизни [1].

Образ жизни конкретного индивида во многом зависит от окружающей природной среды: климатических условий, географического положения. Так, территория России находится в умеренном климатическом поясе с межсезонными температурными колебаниями до 20–30°C, что создаёт дополнительную нагрузку на здоровье, ведущую к напряжению биологических адаптационных механизмов с последующим их истощением.

По уровню жизни человека определяют степень его удовлетворённости в потреблении материальных, культурных и духовных благ. Показатель отражает благополучие отдельного человека и благосостояние общества в целом.

Качество жизни отражает качественную сторону удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, а также субъективную оценку человеком условий жизни, характеризует экономические, политические, социальные факторы, определяющие общественное положение человека. Показатели уровня и качества жизни, дополняя друг друга, дают оценку степени соответствия условий жизни людей, их потребностям и ожиданиям в реализации их трудовых, профессиональных, социальных способностей.

Стиль жизни индивида зависит от его общего культурного развития, уровня образования, духовно-нравственных устоев, ценностей и смыслов и формируется под влиянием общественно-исторических условий, общественной атмосферы, социальных ценностей.

Поэтому в условиях поиска новых смыслов, в период трансформации социально-политических ориентиров и жизненных установок необходимо направлять свои усилия на саморазвитие культуры здоровья, духовно-нравственных качеств, позволяющих преодолевать трудности социально-экономического и культурного кризиса.

Таким образом, понятие “образ жизни” затрагивает корневые основы существования и развития народа и его будущих поколений. Образ жизни индивида, выстроенный на основе саморазвития, самосовершенствования здоровья, формирования самостоятельного мышления, профессиональной подготовки, психологической стрессоустойчивости, стратегии преодоления трудностей, самореализации, является здоровым образом жизни [2].

Здоровый образ жизни объединяет комплекс оздоровительных, образовательных, духовно-нравственных мероприятий, обеспечивающих гармоничное развитие, укрепление здоровья, повышение работоспособности людей. Он включает в себя результативную учебную и трудовую деятельность, разумные потребности и отказ от вредных привычек, рациональное питание и поведение, а также жизнестроительство и является основой продуктивной, творческой жизни, условием долголетия.

Индивид создаёт свой индивидуальный маршрут здорового образа жизни на основе двух возможных стратегий: развития здоровья и снижения потерь здоровья.

Сущность бытия не сводима к набору простых жизненных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на шаткость конструкции безопасного существования человека в пределах его целевых жизненных установок. Вопрос о снижении потерь здоровья немаловажен без тенденции общества к обеспечению порядка нормирования труда и отдыха, к желанию увидеть и заботиться о собственном потомстве, к возможности дожития до преклонных лет без болезней или с незначительными недугами. Безопасность существования всегда включает несколько компонентов [3]:

- безопасность как отсутствие опасности;
- безопасность как свойство социальной системы;
- безопасность при осуществлении профессиональной деятельности;
- безопасность как состояние защищенности.

В каждом из них индивид способен сформировать ценностные ориентиры, найдя для себя значимые условия в их проявлениях.

В современном мире опасность существует даже в мирное время. Индивид подвергается влиянию и воздействию, его соблазняют новинками материального мира и сексуальной свободы, погружают в новые обстоятельства и испытывают на устойчивость к стрессам. Его мотивируют к приобретениям и обременениям, одновременно упрекая в безответственном отношении к последствиям и нездоровом образе жизни.

Поскольку человек существует в социуме, и последний во многом определяет и задаёт ритм жизненных ориентиров, никто не свободен от его установок и даже заблуждений. Вместе с тем социум может одновременно сформировать позитивный образ жизни человека, объявив вне закона и вне моральных норм поведенческие деструктивы и привычки.

В профессиональной среде вопрос о безопасности возникает как непременное условие выполнения трудового контракта со стороны работодателя. Право на отдых и питание является неотъемлемым правом индивида. Только современные условия труда нередко не только не поддерживают санитарных норм, но фактически подрывают здоровье работника, заставляя его выкладываться на пути к достижению профессионального успеха.

Проблема формирования ценностных ориентаций к здоровому образу жизни как элемента самосохранения в концепции обеспечения безопасного существования человека не разрешима без уделения внимания анализу

внутренних и внешних установок, обращённых к личности через экзистенциальный поиск собственных смыслов и реализацию коллективных семейных, общественных смыслов, проходящих по жизни объектно-субъектными связями.

Внутренние и внешние установки личности всегда зависимы и обусловлены теми жизненными ценностями и ориентирами, что присущи социальному окружению, в которых происходит её формирование и бытие.

В этой связи обращение к поиску смыслов проходит границу между общественными установками, которые разделяются или отвергаются личностью и её социальным окружением, и собственными устремлениями, которые могут не совпадать по смыслу с установками общества или семьи.

Э.В. Переверзева, С.Н. Филиппова, С.И. Белых выделяют ряд общих факторов и причин нездорового образа жизни [1, с. 130]:

1. Низкая культура здоровья, не сформированное у молодёжи отношение к здоровью как к главному ресурсу человеческой жизни [4].

2. Рост и распространение в социуме разрушительных форм поведения: курения, алкоголизма, наркомании [5].

3. Кризис семьи в России, при котором этот институт во многом утратил свои охранительные функции, стабилизирующие жизнь человека и народа, и теперь оказывает стрессогенное воздействие на членов семьи. Пропаганда “безграничной свободы” привела к разрушительной “свободе от ответственности” в семейной сфере [7].

4. Бездуховность, пренебрежение к нормам морали и нравственности.

Эти факторы приводят к потере смысла жизни человеком, деградации его личности, разрушению общественных связей. Социальная атмосфера негативизма, пессимизма и упадка “заражает” человека, подрывает духовную стойкость, сопротивляемость, волю к преодолению трудностей, приводит к дезадаптации населения.

Представляется, что обеспечение здорового образа жизни тесно связано с полноценным питанием, социально-приемлемым и самосберегаемым поведением, удовлетворением значимых для индивида потребностей для формирования культуры развития. Поддержание и сохранение здоровья – это всегда ориентация на создание образа лучшего себя. В его основе лежит социально-психологическая потребность в самореализации. Отказ от лёгкой, приятной бездумной жизни ради выполнения важного предназначения человека – раскрытия своих способностей и талантов в различных сферах жизни, фундаментом которых является целостное физическое благополучие [1, с. 135].

При этом поиск каких-либо смыслов может быть обесценен единственным смыслом, связанным с выживанием, который в нашей стране всегда актуален.

В качестве примера приведём феномен бедной семьи, которая не только не способна устремляться к поиску высших смыслов, а довольствуется лишь наименьшим из возможных благ, удовлетворяя, по сути, лишь потребность в самосохранении.

В настоящее время науке известны черты так называемой философии бедности, которая идеализируется в восприятии её апологетов как высшее

благо существования личности. Более того, терпимое отношение к бедности передаётся из поколения в поколение и становится жизненным ориентиром для потомков.

Это означает, что духовно-нравственным ориентиром бедной семьи будет философия выживания, диктуемая удовлетворением голода и защитой от холода, тогда как иные культурологические связи будут отключены.

Вместе с тем многие верующие целенаправленно противостоят богатству, считая его источником пороков и гордыни. Следуя этому принципу, прибегают к добровольной бедности, которая позволяет демонстрировать «отречение от вещизма, земной суеты, греховной плоти» [6].

Семья с низким уровнем потребления становится благодатной почвой для распространения всевозможных пороков, от алкогольной зависимости до заражения ВИЧ и гепатитом С, как социальных заболеваний неблагополучного общества.

Вместе с тем, говоря о бедности, имеет смысл выделить её как особую поведенческую стратегию, передающую нормы-принципы отдельным группам индивидов, которые нередко противопоставляют себя обществу, бравируя отсутствием общих смыслов с обществом и другими людьми, и ведут губительный и социально опасный образ жизни. Причём такая опасность может не только носить локальный, внутригрупповой характер, но и создавать возможность реальной угрозы утраты здоровья для других членов общества. Так, заражённый открытой формой туберкулёза, не вставший на диспансерный учёт и не прошедший своевременно курса лечения может

стать причиной заражения туберкулёзом большого числа жителей одного подъезда и даже дома.

Представляется, что утрата смысла собственной жизни одним индивидом не должна и не способна приводить к утрате смыслов у других индивидов. Распространение ценностных стратегий маргинальных групп, выражающихся в отказе от лечения, от обеспечения собственной безопасности жизни и в утрате духовно-нравственных ориентиров, должно пресекаться обществом и государством. Однако во всех странах мира имеет место феномен последователей известных людей, прославившихся на музыкальном или ином культурном поприще и завершивших жизненный путь самоубийством по причине утраты смысла жизни.

Забота о сохранении жизни есть высший смысл любой жизни. В ней также проявляется забота и о жизнях окружающих – в предупреждении ранней смерти и возможности сохранения жизнью многих в их недолгий земной срок. Ожидание смерти близкого человека способно разбудить в душе истинную картину бытия, не столько свидетельствуя о тщетности любых усилий, сколько показывая другому, как много надо успеть до своей собственной кончины.

Возможность переживания чужой смерти, выражения соболезнования родным и близким умершего открывает в индивидууме сакральное знание конечности собственного бытия. Конечность жизненного пути, непреодолимость смерти как завершающего этапа любой жизни позволяет провести переоценку принятых и оформленных в сознании ценностных ориентиров: от неуёмной жажды жизни

до её полной потери. Кроме того, реальность смерти выступает мотивирующей константой в переоценке жизненных ориентиров, не только неся в себе “безусловное зло”, но и открывая истины самосохранения через ведение здорового образа жизни и отказ от чрезмерных психических и физических перегрузок.

Н. Трубников полагал, что от того, «какой мы видим смерть, зависит духовно-нравственная ценность нашего образа жизни» [10].

Через восприятие смерти происходит осознание смыслов достижения бессмертия, воплощённого в вере как духовно-нравственном ориентире развития личности.

Вера в Бога позволяет преодолевать горести и страдания, легче переносить неудачи, находить ответы на духовные запросы своей личности.

При этом достаточно холодное и отстранённое отношение общества к экзистенциальным переживаниям личности не станет препятствием к постижению новой реальности и созданию новых смыслов. Наибольшую сложность в постижении себя представляют как раз отделение своей личности от остального социума и формирование собственного проекта жизни. Поиск собственного смысла или его изменение всегда затрагивает чьи-то интересы и заходит в зону комфорта иных людей, которые не только и не столько одобряют идеи и их реализацию, сколько препятствуют их осу-

ществлению, создавая видимые или невидимые барьеры, искусственные сложности для преодоления. В таких условиях индивид должен проявить стойкость духа, обращаясь к Богу за помощью и полагаясь на собственные силы. Не поддаваться, не снижать ритма собственной жизни, осознавая границы безопасного существования. Отказ от соблюдения требований безопасности существования человека снижает духовно-нравственную ценность здорового образа жизни.

Таким образом, здоровый образ жизни выступает необходимой константой духовно-нравственного бытия индивида, позволяющей сохранить интерес и обеспечить долголетие, изменяя собственную реальность и встраиваясь в новые социальные стратегии. Духовно-нравственная ценность здорового образа жизни связана с вопросами её смысла, духовного развития личности человека, безопасности существования [8; 9].

Опыт безопасного существования в социуме всегда направлен на достижение глобальных задач: выживания и продления жизни; сохранения и укрепления здоровья; повышения качества жизни. Реализация этих задач на практике позволит минимизировать риски самоуничтожения человечества в глобальных мировых войнах и воплотить гуманистические миссии оказания помощи и участия в жизни нуждающихся, бедных и больных как высшую ценность развитого духовного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарев С.К., Колесов Д.В. Наркотизм: природа и преодоление. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЖ», 2006. 432 с.
2. Добrorадных М.Б. Формирование ценности здоровья у студентов в процессе их профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 164 с.

3. Здоровый образ жизни: сб. науч. трудов / под ред. С.А. Симбирцева. Л., 1988. 232 с.
4. Калмыкова О.А. Социально-философский портрет бедных людей // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 178–182.
5. Коршунов А.В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 121–126.
6. Майкова В.П. Методология педагогики и экологическое мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 289–298.
7. Майкова В.П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной философии. М.: Московский государственный университет леса, 2013. 385 с.
8. Майкова В.П. Молчан Э.М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 46–53.
9. Переверзева Э.В., Филиппова С.Н., Бельх С.И. Здоровый образ жизни как проявление культуры здоровья человека // Вестник Российской академии международного туризма. 2016. № 3. С. 128–138.
10. Трубников Н.Н. Проблема смерти, времени и цели человеческой жизни (через смерть и время к вечности) // MarsExX.ru. URL: <http://www.marsexx.ru/psychology/trubnikov-smert.html> (дата обращения: 31.01.2018).

REFERENCES

1. Bondarev S.K., Kolesov D.V. *Narkotizm: priroda i preodolenie* [Drug Addiction: Nature and Overcoming]. Moscow, Moscow Psychology and Social Institute Publ., Voronezh, NPO "MODZH" Publ., 2006. 432 p.
2. Dobroradnykh M.B. *Formirovanie tsennosti zdorov'ya u studentov v protsesse ikh professional'nogo obrazovaniya: dis. ... kand. ped. nauk* [The Formation of Values of Health with Students During Their Professional Education: PhD Thesis in Pedagogical Sciences]. Moscow, 2003. 164 p.
3. Simbirtsev S.A., ed. *Zdorovyi obraz zhizni* [Healthy Lifestyle]. Leningrad, 1988. 232 p.
4. Kalmykova O.A. [Socio-Philosophical Portrait of Poor People]. In: *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2010, no. 2 (22), pp. 178–182.
5. Korshunov A.V. [Problems of Study of Spiritual Security of Russian Society in Modern Scientific Literature]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Thought], 2013, no. 2 (18), pp. 121–126.
6. Maikova V.P. [Methodology of Pedagogy and Ecological Worldview]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2013, no. 1, pp. 289–298.
7. Maikova V.P. *Sotsial'no-filosofskie problemy dinamiki obshchestvennogo soznaniya v sovremennoi filosofii* [Socio-Philosophical Problems of the Dynamics of Social Consciousness in Modern Philosophy]. Moscow, MSUL Publ., 2013. 385 p.
8. Maikova V.P., Molchan E.M. [Spirituality as a Factor of Stability of Social Systems]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 46–53.
9. Pereverzeva E.V., Filippova S.N., Belykh S.I. [Healthy lifestyle as a Manifestation of Health Culture]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii mezhdunarodnogo turizma* [Bulletin of the Russian Academy of International Tourism], 2016, no. 3, pp. 128–138.

10. Trubnikov H.H. [The Problem of Death, Time, and Purpose of Human Life (Through Death and Time to Eternity)]. In: *MarsExX.ru*. Available at: <http://www.marsexx.ru/psychology/trubnikov-smert.html> (accessed: 31.01.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майкова Нина Олеговна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: maini1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina O. Maykova – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: maini1@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майкова Н.О. Здоровый образ жизни как духовно-нравственная ценность безопасного существования человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 68-75
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-68-75

FOR CITATION

Maykova N.O. Healthy Lifestyle as a Spiritual and Moral Value of Safe Human Existence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 68-75
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-68-75

УДК 124.23

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-76-84

СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА ЛИДЕРСТВА

Мартенс О.К.*Международный союз немецкой культуры**119048, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. В статье даётся характеристика лидерства как социально-коммуникативного образования, представляющего собой процесс взаимоотношения влияния социально зрелой части социальной общности и других её членов, а также личности-лидера и её последователей. Рассмотрены природа и сущность лидерства, развитие лидерства как социально-коммуникативного образования. Сделан вывод, что лидерство обуславливает регулирование отношений в общностях людей для обеспечения целостности и функциональности этих общностей и ориентировано на достижение общезначимых для них целей.

Ключевые слова: лидер, лидерство, социальная общность, сущность лидерства, природа лидерства, влияние, философия управления.

ESSENCE AND NATURE OF LEADERSHIP

O. Martens*International Union of German Culture**5, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119048, Russian Federation*

Abstract. The article provides characteristics of leadership as a social and communicative entity, a process of interaction between the influential mature part of social community and its members and the personality of the leader and its followers. The author considers the nature and essence of leadership, development of leadership as a social and communicative entity. It is concluded that leadership determines the regulation of relationships in a community to ensure its integrity, functionality and focuses on achieving socially valid purposes.

Key words: leader, leadership, social community, the essence of leadership, the nature of leadership, influence, philosophy of management.

Одной из важных проблем в современной философии управления является проблема осмысления природы и сущности лидерства, выявления причин и источников возникновения этого социального феномена, его роли в жизни и деятельности социальных групп, организаций и общества в целом.

В философском словаре понятие “лидерство” раскрывается как один из механизмов организации групповой деятельности, когда личность или часть той или иной социальной группы играет роль лидера, иначе говоря, объединяет и направляет деятельность всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает её действия [7, с. 313]. В конкретной социальной общности лидерство проявляет себя

во влиянии одних членов общности на других, во взаимоотношениях лидера и его последователей. В основе таких взаимоотношений лежит доверие последователей к лидеру, что делает его ценным для общества [2, с. 199]. Влияние, оказываемое лидером, ориентировано на достижение конкретной социальной общностью целей, разделяемых её большинством или только активной частью общности.

Развитие философии управления как составляющей социальной философии определяет необходимость выделения и всестороннего рассмотрения существенных признаков такого социального феномена, как лидерство. Однако нам с сожалением приходится констатировать тот факт, что в многочисленных исследованиях данного феномена его сущностные признаки не были определены и сформулированы.

Это объясняется рядом причин. Во-первых, во многих исследованиях феномена лидерства недостаточно точно трактуются смысл и содержание категории “сущность”. Придерживаясь материалистической трактовки содержания данной философской категории, необходимо подчеркнуть, что сущность отражает такие свойства и черты объекта или явления, которые выражают его качественность, определённую, изъятие которых превращает их в совсем другие объекты и явления. Это ориентирует нас на выявление природы противоречий, которые реально и обуславливают как природу, так и сущность феномена лидерства.

Во-вторых, в большинстве исследований, которые посвящены изучению сущности лидерства, имеет место формулирование признаков, которые

лидерство должно включать. И если такое допустимо в идеалистических конструкциях, т. к. в них всё сущее есть результат развития “абсолютной идеи”, то для исследований, базирующихся на материалистической основе, такой подход не приводит к корректным выводам.

В-третьих, отсутствие внимания к выделению признаков, которые характеризуют сущность лидерства, обуславливается тем, что ряд его исследователей в своих работах демонстрируют субъективное отношение к исследуемому феномену, что обусловлено как субъективной позицией, так и влиянием предметных областей тех наук, представителями которых они являются.

Смысл следующего нашего положения заключается в том, что реальную природу и сущность лидерства можно выявить только тогда, когда оно рассматривается в процессе бытия тех или иных социальных общностей, бытия человека, которое проявляется в различных формах его активности. Поэтому при рассмотрении сущностных признаков лидерства мы исходили из постулата, что лидерство является социальным феноменом, который возникает на основе осознания людьми определённого вида противоречий и позволяет им разрешить эти противоречия в направлении достижения заданной и осознаваемой ими цели. Более того, поскольку любые противоречия являются как причиной, так и источником развития, лидерство должно отражать в себе и закономерности этого развития. Пронизывая бытие человека и социальных общностей, ориентируя их на достижение поставленных целей, лидерство всегда будет

приобретать определённые содержание и форму, отражая в них меру познанной закономерности организации и развития социальных общностей.

Таким образом, развитие социальных общностей в рамках разрешаемых противоречий будет детерминировать и развитие лидерства. Поскольку человек – это творец феномена лидерства и одновременно его объект [1], и с развитием самого человека, сфер его жизнедеятельности, объективных условий и субъективных факторов функционирования этих сфер будут изменяться содержание и формы лидерства.

Так как социальные общности выделяются из неживой и живой природы, в относительной самостоятельности бытия социальных общностей заключается и главное противоречие, которое отражается в природе и сущности лидерства. Для того чтобы раскрыть суть противоречия относительной самостоятельности бытия социальных общностей, подробнее рассмотрим содержание этой относительной самостоятельности.

Прежде всего относительная самостоятельность бытия социальных общностей состоит в том, что они представляют собой совокупность субъектов, наделённых сознанием, которые организуют совместные связи и взаимодействия на основе ими самими устанавливаемых норм, правил, желаний и определённого контроля за их соблюдением. Далее, относительная самостоятельность бытия названных субъектов состоит в том, что в их бытии могут проявлять себя только закономерности, ибо строгого соблюдения причинно-следственных связей, которые присутствуют в законах, обеспечить невозможно – в обществе живут

люди, наделённые чувствами, эмоциями. Относительная самостоятельность бытия социальных общностей и общества заключается и в том, что человек, ориентированный на создание благ, удовлетворяющих его потребности, создаёт и творит среду обитания, социоприроду, находящуюся в противоречии с реальной живой и неживой природой. Для сохранения самих себя и обеспечения своего будущего люди обязаны создавать механизмы рациональной регуляции своего бытия. Одновременно с этим всё больше и больше отчуждаясь от реальной природы, люди в реальности осознают всё большую зависимость от неё [3, с. 124, 125].

Для выявления природы и сущности лидерства в рамках философского осмысления используется сочетание ситуативно-деятельностного подхода и идеи “универсального эволюционизма” [4; 5], в соответствии с которыми все эволюционные процессы в природе и социоприроде подчиняются общим фундаментальным закономерностям. Рассмотрение лидерства необходимо осуществлять в контексте становления и развития социального, где социальные общности, общество, общественные отношения во всех их проявлениях и другие компоненты социоприроды – это искусственные создания, системообразующим фактором которых выступает труд.

Выделяются и рассматриваются условия возникновения, функционирования и развития социального, обнаружения тех необходимых и достаточных признаков-факторов, которые данное образование создают, формируют со всеми его специфическими особенностями, от которых зависит реальное исследование природы

и сущности лидерства. Более того, для описания законов развития и закона организации социального потребуются использовать сложившееся в науке понимание типов научной рациональности.

Напомним, что социальное – это объект особого рода. Оно является реальным, но в определённой степени искусственным исторически и территориально органическим целым, обладающим внутренне дифференцированной и функционирующей природой, но с присущей ему совокупностью объективных законов и закономерностей своего бытия. Социальное обладает потенциалом саморегуляции и саморазвития ввиду того, что его элементы – это активно действующие люди. Однако эффективно этот потенциал может реализовываться только в рамках достаточно адекватного “перевода” познанных закономерностей сохранения и развития социального в разряд регулятивов жизнедеятельности людей и социальных общностей. Другими словами, социальное – это форма и способ различных видов и типов бытия людей в относительно устойчивом сообществе себе подобных, которые развивается и воспроизводится в рамках рационально осмысленного взаимодействия и взаимовлияния этих же людей.

В перечисленном выше проявляет себя лидерство, поскольку социальное как продукт развития искусственной природы, создаваемой человеком, его трудом для достижения запланированных целей, обязано быть соответствующим образом организованным. Из истории известно, что для создания, функционирования и развития любых сообществ людей использова-

лись определённые регулятивы. Они по факту своего возникновения, в отличие от естественной природы, формировались человеком. Вместе с тем они не могли и не могут не отражать объективной природы существования общества, т. к. в эволюционном развитии общества заключена объективная природа всего нашего мира.

Однако здесь возникают вопросы. Во-первых, можем ли мы точно ответить на вопрос, когда и насколько полно в зарождающемся обществе начинают проявляться изначально ему присущие закономерные связи? Во-вторых, насколько полно социализирующийся представитель рода человеческого способен эти закономерные связи выявить и отразить в знаниях и правилах своего бытия? И, наконец, в каких типах рациональности и формах общественного сознания он готов и способен их отразить, закрепить и эффективно использовать?

С появлением знаний, с формированием тех или иных цивилизаций в обществе создаются механизмы регулирования взаимодействий людей. Они предопределяют не только поле проявления активности людей, но и запреты, выход за пределы которых предполагает привлечение конкретного человека к ответственности. Сформулированные людьми механизмы развивались, совершенствовались. Какие-то из них отмирали. Но в ходе этих процессов утверждалось, совершенствовалось и развивалось лидерство, которое являлось формой выражения познанных закономерностей существования, организации и развития социального.

Однако для того чтобы возникло лидерство, должна проявиться кон-

кретная личность-лидер, которая сформировала бы конкретные правила, приёмы, формы влияния активных, социально зрелых личностей на других. Таким образом, развитие социальных общностей порождает личность-лидера, и личность-лидер сразу же начинает влиять на процесс развития социальных общностей. В этом проявляется диалектическая обусловленность взаимовлияния лидерства на социальные общности. Нельзя при этом не учитывать того факта, что развитие социальных общностей в значительной степени детерминировано производственной деятельностью человека, совокупностью складывающейся в обществе системы экономических отношений.

Таким образом, с позиций избранного нами подхода к исследованию лидерства мы приходим к выводу, что его сущность составляют взаимоотношения влияния социально зрелой части социальной общности и других её членов, а также личности-лидера и её последователей, которые обуславливают границы допустимого в поведении и деятельности всех субъектов в социальной общности, регулируют их взаимные притязания, их ожидания и требования адекватного общественно-го ответа на свои действия и усилия, но в рамках разрешения противоречий существования социальной общности как относительно самостоятельной части природы, в рамках меры.

Что касается природы лидерства, оно является социально-коммуникативным образованием, которое порождается противоречием относительно самостоятельного развития общностей людей, но такого, которое соотносимо с природой объективных законов реаль-

ного мира. Поскольку лидерство – это социально-коммуникативное образование, оно включает в себя и социально-психологические, и управленческие, и духовные, и экономические, и политические компоненты.

Выделив сущностные и природные черты лидерства, можно дать следующее определение этому феномену. **Лидерство** – это социально-коммуникативное образование, представляющее собой процесс взаимоотношения влияния социально зрелой части социальной общности и других её членов, а также личности-лидера и её последователей, который обуславливает регулирование отношений в общностях людей для обеспечения целостности и функциональности этих общностей и ориентирован на достижения общезначимых для них целей.

В генезисе лидерство как социально-коммуникативный феномен, способ регулирования отношений между людьми в социальных общностях с развитием материального и духовного производства, с появлением государства изменяло своё содержание, приобретая новые виды и формы. Ведь люди на протяжении долгого времени ситуативно, через пробы и ошибки “перекладывали” на правила и приёмы взаимовлияния логику объективного закона относительно самостоятельного развития социального, предлагая самим себе содержательно-рациональную логику организации своего бытия. Всё это свидетельствует о том, что лидерство:

– не статичная структура социально-коммуникативного влияния одних людей на других, одной личности-лидера на других, а конкретно-социальный способ организации отношений

в социальных общностях, соответствующий объективному закону развития социального, где компоненты знаний-правил представляют собой суть временной зафиксированной деятельности мышления и практического действия;

– содержательно отражает процессуальный характер бытия различных социальных общностей;

– представляет собой взаимоотношение влияния без использования принуждения, основанное на харизме лидера, выделенного из социально-зрелой группы социальной общности;

– является совокупностью социально-коммуникативных и социально-психологических средств обеспечения организованности социальных общностей, их будущности.

Функционально лидерство обеспечивает гармонию связей между устремлениями социальной общности, её потенциалом и способами, формами её организации. Именно поэтому лидерство служило и служит способом установления соответствия между характером организации социальных общностей и их функциональностью в контексте достижения ими общих целей. В целом же при определении лидерства через социально-коммуникативное образование мы несколько не противоречим тому факту, что, кроме лидерства, объективный закон организации социальных общностей, соответствующий закону их развития, воплощается в действительность и другими средствами и способами, реализуется через формы общественного сознания и проявления активности людей.

Нельзя исключать и такого аспекта лидерства, как полиаспектность языкового и смыслового его содержания.

Оно представляет в определённой степени проявление различных видов и форм влияния. Иначе говоря, влияние в лидерстве – это «выразительное и говорящее бытие». Вследствие этого раскрытие и описание его сущности в определённом смысле неисчерпаемо по своему значению.

Лидерство можно классифицировать по разным основаниям-критериям, которые составляют основные элементы его содержания. Например, по направленности влияния на организацию социальных общностей лидерство можно подразделить на:

– соответствующее закономерностям организации социальных общностей, которые являются адекватным отражением законов их развития;

– примерно соответствующее закономерностям организации социальных общностей, которые являются адекватным отражением законов их развития;

– не соответствующее закономерностям организации социальных общностей, которые являются адекватным отражением законов их развития.

По видам социальных общностей, которых в любом современном обществе значительное количество, лидерство можно классифицировать как лидерство в групповых общностях и лидерство в массовых общностях.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что социальные общности отличаются разнообразием конкретно-исторических и ситуационно обусловленных видов и форм. К примеру, по количественному составу они варьируются от взаимодействия двух людей до многочисленных движений. По продолжительности существования – от длящихся минуты и часы до

живущих столетиями и тысячелетиями этносов, народностей, наций. По плотности связи между индивидами – от тесно сплочённых коллективов и организаций до весьма расплывчатых аморфных образований.

Разнообразные виды общностей образуются на различной объективной основе. В качестве таких оснований можно выделить:

- характер общественного производства – производственный коллектив, социально-профессиональная группа и т. д.;

- этническую принадлежность – этносы, нации, народности;

- естественные социально-демографические факторы – женские и мужские, возрастные и т. п.;

- культурные особенности;

- политические ориентации и др.

По характеру организации взаимоотношения влияния лидерство можно подразделить на:

- деловое лидерство. Оно характерно для групп, возникающих на основе производственных целей. В основе такого лидерства лежат высокая компетентность, умение лучше других решать организационные задачи, деловой авторитет и т. п. Деловое лидерство наиболее сильно влияет на эффективность руководства;

- эмоциональное лидерство. Оно возникает в социально-психологических группах на основе человеческих симпатий, притягательности межличностного общения. Эмоциональный лидер вызывает у людей доверие, излучает теплоту, вселяет уверенность, снимает психологическую напряжённость, создаёт атмосферу психологического комфорта в коллективе;

- ситуативное лидерство. По своей

природе оно может быть и деловым, и эмоциональным. Однако его отличительной чертой является неустойчивость, временная ограниченность, связь лишь с определённой ситуацией. Ситуационный лидер может повести за собой всю группу лишь в определённой ситуации.

По типу лидеров можно выделить следующие виды лидерства:

- лидер-организатор – выполняет функцию групповой интеграции;

- лидер-инициатор – главенствует при решении новых проблем, выдвигает идеи;

- лидер-генератор эмоционального настроения – доминирует в формировании настроения группы;

- лидер-эрудит – отличается обширностью знаний;

- лидер-эталон – является центром эмоционального притяжения, соответствует роли “звезды”, служит образцом, идеалом;

- лидер-мастер, умелец-специалист в каком-то виде деятельности [6, с. 45–47].

Помимо названных в науке и практике нередко используются и другие классификации лидеров в зависимости от их восприятия группой и психологических качеств лидера [6, с. 125].

Таким образом, нами выявлено, что практически во всех исследованиях лидерство рассматривается как процесс реализации лидером влияния на жизнь и деятельность социальных общностей, от групповых до массовых. Природа лидерства заключена в том, что оно является социально-коммуникативным образованием, которое порождается противоречием относительно самостоятельного развития общностей людей, общества, но таким, которое соотносимо с природой объективных законов реального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакурадзе А.Б. Социально-философский анализ ценностных основ лидерства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2007. № 2. С. 14–26.
2. Бакурадзе А.Б. Философско-аксиологический подход к управлению социальной организацией: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 224 с.
3. Михалкин Н.В., Михалкин С.В. История и философия науки и техники: учеб. пособие для аспирантов. М.: ИИУ МГОУ, 2012. 328 с.
4. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: Малое государственное внедренческое предприятие комплексного обеспечения компьютеризированных систем, 1995. 376 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
6. Спивак В.А. Лидерство: учеб. для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 301 с.
7. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.

REFERENCES

1. Bakuradze A.B. [Socio-Philosophical Analysis of Valuable Bases of Leadership]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2007, no. 2, pp. 14–26.
2. Bakuradze A.B. *Filosofsko-aksiologicheskii podkhod k upravleniyu sotsial'noi organizatsiei* [Philosophical and Axiological Approach to the Management of Social Organization]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. 224 p.
3. Mikhalkin N.V., Mikhalkin S.V. *Istoriya i filosofiya nauki i tekhniki* [History and Philosophy of Science and Technology]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2012. 328 p.
4. Moiseyev N.N. *Sovremennyi ratsionalizm* [Modern Rationalism]. Moscow, MGVP KOKS Publ., 1995. 376 p.
5. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of Chaos: a New Dialogue between Man and Nature]. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p.
6. Spivak V.A. *Liderstvo* [Leadership]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 301 p.
7. Il'ichev L.F. et al. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1983. 836 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартенс Ольга Константиновна – первый заместитель председателя Международного союза немецкой культуры, вице-президент Федералистского союза европейских национальностей;
e-mail: olga@martens.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga K. Martens – First Deputy Chairman of the International Union of German Culture, Vice-President of the Federalist Union of European Nationalities;
e-mail: olga@martens.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мартенс О.К. Сущность и природа лидерства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 76-84

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-76-84

FOR CITATION

Martens O.K. Essence and Nature of Leadership. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 76-84

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-76-84

УДК: 141

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-85-96

КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ, СПОСОБНЫХ ПОВЛИЯТЬ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Песоцкий В.А.¹, Жебит В.А.²

¹Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Физический институт имени П.Н. Лебедева РАН
119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 53, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу современных естественнонаучных достижений, которые создали почву для рождения новых концепций в науке о коммуникации. На этом фоне следует выделить такие направления, как квантовая физика, синергетика и трансперсональная психология, корреляция сознания и социальные процессы. Проведённый системный анализ ключевых достижений в рассматриваемых науках позволяет создать аналитическую основу, полезную в деле разработки новой концептуальной платформы социальной коммуникативистики.

Ключевые слова: коммуникация, социальная коммуникация, коммуникативистика, коммуникология, метапарадигма.

CLASSIFICATION APPROACH IN ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS THAT CAN INFLUENCE THE FORMATION OF METAPARADIGM OF SOCIAL COMMUNICATION

V. Pesotsky¹, V. Zhebit²

¹Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

²The Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences
53, Leninsky ave., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern scientific achievements which created the ground for the birth of new concepts in the science of communication. The areas in which significant developments took place are quantum physics, synergetics and transpersonal psychology. The systemic analysis of the key achievements in these sciences allows us to create an analytical framework which is useful in developing a new conceptual platform for social communicativistics.

Key words: communication, social communication, communicativistics, communicology, metaparadigm.

Трансформация понятийной сферы

Понятие *научной парадигмы* (от греч. Παράδειγμα – пример, образец) в современном научном сообществе получило достаточно широкое толкование, включающее такие понятия, как научная ориентация, научное течение, концепция, а также научная традиция и проч. Учитывая плюрализм научных взглядов, сегодня нельзя трактовку понятия парадигмы относить ко всему научному сообществу, поскольку в нём есть место и другим определениям парадигм, используемым на условиях равноправия.

Обобщая существующие определения, можно представить научную парадигму как концептуальную платформу, с позиции которой на дисциплинарном уровне развиваются те или иные научные направления.

Согласно мнению, высказанному в работах Т. Куна, научная революция как раз и является переходом от одной парадигмы к другой [3].

Благодаря ускоряющемуся научному прогрессу не только появились новые понятия и термины, но и претерпели изменения многие известные понятия. В частности, такое понятие, как *коммуникация* (от лат. communication – сообщение, передача), употреблявшееся ранее наряду с технологической сферой в основном в контексте вербального и невербального общения, получило новые толкования, в том числе включив в себя представление о *полевых взаимодействиях* и *обмене энергией*.

В общем понятийном ряду заняли своё место такие новые понятия, как *коммуникология* и *коммуникативистика*. Так, под коммуникологи-

ей часто понимают систему знаний, включающую научные направления, изучающие различные виды и формы коммуникации, различные теории коммуникации и деятельность в области коммуникации. Под коммуникативистикой некоторые теоретики понимают одно из научных направлений коммуникологии, изучающее функционирование коммуникативных систем, их место и роль в социальном взаимодействии. Другие – весь спектр направлений, связанных с изучением коммуникации.

В последние годы заняло своё место и такое обобщающее понятие, как *метопарадигма*, под которой чаще подразумевают базовую основу, включающую в себя несколько парадигм, выступающих относительно этой базы как парадигмы второго уровня. Однако существуют мнения, что это понятие может отражать самостоятельную концепцию, не связанную с существующими, но образующую новую платформу для развития новых концепций. Например, именно так соотносятся такие парадигмы, как классическая физика и квантовая механика, евклидова геометрия и геометрия Н.И. Лобачевского, созданные на разной аксиоматике, отражающие различные типы рациональности.

На общем фоне существующего концептуологического разнообразия следует отметить достижения, имеющие место в несмежных науках, способные оказать влияние на формирование новых представлений о коммуникативных процессах, однако анализ следует начать с общих представлений.

Достижения в естественнонаучной сфере

По мнению, высказанному в своё время Н.Н. Моисеевым, на современные представления о картине мира оказали в первую очередь влияние такие научные концепции, как теория нестационарной вселенной, концепции биосферы и ноосферы и синергетика [4].

Поистине революционным явилось открытие в конце XIX в. Второго начала термодинамики в трудах Л. Карно (*Lazare Nicolas Marguerite Carnot*), Р. Клаузиуса (*Rudolf Julius Emanuel Clausius*) и их сподвижников. В работах их современника Л. Больцмана (*Ludwig Eduard Boltzmann*) доказывалось, что всё, что составляет понятие «Природа», имеет свойство тяготения от беспорядка к упорядоченности, а нарастание энтропии есть неотъемлемое свойство физических тел.

Эти и иные концептуальные позиции вступали в противоречие с господствующей дарвиновской теорией эволюции в том смысле, что эволюция биологического мира предполагала его совершенствование, а термодинамика обосновывала идею деградации.

В работах Ж.А. Пуанкаре (*Jules Henri Poincare*), опубликованных в первые годы XX в., появились первые доказательства нелинейных принципов развития процессов, в частности существование явлений, в которых малые начальные изменения состояния способны привести к крупномасштабным изменениям систем. На этих основах рождалась теория самоорганизующихся систем, приведшая к появлению синергетики.

В конце 40-х гг. XX в. в работах К. Шеннона (*Claude Elwood Shannon*)

была представлена новая концепция информационных процессов, развиваемая с учётом термодинамических закономерностей развития физического мира, в теории информации появились понятия информационного шума, информационной энтропии.

1948 г. был отмечен рождением новой науки об информации в трудах Н. Винера (*Norbert Wiener*), получившей наименование “кибернетика”. В своей концепции информационных процессов Н. Винер объединил несколько теорий информации, что позволило обеспечить всесторонний охват процессов распространения информации и алгоритмов их приёма-передачи. Кибернетика стала основой для появления новых прикладных направлений в технике, экономике, гуманитарных и социальных науках.

В середине XX в. с развитием вычислительной техники были зафиксированы новые математические закономерности, среди которых важным событием представляется открытый Дж. фон Нейманом (*John von Neumann*) эффект, демонстрирующий явление упорядочения при простом переборе решений нелинейных уравнений. Это открытие неожиданно привело к появлению новых идей и новых концепций в целом ряде несмежных наук.

Имя Р. Тома (*René Frédéric Thom*) прочно связывают с появлением в 60-х гг. XX в. математической теории катастроф. Её простота и наглядность позволяла широкое использование в самых разных науках, включая социальные, благодаря хорошо организованному сопутствующему математическому аппарату.

В 70-х гг. XX в. Б. Мандельброт (*Benoot B. Mandelbrot*) опубликовал

ряд трудов, посвящённых разработанной им теории многомерных систем – фракталов (фрактал от лат. fractus – дроблёный). Было открыто свойство фрактальности – самоподобия, присутствующее практически всем объектам природы – от простейших организмов до объектов Вселенной. Понятие фрактальности позволило понять новые принципы строения мироздания, использовать эту теорию во многих научных направлениях, открыть новые иерархические закономерности в строении систем.

Появление компьютерной техники с высокими скоростями обработки данных привело к возникновению такой прикладной отрасли, как компьютерное моделирование, сыгравшей большую роль в развитии целого ряда научных направлений – физике, математике, космологии, геофизике, экономике и др. Однако универсальность компьютерного моделирования была подвергнута сомнению: в частности, Ф. Андерсон (*Philip Warren Anderson*) представлял лагерь идейных противников подобного редукционизма, отстаивавших позицию неуниверсальности машинного моделирования.

В противовес этому выступали многочисленные сторонники моделирования, в числе которых свою позицию иерархичности Вселенной отстаивал М. Гелл-Ман (*Murray Gell-Mann*), утверждавший, что иерархия познания представляет собой конструкт, на вершине которого находятся законы физической Вселенной – теория кварков, Второе начало термодинамики и проч., ниже – генетика земной жизни и проч., ещё ниже – социология, психология, культурология и проч.

Однако по мере совершенствования компьютерного моделирования уже к концу XX в. сформировалось мнение, что даже при сколь угодно высоком уровне развития вычислительной техники невозможно достичь уровня экспериментальных исследований с реальными объектами. Считаемая одной из самых передовых наук синергетика не смогла путём моделирования решить задачи, связанные с процессами, протекающими во Вселенной.

С появлением общей теории систем, разработанной в 40–50 гг. XX в., в научном анализе возобладал системный подход, открывший широкие перспективы для развития практически всех научных направлений. В частности, биологическая наука благодаря теории систем увидела мир открытых самоорганизующихся систем, открыла структурные уровни их организации [10].

Ещё в свою бытность В.И. Вернадский представлял земную биосферу как самоорганизующуюся эволюционирующую систему. В его концепции биосфера – особое планетарное образование с функциями, определяемыми не только самой планетой, но и солнечной системой, и космосом в целом. При этом биосфера есть общность всего живого, населяющего Землю и составляющего единый организм, обладающий специфической ментальностью. Динамические свойства биосферы определяются сочетанием устойчивости и изменчивости отношений её элементов, выступающих в диалектическом единстве и борьбе противоположностей [1; 2; 6].

Большое влияние на мировоззренческие позиции оказали работы А. Леопольда (*Aldo Leopold*), созвучные

взглядам В.И. Вернадского. Благодаря А. Леопольду в науке заняло позиции понятие экологической этики – свода законов взаимоотношений человечества и Природы, в основе которых лежит идея необходимого благоговения перед её ценностью. Такая Этика предполагает установление определённых границ возможного вмешательства в природные структуры.

Схожие идеи благоговения перед Природой выдвигались также А. Швейцером (*Albert Schweitzer*) в его концепции формирования этического мировоззрения. При этом диалог с Природой, обуславливающий необходимость соответствующей открытости сознания окружающему миру, являет собой новую форму коммуникации, понимаемой как взаимодействие сознаний.

Новый аспект – коммуникацию как основу мировоззрения нового типа раскрывает в своих работах Ю. Хабермас (*Jürgen Habermas*). Он обращает внимание на свойство непрерывного изменения открытости и коммуникативности общественных сфер как внутри себя, так и между ними. Знаковой и многократно цитируемой стала фраза в одном из выступлений Ю. Хабермаса: «Вместо того чтобы полагаться на разум производительных сил, т. е. в конечном счёте на разум естествознания и техники, я доверяю производительной силе коммуникации» [5].

Окончание XX в. характерно утверждением научных взглядов на мироздание как на в большой степени хаотическую среду, стремящуюся к упорядоченности.

В мировосприятии появляется известный дуализм, проистекающий из представления о неравновесности

присущих ей свойств хаотичности и упорядоченности. Это порождает два аспекта мирозерцания – с позиции порядка и с позиции беспорядка. Парадигма неравновесности открывает широкий спектр вариантов развития событий в диапазоне от хаоса до застывшего порядка, включая события, непредсказуемые с точки зрения равновесного мира.

В равновесном мире процессы развиваются по детерминированным путям, однако при отходе от состояния равновесия наступает переход в новое – недетерминированное состояние, когда в действие вступают законы неравновесного мира. Движение, достигающее критических значений устойчивости, теряет привычную предсказуемость. Такие критические значения были названы И. Пригожиным (*Ilya Prigogine*) *точками бифуркации*¹ [7]. Именно в этих точках будущее становится неопределённым, и дальнейшее развитие событий представляет собой реализацию одного из сценариев, имеющих часто равную вероятность исполнения. В точке бифуркации на выбор сценария может оказать решающее влияние малозначимый фактор или простая случайность, что уравнивает роли закономерного и случайного, делая их двумя сторонами одной медали.

¹ **Точка бифуркации** (от лат. *bifurcus* – раздвоение) – понятие, пришедшее в социальные науки из теории самоорганизующихся систем. При достижении некоторых пороговых значений параметров системы, соответствующих Т. б., эволюция системы может пойти различными путями. Особенностью Т. б. является то, что в этот момент на выбор пути может повлиять самый ничтожный фактор, способный стать решающим.

При взгляде на природный процесс с точки зрения неравновесных состояний он предстаёт как один из многих возможных вариантов развития событий. В каждый новый момент времени может начаться развитие процесса по новому сценарию, отличающемуся от предполагаемых. Переход процесса через точку бифуркации может стать переходом в совершенно новую пространственно-временную позицию и принятием новой, возможно, более совершенной формы.

Всвоей работе (*Leó Szilárd*) «Об уменьшении энтропии в терминологической системе при вмешательстве мыслящего существа», вышедшей в 1929 г., Л. Сциллард выступил с предположением, что при переходе процесса через точку бифуркации дальнейший сценарий его развития зависит не только от случайностных факторов, но и акта выбора, обусловленного присутствием сознания наблюдателя [11].

Формирующаяся новая парадигма естествознания, выстраивающаяся от синергетики, позволяет уйти от линейно-механистической картины мира и перейти к новому – нелинейному – подходу в оценке природных, биологических, социальных, психических явлений, развивающихся в соответствии с нелинейными законами самоорганизующихся систем, развивающихся в нелинейном соответствии с их эволюцией.

Благодаря выше изложенным естественнонаучным тенденциям с середины XX в. получило распространение множество концептуальных направлений, существенно повлиявших на развитие коммуникативистики.

Коммуникативистика в достижениях передовых научных направлений

Современная материалистическая научная парадигма под “реальным” понимает макромир, развивающийся по классическим – линейным – законам. Мир “виртуальный”, где процессы протекают по нелинейным законам, события имеют стохастический характер, открывается экспериментаторам в исследовании поведения частиц микромира.

Что касается современных представлений о коммуникации, на них оказало существенное влияние развитие таких передовых научных направлений, как квантовая физика, синергетика и трансперсональная психология.

Достижения в области квантовой физики не только открыли новые закономерности развития процессов материального мира, но и проявили новые виды коммуникативных взаимодействий, таких как коммуникация прекогниции, ретроактивности, психокинеза и, вероятно, полевых взаимодействий.

Открытие в исследованиях квантовых взаимодействий феномена редукции волновой функции – квантового коллапса – позволило раскрыть столь важный феномен, как влияние сознания наблюдателя на результат эксперимента.

Важно отметить, что в последние годы в ходе выдающихся международных экспериментов, проводимых в ряде стран, был открыт и нашёл подтверждение эффект так называемой квантовой корреляции, получивший также название “квантовой спутанности” (в 2011 г. этот эффект был обнаружен в эксперименте с взаимодей-

ствием единичного атома и конденсата Бозе–Эйнштейна, находящихся в разных лабораториях). Этот эксперимент подтвердил результаты более раннего, проведённого в Швейцарии, в котором квантовая корреляция была зарегистрирована между двумя фотонами, пущенными по оптоволоконным кабелям на расстоянии 18 км.

Квантовая корреляция выявила ранее не известный вид коммуникации,

существующий в материальном мире. Это заставляет по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о коммуникативных взаимодействиях, в частности на ранее не известный механизм их проявлений.

Можно выделить основной ряд концепций, лежащих в области квантовой физики, открывших новые горизонты в познании феноменологии коммуникации (табл. 1).

Таблица 1

Квантово-физические концепции, повлёкшие новые представления о коммуникативных механизмах

Концепции	Комментарий
<i>Редукция волновой функции</i>	Причины, влияющие на исход этого выбора, не только не известны, но, по ряду мнений, отсутствуют вообще.
<i>Принцип суперпозиции</i>	Существуют условно два мира. Первый – это макроскопический мир, где все имеет определённую и предсказуемость. Второй – мир, где одновременно существуют потенциально возможные состояния, взаимодействующие по своим собственным законам.
<i>Подход Вигнера</i>	Прибор после взаимодействия с частицей должен описываться как совокупность различных несовместных состояний. Окончательный выбор происходит только в сознании наблюдателя.
<i>Гипотеза Г. Эверетта</i>	Сознание наблюдателя как бы выхватывает из потока вариантов одно состояние и фиксирует его, превращая в событие.
<i>Эффект прекогниции</i>	Психофизический парадокс. Наряду с обычной <i>причинно-следственной</i> последовательностью от прошлого к будущему вводится обратная во времени <i>следственно-причинная</i> последовательность – от будущего к прошлому.
<i>Феномен психокинеза</i>	Психофизический парадокс. Психокинетическое воздействие как бы вторгается в причинно обусловленный ход событий.
<i>Синтетическая модель Вселенной</i>	Возможны два равноправных и, по сути, неотличимых подхода: движение мировой линии мимо “неподвижного” сознания и движение сознания вдоль мировой линии.
<i>Феномен ретроактивности</i>	Решение о том, быть “орлу” или “решке”, выносится не тогда, когда результат фиксируется, а тогда, когда наблюдатель, получив сигнал, видит “орла” или “решку”. Эксперимент показал, что психокинетическое воздействие первого наблюдателя блокирует такое же усилие второго наблюдателя.
<i>Гипотеза торсионных взаимодействий</i>	Особенности полей кручения – аномально высокая скорость распространения, превышающая скорость света на 9 порядков.
<i>Феномен квантовой корреляции</i>	Новый, ранее не известный вид взаимодействий, зарегистрированный в мире элементарных частиц, проявляющий себя в синхронном изменении параметров частиц, находящихся на больших расстояниях друг от друга.

Новые горизонты открылись благодаря достижениям в области анализа системных процессов, основанных на синергетических представлениях.

Развитие синергетических представлений в различных сферах науки дало возможность полнее использовать системный подход в исследованиях как физических, так и биологических и социальных процессов, найдя глубокие аналогии. Законы развития неравновесных самоорганизующихся систем открыли новые стороны эво-

люций социальных систем с их кризисами и трансформациями. Синергетика позволила раскрыть новый аспект социальной коммуникации – корреляцию сознания и социальных процессов, дающую доступ в новое пространство для исследований социальной роли сознания.

Нелинейный характер термодинамических процессов в физическом мире проявился в аналогии с биологическими и социальными процессами (табл. 2).

Таблица 2

Синергетические концепции, подкрепляющие идею коммуникативной природы социальных процессов

Концепции	Комментарий
<i>Хаотические процессы</i>	Сточки зрения термодинамики, хаос является неотъемлемым спутником эволюции и в открытых нелинейных средах. Роль его конструктивна.
<i>Фактор резонансного возбуждения</i>	Механизмы слепого жёсткого отбора не являются единственно возможными в эволюции сложных систем.
<i>Козволюция сложных систем</i>	Для возникновения единой сложной структуры должно иметь место “перекрытие” входящих в неё более простых структур, должна соблюдаться определённая топология такого “перекрытия”.
<i>Нелинейные процессы</i>	Циклы обострения и падения интенсивности процессов, распада и объединения частей составляют внутреннюю закономерность нелинейных процессов.
<i>Корреляции сознания и социальных процессов</i>	Синергетика обеспечивает новую методологию понимания путей эволюции социальных систем, причин эволюционных кризисов, угроз катастроф.
<i>Сценарные задачи</i>	Будущие состояния сложных социальных систем не просто непредсказуемы, существуют целые спектры возможных форм будущей организации.
<i>Режимы “с обострением”</i>	Эволюционные кризисы неизбежны, поскольку режимы с обострением ведут к неустойчивости и угрозе распада системы вблизи момента обострения.

Существенный вклад в развитие новых представлений о коммуникативной природе социального привнес-

ли также достижения в области трансперсональной психологии (табл. 3).

Таблица 3

**Основные концепции, поддерживающие идею существования
трансперсональных коммуникативных механизмов**

Концепции	Комментарий
<i>Трансперсональная психология С. Грофа</i>	Открытие трансперсонального плана всеобщего единства мировых культур и традиций, что открывает путь развитию нового – трансперсонального научного мировоззрения, необходимого для новых представлений о человеке.
<i>Интегративная философия К. Уилбера</i>	Роль интегральной философии – в обобщении всего разнообразия концептуальных форм познания и получении универсального инструмента верификации других концептуальных подходов, не претендующих на разносторонность.
<i>Духовные практики Р. Уолша</i>	Путь к достижению этих целей лежит через семь духовных практик, отражённых в главных мировых религиях.
<i>Процессуальный подход А. Минделла</i>	Минделловский процессуальный подход в психологии построен в развитие юнговской теории о бессознательном с использованием методов гештальт-психологии в попытке объединить методы психологии с духовными практиками.
<i>Системный подход к сознанию Х. Ханга и Ч. Тарта</i>	Отмечают несколько постулатов, ведущих к определению понятия “состояние сознания” в системном аспекте. Это так называемое базисное состояние сознания, в котором возможно произвольное управление “фокусом сознания”. А также функции психики индивида с позиции различия в преобразовании информации. Управление функционированием психики связывается с использованием так называемых психических энергий.
<i>Трансперсональный подход к сновидениям</i>	Первая фаза – погружение в некое специфическое пространство. Вторая фаза – перевод информации в долговременную память. Третья фаза – озарение, в момент которого возникают нужный образ.
<i>Исследования медитации</i>	Объём экспериментальных результатов достаточно велик, что позволяет получить представление о воздействии медитации на личностные свойства испытуемых, часто приводящих к позитивным трансформациям.
<i>Исследования резервных возможностей человека</i>	В качестве подкрепления этой идеи следует напомнить о росте смертности на всех континентах, что говорит об усилении связанного с такой трансформацией естественного отбора в человеческой популяции.
<i>Парапсихологические исследования</i>	Эксперименты проявили выраженную нелинейную закономерность созависимости результатов, что в корне отличалось от нормальных статистических закономерностей, подтверждая существующие предположения наличия иных закономерностей в пси-явлениях.
<i>Танатологические исследования</i>	Обширные статистические результаты позволили выявить определённые общие закономерности в околосмертном опыте, позволяющие приблизить картину тех перемен, которые переживает человек в состоянии перехода.

Концепция существования трансперсонального плана всеобщего единства, появившаяся в подтверждение

юнговского учения о коллективном бессознательном, подтверждение нелинейных созависимостей результатов

экспериментов, концептуальное предположение о “состоянии сознания” как системного параметра – всё это подтверждает становление парадигмально новых естественнонаучных и философских позиций в социальной коммуникативистике [8; 9].

Выводы

Научные достижения XX в. выявили потребность в новом понимании коммуникации как феномена, поскольку прежние классические представления уже не отражали всей многоаспектности этого понятия и не

давали необходимого инструментария в изучении явлений, ранее находившихся вне области научного познания.

Квантовые, синергетические, трансперсональные подходы привнесли дополнительный потенциал в исследовательскую сферу, укрепив теоретический фундамент новой коммуникационной парадигмы.

Формирование метапарадигмы коммуникации, подкрепляемое научными и технологическими достижениями во многих несмежных областях, создаёт условия для рождения новой общенаучной парадигмы XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаренко М.С., Гончаренко В.Г. Научный феномен наследия В. И. Вернадского как направления дальнейшего развития человечества // В.И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография / под науч. ред. А.И. Субетто, В.А. Шамахова: в 3 т. Т. 1. СПб.: Астерион, 2013. С. 74–84.
2. Космический смысл русской цивилизации [Электронный ресурс] // Завтра: [сайт]. [30.05.2012]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zavtra-gazeta-gazeta/gazeta-zavtra-968-22-2012/8> (дата обращения: 31.01.2018).
3. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
4. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
5. Назарчук А. В. Перевод с комментариями и примечаниями главы «Критика инструментального разума» из книги Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
6. Ноосферизм – новый путь развития: коллективная научная монография: в 2-х кн. / под науч. ред. Г.М. Иманова, А.А. Горбунова. Кн. I. СПб.: Астерион, 2017. 488 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
8. Субетто А.И. Исповедь последнего человека (предупреждение из Будущего): научно-философское эссе / под науч. ред. В.В. Лукоянова. 2-е изд. СПб.: Астерион, 2014. 224 с.
9. Субетто А.И., Шанти Д.П., Лукоянов В.В. Новая парадигма науки и искусства в XXI веке / СПб.: Астерион, 2015. 32 с.
10. Татарникова Л.Г. Методология развития научной идеи. Библиографическая систематика ключевых научных трудов: монография (юбилейное издание). СПб.: Астерион, 2015. 344 с.
11. Szilard L. Über die Entropieverminderung in einemthermodinamischen System bei Eingriffenintelligenter Wesen // Zeitschrift für Physik November, 1929. Vol. 53. Issue 11–12. P. 840–856.

REFERENCES

1. Goncharenko M.S., Goncharenko V.G. [The Phenomenon of V.I. Vernadsky's Scientific Heritage as a Guide for Human Development]. In: Subetto A.I., Shamahov V.A., eds. *V.I. Vernadskii i noosfernaya paradigma razvitiya obshchestva, nauki, kul'tury, obrazovaniya i ekonomiki v XXI veke. T. 1* [V.I. Vernadsky and the Noosphere Paradigm of Society, Science, Culture, Education and Economy in the 21st Century. Vol. 1]. St. Petersburg, *Asterion Publ.*, 2013. pp. 74–84.
2. [The Cosmic Meaning of Russian Civilization]. In: *Zavtra* [Tomorrow], [30.05.2012]. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zavtra-gazeta-gazeta/gazeta-zavtra-968-22-2012/8> (accessed: 31.01.2018).
3. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.
4. Moiseyev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' Razuma* [The Fate of Civilization. The Path of Reason]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 2000. 224 p.
5. Nazarchuk A.V. [A Translation with Commentary and Notes of the Chapter "Critique of Instrumental Reason" from the Book by Jürgen Habermas "The Theory of Communicative Action"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 1993, no. 4, pp. 43–63.
6. Imanov G.M., Gorbunov A.A., eds. *Noosferizm. Novyy put' razvitiya. Kn. 1* [Noospherism. New Development. Vol. 1]. St. Petersburg *Asterio Publ.*, 2017. 488 p.
7. Prigozhin I., Stengers I. *Vremya, khaos, kvant. K resheniyu paradoksa vremeni* [Time, Chaos, Quantum. To the Solution of the Time Paradox]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 240 p.
8. Subetto A.I. *Ispoved' poslednego cheloveka (preduprezhdenie iz Budushchego): nauchno-filosofskoe esse* [The Confession of the Last Man (Warning From the Future): Scientific and Philosophical Essays]. St. Petersburg, *Asterion Publ.*, 2014. 224 p.
9. Subetto A.I., Shanti D.P., Lukoyanov V.V. *Novaya paradigma nauki i iskusstva v XXI veke* [The New Paradigm of Science and Art in the 21st Century]. St. Petersburg, *Asterion Publ.*, 2015. 32 p.
10. Tatarnikova L.G. *Metodologiya razvitiya nauchnoi idei. Bibliograficheskaya sistematika klyuchevykh nauchnykh trudov* [Methodology of Development of Scientific Ideas. Bibliographic Taxonomy of Key Scientific Papers]. St. Petersburg, *Asterion Publ.*, 2015. 344 p.
11. Szilard L. Über die Entropieverminderung in einethermodinamischen System bei Eingriffenintelligenter Wesen. In: *Zeitschrift für Physik*, 1929, November, vol. 53, iss. 11–12, pp. 840–856.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

E-mail: vlad2008@yandex.ru

Жебит Владимир Александрович – кандидат психологических наук, директор проекта, Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН;

E-mail: zhebit@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;

E-mail: vlad2008@yandex.ru

Vladimir A. Zhebit – PhD in Psychology, project director, The Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences;

E-mail: zhebit@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Песоцкий В.А., Жебит В.А. Классификационный подход в оценке научных достижений, способных повлиять на формирование метапарадигмы социальной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 85-96

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-85-96

FOR CITATION

Pesotsky V.A., Zhebit V.A. Classification Approach in Assessment of Scientific Achievements that Can Influence the Formation of Metaparadigm of Social Communication. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 85-96

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-85-96

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) + 122+123+17

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-97-107

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ 1920–1930-Х ГГ.: П.П. БЛОНСКИЙ, А.Б. ЗАЛКИНД, А.С. МАКАРЕНКО

Колесниченко Ю.В.

*Московский институт современного академического образования
109263, г. Москва, 7-ая ул. Текстильщиков, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема становления философской педагогики нового типа в период парадигмальной трансгрессии межвоенного времени. Педагогическая философия в России 1920–1930-х гг. носила ярко выраженный амбивалентный характер, стараясь описать словом тот накал социально-философских и политических страстей, которые разгорались вокруг тематики воспитания подрастающего поколения строителей нового общества. Используя методы синхронного, диахронного анализа, а также метод герменевтического прочтения текста, автор пришёл к выводу о специфике данного эвристического процесса, а также результатов формирования философско-педагогической концепции личности у таких мыслителей, как А. Залкинд, П. Блонский, А. Макаренко. Эти учёные советской России заложили теоретические / парадигмальные основания современной отечественной философской педагогики, а также педагогической практики.

Ключевые слова: философская педагогика, парадигмальная трансгрессия, Блонский, Залкинд, Макаренко, советская педагогическая практика.

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE PERSON IN THE SOVIET PEDAGOGICS OF THE 1920S–1930S: P.P. BLONSKY, A.B. ZALKIND, A.S. MAKARENKO

Yu. Kolesnichenko

*Moscow Institute of Contemporary Academic Education
14, 7th Tekstilshchikov st., Moscow, 109263, Russian Federation*

Abstract. The article considers the emergence of a new type of philosophy of education in the interbellum period of paradigmatic transgression. Pedagogical philosophy of Russia in the

© Колесниченко Ю.В., 2018.

1920s–1930s had a clearly ambivalent character striving to reflect in philosophical terms the critical intense of social, philosophical and political passions around the key-topic of bringing up a Person of a new society. Using methods of synchronic and diachronic analysis as well as hermeneutical methods of textual perception, the research is intended to draw philosophical conclusions on the specifics of the mentioned heuristic process. Such Russian thinkers as P. Blonsky, A. Zalkind, as well as A. Makarenko grounded theoretical/paradigmatic basis for the development of modern Russian philosophy and practice of education.

Key words: philosophy of education, paradigmatic transgression, Blonsky, Zalkind, Makarenko, Soviet pedagogical practice.

Педология (П.П. Блонский, А.Б. Залкинд)

При активизации социалистического строительства в период 1920–1930-х гг. личностная онтогносеологическая тематика, всё более превращаясь в самостоятельный топос философии, выходит на качественно новый уровень осмысления личностного бытия.

Новые исторические реалии ставили перед философами небывалые перспективы исторического, а также общефилософского плана. Осмысление темы личности, её активного, социально ответственного существования выходит на новый уровень. От понимания личности как принципа устройства бытия философская мысль переходит к видению в личности главной двигательной силы строительства нового бытия. Личность, таким образом, превращается из организующего принципа в организующую силу бытия наличного, бытия исторического.

Относясь к личности как к объекту проектирования и, как следствие, конструирования, П.П. Блонский, как отмечает Т.Д. Марциновская, рассматривал «личность ребенка ... прежде всего, как объект (курсив мой – Ю.К.) воспитания и обучения» [7]. Занимаясь непосредственно вопросами становления личности, Блонский настаи-

вал на том, что всякая индивидуальная человеческая личность есть отражение её классовой принадлежности. Так, он писал: «Воспитание в любом эксплуататорском обществе ... есть не что иное, как искажение, уродование развития ребенка, воспитание неполноценного человека ... Воспитание в СССР ставит своей задачей воспитание всесторонне развитых строителей социалистического общества...» [2, с. 392]. Мыслитель даёт четкое определение основной задачи педологической науки: «Педология, стремясь дать полную картину развития ребенка по всем закономерностям его, призвана помогать воспитанию нового – полноценного, всесторонне развитого человека, члена социалистического общества» [2, с. 392].

Тем не менее впоследствии Блонский отходит от однозначного социогенетического понимания генезиса человеческой личности (предпочитая определять основы индивидуальных различий через генетику), оставляя А.Б. Залкинда практически единолично продолжать социогенетическое направление педологии.

Теоретическое построение Залкинда – кристаллизованная теория социального проектирования личности на базе подросткового человеческого материала. Уравнительный порядок педагогиче-

ских мер, направленный на формирование обязательной к социалистическому строительству унитарной личности – будущего строителя коммунизма – по определению включал в себя устройство личности по заданному плану, плану соответствия некоему общепринятому идеалу – образу революционного героя прометеевского типа.

Символическая архаика античности, взятая за образец в проектировании требуемой личности, предполагала нивелирование индивидуальных особенностей не-героической, нетрудовой личности. Во главу угла как теоретической, так и практической областей философско-психологического знания становится личность, сформированная по принципам коллективности. Психологическое портретирование преобразуется в действенное проектирование, а само бытие становится коллективной Личностью: единым самосозидающим, поступающим, творческим Субъектом.

Залкинд выступает против пансексуальности психоанализа, противопоставляя фрейдистскому пониманию личностного вопроса идею *коллективисткой сублимации* (социального замещения, переключения индивидуального психического переживания на общественное посредством личностного, ответственного, деятельного включения в конкретную жизнь социума и его значимые задачи). Пришедшая из возрастной (подростковой) психологии идея переноса (в терминах Залкинда – переключения) акцентуаций личности с индивидуального зависимого на социально зависимый аттрактор, определяющий дальнейший характер личностного роста и развития, является фундаментальной

теоретической, а также практической компонентой педологической теории 1920-х гг. Данный аспект предполагает, более того, полагает *социальность* основой формирования личностного пути развития, таким образом, делая возможным и социальный заказ на формирование у личности требуемого набора качеств.

Залкинд выстраивает свою прикладную концепцию на базе понимания субъекта как деятельного, самосозидающего начала личности. «Коллективные установки переходного (*подросткового* – Ю.К.) периода чрезвычайно своеобразны. Резко выпячивается личностное начало, чувство “я”, но вместе с тем рост актуальной романтики, волевого напора, обострение самолюбия – требуют обязательных связей с социальностью, с коллективом, *без которого* у подростка нет нужной пищи для культивирования сгустившегося чувства “я”. *Эгоистически-социальная* установка, где “эго” (“я”) – центр действий, но “социо”, коллектив – *опорная база* для действий, без которой “эго” впустую повиснет в воздухе» [4, с. 199]. Становящаяся личность подростка принимает установки общесоциального плана как установку на общее и дальнейшее – в противовес специальному и близкому, т. е. узко индивидуальному. Залкинд не устаёт подчёркивать коллективную природу подростковой личности, её центробежную (по отношению к коллективу) силу.

Статья Залкинда «Детские психопатии и педология» легла в основу педологического пересмотра дефектологического дела в СССР в 1923–1927 гг., обозначив новейший подход к сугубо социальному (марксистскому) подхо-

ду к излечению детских психопатий. Теория отношений, основанная в своих базовых принципах на сущностной идее диалогости как коммуникативной основе личностных взаимоотношений, позволила в дальнейшем создать теорию коммуникаций на базе диалектического противоречия как сущностного принципа человеческих отношений, выстроенных в *форме-сущности* диалога (М.М. Бахтин).

Теория межличностных отношений, взятых за основу психологического механизма функционирования социума, нашла своё отражение также в трудах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии.

Главный патогенный фактор развития психопатии, по мнению Залкинда, лежит «в области *социально-контактной установки личности*», в области «*взаимоотношений его с другими людьми*» [5, с. 130]. Патологии есть, по Залкинду, прежде всего асоциальные и антисоциальные проявления индивидуума. «Проблемы личности и новая концепция просвещения в целом сводились к вопросу о методах организационного и всестороннего влияния на человека, который ещё не успел приобрести твёрдые коммунистические инстинкты, заменяющие прежние рефлексы, пригодные для естественно-натуралистической, но не социально-технократической жизни» [10, с. 7].

Подчёркивая своё отношение к маленькому ребёнку как к материалу («детский материал» [5, с. 56]), Залкинд настаивал на творческом развитии индивидуальной личности ребёнка в коллективе, отдавая системе коллективного целевого взращивания главную роль в новой педагогической системе, резко критикуя «мистически-сентиментальный» индивидуализм,

«индивидуалистическую хаотичность ребёнка» [10, с. 9].

Механистическая схема представления о развитии психических механизмов личности определялась влиянием эпохи, духом времени. *Машинерия* становится метрологическим правилом *портретирования* не только объектного, но и субъектного планов бытия, являясь не только общим планом социально-философской объяснительной схемы, но также основой проектной социальной деятельности. Атрибутивность (субъектность, активность вовне) как свойство начинает превалировать над субстанцией (личность как основа и цель атрибутивности). Функциональное свойство вырождается в псевдосубстанциональность, подменяя собой цельность в угоду экстраполяции, предвещающей крайние формы подобного рода экстраполяции – постмодернизм.

Механистический (разновидность машинерии в науке) перенос свойств линейной причинности в область многоуровневых, сложноорганизованных систем, каким является отдельная человеческая личность, с необходимостью вёл к пониманию того, что организм всегда функционирует «не как индивидуум, а как неотрывная органическая часть коллектива (*организма коллективного* – Ю.К.), вне которого немислимо ни одно движение тела, ни одна хотя бы самая интимная функция» [3, с. 12]. Слиянность индивидуальной личности в коллективную приобретает, таким образом, в педологии Залкинда аксиоматический характер не только социально-философского, но и психофизиологического свойства.

Залкинд тем не менее наделял психику человеческой личности структу-

рой, изоморфной телеологическим качествам культуры.

Педология Залкинда есть, таким образом, своего рода теория личностного бессмертия, решаемая земными средствами, посредством существования в социуме коллективной личности, связанной поколенческой преемственностью (поколение как «продуктивный социокультурный масштаб» [1, с. 12]). Главной эсхатологической целью педологии становится в конечном итоге стремление «избавить человека от страха смерти благодаря жертвенной причастности новым абсолютным основаниям бытия, благодаря вере в грядущее завершение истории священного коллективизма» [10, с. 17], творческой самореализации социального организма, понятого в философском плане эпохи как коллективная личность.

В предисловии к первому изданию «Основных вопросов педологии» (1930) Залкинд писал о том, что «в СССР ... новая социальность предъявляет совершенно особые задачи к массовому воспитанию, предъявляет и особые новые заказы (курсив мой – Ю.К.) к исследованию массового объекта воспитания, т. е. к педологии» [3, с. 19].

Марксизм, по Залкинду, вносит «в старую мистифицированную и субъективированную психологию социогенезис» [3, с. 21]. Личностная концепция волевой самосозидающей субстанции экстраполируется Залкиндом на психофизиологическую область мозговой активности, противоречиво сращивая, таким образом, органический субстрат (сому) с психологическими процессами субъектной творческой направленной деятельности: «Мозг работает не только под толчками нашего “волевого

заказа”, но и имеет свою могучую *инерцию*, зачастую определяющую собой и крупнейшую часть творческого эффекта» [5, с. 319].

Марксистско-ленинская классовая интерпретация теории “доминанты” [9] А.А. Ухтомского находит своё отражение в теории формирования нового типа личности Залкинда. Последний вводит понятие “социалистическая доминанта”, ставя психическую поведенческую функцию субъекта действия в прямую социальную (определённое, в *классовую*) зависимость: «В условиях СССР, где растущий социализм – основа и стержень всех творческих процессов, нелепо думать о максимальной мозговой продукции – вне социалистической целеустремлённости, вне социалистической доминанты. Всё, что мы говорим в нашей работе о рационализации мозговой деятельности, в *социалистической доминанте* находит своё логическое и техническое завершение» [5, с. 425].

«Дискуссия в области естествознания ... протекает пока не столько в сфере мирodelания, сколько в области мирозерцания» [3, с. 22]. Залкинд открыто говорит о психологии не только как об области сугубо теоретического, но также о сфере «*наиболее злободневной, наиболее ответственной человеческой практики* (курсив мой – Ю.К.). Как область ценнейшей социальной практики, наиболее социально заострённой, она представляет тем более крупный интерес и для философских обобщений. Если бы психология не охватывала собою проблемы человеческой личности, вопросы о структуре и генезисе человеческой личности, о методах влияния на человеческую личность, – эта научная область не

возбуждала бы столько страстных исканий и споров» [3, с. 22].

Залкинд говорит о марксистской философии психологии как об области «психологических практик», психологического влияния «на социального, классового человека» [3, с. 22], обосновывая правомерность и объективную необходимость приложения теории деятельности к конкретным областям социального (точнее, социалистического) строительства. Марксистская педагогическая философия, а именно педология, по Залкинду, ставит своей задачей «наилучшее использование человеческой личности для целей пролетарской революции» [3, с. 22].

Характерно, что современная теоретическая психология, базируясь на фундаментальных теоретических постулатах, выдвинутых в 1920–1930- гг. такими теоретиками философско-психологического направления, как С.Л. и М.М. Рубинштейны, Л.С. Выгодский, В.В. Зеньковский, П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, понимает личность, в том числе, «как системное качество индивида. Личность при этом не только выносится за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы наличной совместной деятельности с ними ... Индивид выступает как субъект этих активно осуществляемых преобразований так или иначе связанных с ним людей ... Следовательно, прокладывается новый путь интерпретации личности: она выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его “инобытие” в них (и, между прочим, и себе как “другом”), как его персонализация ... “Ино-

бытие” индивида в других людях – это не статический отпечаток. Речь идёт об активном процессе, о своего рода продолжении себя в другом ... Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности её в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность “полностью” не умирает ... Определяющей характеристикой личности служит её активность, которая в интраиндивидуальном плане выступает в явлениях выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний (реактивности), т. е. в феноменах “надситуативной”, “надролевой” активности; в интериндивидуальном плане – в поступках, социальных актах; в метаиндивидуальном плане – в деяниях, т. е. в реальных вкладах в других людей. Понятие “деяние” используется здесь в смысле, близком к гегелевской трактовке» [8, с. 157].

Наиболее значимой в педологической деятельности явилась максимальная результативность в области полового / гендерного воспитания будущих строителей коммунизма. Задолго до успешного разрешения вопроса о социальном взаимоотношении полов в других странах (например, избирательное право для женщин было введено в Швейцарии лишь в 1971 г.), в России (после Февральской революции 1917 г.) был успешно претворён в жизнь принцип гендерного равенства, прочно укоренившийся в ментальности последующих поколений российского общества. Таким образом, важно отметить, что изначальная установка русской философской мысли на сущностную

андрогинность личности приобрела в практическом поле своей реализации (в области прикладной психологии) устойчивые социальные формы, глубоко укоренившиеся в ментальности советского народа в социалистические и постсоциалистические годы.

Личность в педагогической системе А.С. Макаренко

В прежние времена философия предполагала индивидуальное устройство собственной личности как ипостаси согласно определённому внутреннему телеологическому плану вместе с религиозным личностным планом. Социалистическое строительство нового общества было, по сути, строительством коллективной личности нового типа согласно тщательным образом сконструированному общественному идеалу (согласно прометеевской задаче создания тысячелетнего общества, населённого человеком нового типа).

Педагогическая система Макаренко имеет своей методологической основой особенное понимание личностной природы отдельного индивида в его соотношении с коллективом. В своих теоретических произведениях, написанных в 1930-х гг., автор стремится подчеркнуть необходимость организации особых межличностных отношений в коллективах воспитанников трудовых колоний, вверенных ему в руководство.

Личность как индивидуальность в обязательном порядке осуществляет свою трудовую, а также частную активность в коллективе, всегда и везде выступая не как частное лицо, но как выразитель мнения и интересов своего коллектива-семьи.

С целью организации и успешного функционирования данного процесса Макаренко формулирует «моральный кодекс руководителя коммуны-отряда» [6, с. 270] социалистического трудового коллектива, возлагая на данного представителя трудового коллектива моральную ответственность за формирование личности нового социалистического типа. Характерно использование Макаренко необычной для данного типа теоретических разработок терминологии из иных гуманитарных областей. Например, частое употребление термина «тон» или «стиль» предполагает некоторый нюанс в отражении сути педагогического процесса, имеющего место в правильно организованном коллективе молодых работников коммуны. Термин «тон» (например, в употреблении «дисциплинарный тон» [6, с. 267], «коллективный тон», «мажорный» (оптимистичный) тон [6, с. 316]) означает некий настрой, готовность коллектива к исполнению особой роли в самоорганизации своей деятельности в противовес жёсткому дисциплинарному форматированию процесса своей жизнедеятельности. Так, Макаренко утверждает, что «сложный воспитательный процесс в хорошо организованном коллективе происходит без специальных усилий в порядке постоянного наслаивания мельчайших и тонко нюансированных впечатлений, поступков и отношений» [6, с. 268]. Музыкальная терминология используется здесь с целью подчёркивания самонастраиваемости сложного социального организма, симфоничности его коллективной сущности.

Своеобразна трактовка Макаренко понятия дисциплины как особой со-

циальной поведенческой нормы. Если для индивидуальной личности свобода есть познанная необходимость, то для личности социалистического коллектива свобода есть дисциплина, наделяемая Макаренко не только политическим, но и нравственным качеством. «Дисциплина в нашем обществе – это явление нравственное и политическое. Человек недисциплинированный в старом обществе никак не рассматривался как человек безнравственный. В нашем обществе ... недисциплинированный человек – это человек, выступающий против общества, и мы рассматриваем его не только с точки зрения внешнего технического удобства, но и с точки зрения политической и нравственной» [6, с. 285].

Технологическое, механистическое отношение к личности в коллективе прежде всего как к составной его части предполагает необходимость машинного, автоматизированного, алгоритмического включения личности в процесс функционирования трудового сообщества. Дисциплина становится, таким образом, возможностью осуществления трудового сообщества, общественного организма, становится основой построения социума, она «есть свобода, она ставит личность в более защищённое, свободное положение и создаёт полную уверенность в своём праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности» [6, с. 285].

Мыслитель говорит об интонировании воспитательного процесса, не углубляясь в определение данного феномена. Можно предположить, что подразумевается намеренность, свободное волеизъявление личности или коллектива в направлении какого-либо важного социального действия. Он

настаивает на “дисциплинарном тоне” [6, с. 267], выступая категорически против муштры по армейскому типу. Таким образом, тон есть, по всей видимости, тонкая настройка единого коллектива-личности на исполнение определённых задач, саморегулирующаяся система реализации внутренних целей своего развития. Воспитательная работа по возвращению личности нового социалистического типа должна, таким образом, «основываться на общей организованности жизни ... на организации здоровой перспективы, ясности, особенно же на внимании к отдельному человеку, к его удачам и неудачам, к его затруднениям, особенностям, стремлениям» [6, с. 289].

Педагог уделяет особое значение системе наказаний. Если в старом обществе, подчёркивает он, наказание напрямую связывалось со страданием физическим, то в новых социалистических коллективистских образованиях страдание физическое должно быть заменено на нравственное. Таким образом, «отправной точкой нашего наказания является целый коллектив ... в более широком – рабочий класс, Советское государство. Наказание есть форма воздействия коллектива либо в виде прямых его решений ... в наказании является важным ... выраженное в этом факте осуждение коллектива; наказание должно воспитывать» [6, с. 290]. Таким образом, наказание нравственное обращено прежде всего к совести провинившейся личности, призывает её к исправлению своей вины перед коллективом, взывает прежде всего к её совести и чувству морально-этического подчинения своих нравственных интересов интересам коллектива.

Портретируя личность руководителя трудового коллектива, Макаренко подчёркивает необходимость ни в коем случае «не снижать своей культурной высоты, а, наоборот, стараться возможно скорее поднять на более высокий уровень других» [6, с. 306]. Личностное, субъектное качество коллектива по отношению к индивидуальным личностям, входящим в его состав, подчёркивается Макаренко со всей понятийной однозначностью. По его мнению, «коллектив является не только объектом, но и субъектом воспитания, так как в этой форме он проходит опыт активной защиты своих интересов» [6, с. 307].

Важным элементом педагогической системы Макаренко является также понятие психологической перспективы, которая в общем и целом должна выражать оптимизм от перспективы успешной реализации будущих (социальных) задач. «В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы» [6, с. 311].

Макаренко утверждает необходимость проведения чёткой линии, связывающей чувство индивидуальной радости с чувством коллективного долга, и именно на этой взаимосвязи выстраивает возможность получения истинной радости от коллективного творчества. Он портретирует личность индивидуальную через подчинённость её личного счастья благу коллективному, находя в этом эстетическую красоту истинного земного кенотического поступка. «Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше» [6, с. 311].

Перспективы воспитательного процесса в целом строятся на базе воспитания перспектив у коллектива, индивидуальной личности – посредством её приобщения к перспективе коллективного роста. Именно в силу данного обстоятельства «воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути. Наша работа в области перспективы заключается ещё и в том, что мы всё время должны воспитывать коллективные линии устремлений, а не только личные. Человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа» [6, с. 311].

Гармонизирование личных и коллективных перспективных линий становится, таким образом, главной воспитательной задачей.

Отношение к социалистическому трудовому коллективу как к расширенной семье, где её члены не просто выполняют свою общественно значимую работу, но и испытывают сильные человеческие эмоции (любимы в коллективе), является отличительной особенностью педагогической системы Макаренко, взятой на вооружение и до сих пор реализуемой на практике детскими учреждениями опеки (детскими домами) России¹.

¹ «Несмотря на то, что каждый воспитанник в учреждении временно, рано или поздно уйдёт из него, будущее учреждения, его более богатая и более культурная жизнь всегда должна стоять перед коллективом как серьёзная и высокая цель, освещающая многие частности сегодняшней жизни. Как показал опыт, ребята вовсе не безразлично относятся к далекому будущему своего учреждения, если в учреждении им хорошо и они его любят» [6, с. 311].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус В.Г. Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб.: Мир, 2007. 432 с.
2. Блонский П.П. Педология. 2-е изд. М.: Юрайт, 2016. 392 с.
3. Залкинд А.Б. Основные вопросы педологии // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М.: Аграф, 2001. С. 19–140.
4. Залкинд А.Б. Половое воспитание юных пионеров // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М.: Аграф, 2001. С. 263–316.
5. Залкинд А.Б. Умственный труд // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М.: Аграф, 2001. С. 317–426.
6. Макаренко А.С. Методика организации воспитательного процесса. Организационное строение коллектива [Электронный ресурс] // Макаренко А.С. Педагогические работы 1922–1936 гг. Т. 1. URL: <https://profilib.net/chtenie/103247/anton-makarenko-tom-1-pedagogicheskie-raboty-1922-1936-lib-85.php> (дата обращения: 31.01.2018).
7. Марциновская Т.Д. Павел Петрович Блонский: от Плотина к Марксу, от философии к психологии // Философия психологии / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 165–200.
8. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. 528 с.
9. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
10. Фараджев К.В. Педология А. Залкинда и миф о преобразовании человека // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М.: Аграф, 2001. С. 5–18.

REFERENCES

1. Belous V.G. *Vol'fila, ili Krizis kul'tury v zerkale obshchestvennogo samosoznaniya* [Vol'fila, or a Crisis of Culture in the Mirror of Public Consciousness]. St. Petersburg, *Mir Publ.*, 2007. 432 p.
2. Blonsky P.P. *Pedologiya* [Pedology]. Moscow, *Yurait Publ.*, 2016. 392 p.
3. Zalkind A.B. [The Main Issues of Pedology]. In: Zalkind A.B. *Pedologiya: utopiya i real'nost'* [Pedology: Utopia and Reality]. Moscow, *Agraf Publ.*, 2001, pp. 19–140.
4. Zalkind A.B. [Sex Education of Young Pioneers]. In: Zalkind A.B. *Pedologiya: utopiya i real'nost'* [Pedology: Utopia and Reality]. Moscow, *Agraf Publ.*, 2001. pp. 263–316.
5. Zalkind A.B. [Mental Labor]. In: Zalkind A.B. *Pedologiya: utopiya i real'nost'* [Pedology: Utopia and Reality]. Moscow, *Agraf Publ.*, 2001, pp. 317–426.
6. Makarenko A.S. [Methods of Organizing the Educational Process. Team's Organizational Structure]. In: Makarenko A.S. *Pedagogicheskie raboty 1922–1936 gg. T. 1.* [Works in Pedagogy 1922–1936. Vol. 1]. Available at: <https://profilib.net/chtenie/103247/anton-makarenko-tom-1-pedagogicheskie-raboty-1922-1936-lib-85.php> (accessed: 31.01.2018).
7. Martsinovskaya T.D. [Pavel Petrovich Blonsky From Plotinus to Marx, from Philosophy to Psychology]. In: Lektosky V.A. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow, *Political Encyclopedia Publ.*, 2016, pp. 165–200.
8. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. *Osnovy teoreticheskoi psikhologii* [The Foundations of Theoretical Psychology]. Moscow, *Infra-M Publ.*, 1998. 528 p.
9. Ukhtomsky A.A. *Dominanta* [The Dominant]. St. Petersburg, *Piter Publ.*, 2002. 448 p.
10. Faradzhev K.V. [The Zalkind and the Myth of Man's Transformation]. In: Zalkind A.B. *Pedologiya: utopiya i real'nost'* [Pedology: Utopia and Reality]. Moscow, *Agraf Publ.*, 2001, pp. 5–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Московского института современного академического образования;
e-mail: jukol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD, associate professor, Department of General Humanitarian Disciplines, Moscow Institute of Contemporary Academic Education;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Философские проблемы личности в советской педагогике 1920–1930-х годов: П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, А.С. Макаренко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 97-107
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-97-107

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu.V. Philosophical Problems of the Person in the Soviet Pedagogics of the 1920s–1930s: P.P. Blonsky, A.B. Zalkind, A.S. Makarenko. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 97-107
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-97-107

УДК – 159.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-108-120

ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ В ИЗУЧЕНИИ ВОЛИ

Смирнова О.Ю.

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена динамике развития понятия воли в философской литературе. В ней даётся детальный систематический анализ представлений о воле, последовательно изложенный согласно основным философско-историческим этапам. Внимательное изучение литературы позволило автору определить специфические особенности понимания категории воли в досократовской философии, классической греческой философии, философии эпохи эллинизма, средневековой философии, философии эпохи Возрождения и эпохи Нового Времени, а также в философии современности.

Ключевые слова: воля, воля в философии, Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время, современность.

BASIC PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL STAGES IN THE STUDY OF VOLITION

O. Smirnova

*National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitkaya st., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the development of the concept of volition in philosophical literature. It provides a detailed systematic analysis of the perception of volition, which is coherently presented according to the main philosophical and historical stages. A thorough study of literary resources has helped the author to identify some specific features of the category of volition in pre-Socratic philosophy, Classical Greek philosophy, Hellenistic philosophy, Medieval philosophy, Renaissance, the Early Modern and contemporary philosophy.

Key words: volition, volition in philosophy, Antiquity, the Middle Ages, Renaissance, the Early Modern era, present-time.

Проблема воли является центральной и фундаментальной, прежде всего в общей психологии и психологии личности. Несмотря на большое количество исследований, посвящённых этой проблеме, она до сих пор остаётся не до конца изученной, наиболее критикуемой и спорной. «В раздумье над судьбой волевой проблемы в истории психологии неизбежно приходишь к заключению, что вряд ли найдётся там ещё другая, в такой же мере несчастная и неудачливая, как данная» [4, с. 17].

Цель настоящей работы – систематизировать философские взгляды на проблему воли и проследить динамику развития этого понятия, начиная с трудов античных философов вплоть до XXI в. Данная цель предусматривает решение следующих задач:

1. Описать представления о воле в период досократиков.
2. Выявить особенности понимания воли в период классической греческой философии и в эпоху эллинизма.
3. Определить суть представлений о воле в период Средневековья.
4. Выявить особенности понимания воли в период Возрождения.
5. Определить сущность представлений о воле в эпоху Нового времени.
6. Обозначить основные направления в области изучения воли в современной философии.

Следует отметить, что в античной досократовской философии понятия “воля” как такового, известного нам в рамках психологических учений, не существовало. Это можно объяснить тем, что в ранней античности философы стремились к познанию сути вещей, изучая природу и предпринимая попытки вывести какое-либо первоначало всего в мире, которое представляет собой основную движущую силу бытия, жизни в целом. Действия и поступки людей были детерминированы чем-то свыше: природными стихиями, богами, Единым Богом, апейроном, атомом, Умом, Любовью и Враждой.

Понятие воли выделяется в классической греческой философии, когда философов начинает интересовать вопрос познания самого человека в его бытии, а не абстрактные рассуждения на тему природы. Они размышляют о

материальном и идеальном мирах, истине, разуме, душе. Сократ считал, что разум и его законы объективны и истинны, существуют они независимо от человека. Воля, по Сократу, сродни вектору направления летящей стрелы [28]. Такое сравнение подразумевает неизбежность свершения того, что неминуемо, «стреле всё равно суждено сорваться с тетивы, но воля позволяет ей это сделать лишь тогда, когда верно выбрана цель» [29, с. 75].

Для Платона чувственное восприятие ограничено и иллюзорно, в то время как разум познаёт объективную истину, содержащуюся в мире идей, который вечен, божественен. Противоположным миру идей выступает мир вещей, который конституирует всё то, что является чувственно воспринимаемым и по этой причине изменчивым, тленным. Душа имеет три начала: яростное (воля), разумное (разум), вожделеющее (ощущения, чувства) [20]. Какую сторону примет яростное начало, таков и будет в целом человек: либо ставящим истину превыше всего прочего, либо слабым и поддающимся силе удовольствий и чувственных желаний. Таким образом, Платон предлагает типологию человека – волевого, разумного, чувствующего. Истинно волевым человеком оказывается тот, у кого разум превагирует над чувствами и желаниями [30].

Согласно Аристотелю, истинно существует чувственный материальный мир, посредством мышления постигается истинность бытия. Знания можно приобрести только через разум, логику, мышление. Душа есть совершенная форма (энтелехия) [20]. Души бывают трёх видов: растительные, животные и разумные. Воля возникает только в

душе разумной, которая свойственна человеку. Человек может не иметь воли, это происходит тогда, когда им управляют только страсти и желания, которые существуют в душе неразумной. Стремление имеет две формы: размышление и желание. При этом движение человека может осуществляться двумя путями: когда стремление согласовано с умом, с размышлением, тогда речь будет идти о воле, либо когда человеком движет стремление, которое находится в оппозиции с размышлением, тогда следует говорить о стремлении как о желании, и в данном случае воля будет отсутствовать [2]. В. Г. Иванников отмечает, что в европейской культуре именно Аристотелем было предложено понятие воли [14]. Ричард Сорабджи, британский профессор, историк, специализирующийся в области античной западной философии, отмечает, что Аристотель дал сильный импульс развитию идей о воле как желании, отличном от причины, но в не меньшей степени относящемся к причине как рациональной составляющей [44].

В философии эпохи эллинизма воля трактуется иначе. Сенсуалист Эпикур напрямую не говорит о воле, но имплицитно касается проблемы воли, описывая настоящего эпикурейского мудреца как полного страстей, различных соблазнов, свойственных любому человеку, но имеющего некую силу противостоять этим сиюминутным наслаждениям, способного побеждать их [20]. По мнению Е.П. Ильина, Эпикур был первым философом-мудрецом, затронувшим вопрос о спонтанном, индетерминированном, ничем не обусловленном выборе человеческого поведения [15].

Согласно стоикам, миром управляет Пневма – некий божественный дух, обладающий всеобщим разумом, который движет всем сущим. Таким образом, человеческой свободой воли не существует в принципе, ведь всё раз и навсегда предопределено этим всемогущим божественным началом. Но, с другой стороны, стоики считали, что свобода воли проявляется в том, чтобы подчиниться воле Божественного, не бороться и противиться ей, а открыться и подчиниться. Для скептиков единственно несомненным выступает явление, всё остальное – любые суждения об этом явлении – ложны. Цель скептицизма – воздержание от любых суждений. В результате проблема воли в скептицизме никоим образом не стояла, ведь для того чтобы обозначить эту проблему, её для начала нужно было как-то назвать, сформировав какое бы то ни было суждение об этом понятии [20].

Итак, философия эпохи эллинизма характеризуется несвойственной для античной эпохи ориентацией индивида на самого себя и на мир. Свобода воли в этот период проявляется в том, что человек не неизбежно следует за своей судьбой, а опирается на своё собственное видение мира, пытается самостоятельно найти ответы на вопросы бытийного характера, именно в таком его поведении можно увидеть свободу воли. Как справедливо отмечает В.И. Овдиенко, человек как независимая личность принимает решение относительно своего способа реагирования на возникающие события [28].

Для подавляющего большинства средневековых философов воля человека не существовала. Вместе с тем нельзя не отметить таких представи-

телей этого периода, как Тертуллиан и Аврелий Августин, которые отмечали, что человек, в сущности своей наделенный Божественными характеристиками, тем не менее в поступках в целом, в своём поведении имеет выбор, и выбор этот он совершает в пользу либо добра, либо зла, что свидетельствует о свободе его воли. По мнению Аврелия Августина, «воля, отверженная (примыкающая) общему и неизменному благу, добивается первых и великих человеческих благ, хотя сама является благом средним. Но воля, отворачившись от неизменного и общего блага и повернувшись к собственному благу, внешнему или низшему, грешит» [38]. Таким образом, на первый план выходит критерий соотношения воли с неизменным благом: либо отверженность последнему, либо отречение от него характеризует саму волю. В числе первых мыслителей Августин утвердил принцип воли, согласно ему «воля управляет действиями души и тела, побуждает душу к самопознанию, строит из телесных впечатков вещей их образы, извлекает из души заложенные в ней идеи» [31, с. 62], т. е. выполняет все психические функции, являясь главенствующей в своём роде. Интересен взгляд зарубежного исследователя Н.У. Гилберта, считающего, что Августин внёс в философскую науку концепт воли не в общем её понимании, а как «злой воли», тем самым разграничивая добрую и злую волю. Причём, по мнению этого учёного, то, что Августин именуется доброй волей, близко по значению концепту оправданного желания у стоиков [43].

Проблема воли, имеющей самостоятельное существование, не ставилась в период Средневековья. Всё,

чем определялся выбор человека, обуславливалась вера в могущество Божьей воли, «основанием предопределения к спасению, равно как и осуждения, является Божье милосердие; основанием избрания – Божественная воля. Поэтому всё, что связано с предопределением – благодать, заслуги, слава, жизнь вечная – целиком являются дарами Бога» [17, с. 20].

Тем не менее, по нашему мнению, элементы волевого стремления кроются в выборе человеком своей отверженности тому или иному взгляду на природу вещей, в выборе способа проживания собственной жизни. Так, одни люди предпочитают всецело предаться вере, выбирают лишь один способ проживания своей жизни – пассивное согласие с тем, о чём говорится в Священном Писании, другие – прикладывают значительные усилия для того, чтобы как можно ближе подобраться к истине, которая в период Средневековья имела очень высокую цену, тем самым отрекаясь от идеи предопределённости всего, что происходит в мире, и признавая разум первостепенным. Последний вариант такого выбора заключает в себе волевой момент как проявление некоего разума. Р.Н. Нигматулин, исследующий в своей диссертационной работе проблему соотношения судьбы и свободы воли, пишет о том, что в трудах мыслителей Средневековья судьба выступает в русле проблематики категорий воли и веры [27], что свидетельствует о тонкой взаимосвязи категорий судьба – воля – вера в Средневековую эпоху.

В этой статье мы вслед за А.А. Кукуцаузен опираемся на концепцию развития гуманитарной мысли, согласно которой хронологические рамки эпохи

Возрождения сводятся к периоду второй половины XIV – первой половине XVI вв. [19]. Анализ философской литературы эпохи Возрождения показал, что в этот период вместо онтологической тематики на первый план выдвигается тематика этическая.

Франческо Петрарка затрагивает тему воли, моральный её аспект, гласящий, что в основе счастья человека, также как и несчастья, лежит свободная воля самого человека [36]. Лоренцо Валла считает душу единой, обладающей тремя способностями: памятью, разумом и волей. Воля у него существует независимо от разума, с ней связаны аффекты и желания, наслаждения и страдания, в сфере воли и аффектов расположена добродетель. Добродетель проявляет себя в воле, поэтому она именуется “доброй волей” или “любовью к благу” [7, с. 57].

Джованни Пико дела Мирандола видел мир иерархизированным, включающим в себя три уровня: ангельский, небесный, элементарный. Человек не относится ни к одному из этих уровней, поскольку обладает свободой воли, он одновременно понижает своим существованием все миры и, т. к. является свободным, может сам выбирать для себя любой из уровней [20]. Согласно Пико дела Мирандоле, различным видам познания (чувству, разуму, интеллекту) соответствуют различные виды желания (стремление, выбор, воля) [37]. Разные виды познания присущи разным сущностям: стремление – животным, выбор – людям, воля – ангелам. Иными словами, Пико присваивал человеческой воле отдельное место, награждая её свободой. С.В. Перевезенцев справедливо подчёркивает тот факт,

что Джованни Пико дела Мирандола затрагивает фундаментальный тезис гуманитарной философии – «судьба человека находится в руках самого человека, ибо он облечен свободой воли» [1, с. 268].

Никколо Макиавелли утверждал, что главное в человеке – это воля, способность совершить действие, так как человек по своей сути обладает двумя наиболее ёмкими характеристиками. Во-первых, человек – существо эгоистическое, отсюда следует то утверждение, что «интерес — это самый могущественный и чуть ли не единственный стимул человеческой деятельности» [1]. Во-вторых, человек по своей природе свободен, он волен поступать так, как считает нужным. Судьбу человека автор трактует в категории фортуны, а не фатума, причём судьба-фортуна лишь частично определяет человеческую жизнь, так, какая-то часть наших поступков принадлежит фортуне, остальная часть находится во власти нас самих [18].

Таким образом, эпоха Возрождения утвердила исключительный статус человеческой воли, суверенный статус человека, его свободу воли и свободу выбора, что вполне естественно объясняется социально-экономическими, политическими и прочими изменениями в мире во второй половине XIV – первой половине XVI вв.

Взгляды на волю у представителей Нового времени чрезвычайно разнообразны и противоречивы. Различные трактовки понимания воли в этот период представлены в таблице: 1

Таблица 1

Трактовка воли основными представителями Нового Времени

Представитель эпохи Нового времени	Философская ориентация	Трактовка воли
Фрэнсис Бэкон (1561–1626)	Основоположник эмпиризма	Воля выступает как способность души, наряду с такими же способностями, как разум, воображение, память, влечение, аффекты [25].
Рене Декарт (1596–1650)	Основоположник рационализма	Воля противопоставлена разуму, она иррациональна. Выполняет познавательную функцию, является свойством души, «душа, обладая мышлением и волей, воздействует на тело» [41, с. 44].
Томас Гоббс (1588–1679)	Представитель эмпиризма, сенсуалист	Свободы воли нет, т. к. действия и поступки человека детерминированы внешними причинами, они всегда необходимы. И эта необходимость и делает человека свободным. Воля – это производная от стремления и отвращения [25].
Бenedикт Спиноза (1632–1677)	Рационалист	Воля складывается из отдельных желаний, обусловленных конкретными причинами. Она тождественна разуму. Так как свободная воля – это мираж, иллюзия, фикция, она вызывает у человека заблуждения, толкая его на то, чтобы он переступал границы разумного, истинного, не поддающегося сомнению [34].
Джон Локк (1632–1704)	Представитель эмпиризма	Воля – это сила (возможность), состоящая в акте предпочтения или акте выбора [22], она «никогда не выходит из повиновения велениям разума» [23, с. 202].
Артур Шопенгауэр (1788–1860)	Представитель иррационализма	Воля – это «космическая сила, слепое и бессознательное первоначало» [31, с. 62]. Она есть «вещь-в-себе», «нечто первое и основное ... изначальное и независимое», она есть человеческое тело, только в его объективированной форме [39, с. 251]. Зарубежные исследователи Николетта де Исна и Марко Сегала утверждают, что Шопенгауэр под волей понимал волю в самой себе, свободную от своей репрезентации [42].
Иоганн Фридрих Герbart (1776–1841)	Философ-идеалист, педагог	«Воля есть желание с предположением достижения желаемого» [11, с. 263]. Воля есть не что-то раз и навсегда фиксированное, это процессуальная составляющая: при столкновении человека с разнообразными испытаниями, лишениями и отречениями воля имеет свойство усиления. Она «имеет свою фантазию и свою память», и она тем решительнее, чем более обладает последними [11, с. 264].
Теодюль Арман Рибо (1839–1916)	Родоначальник опытного направления	Проводит параллели между волей и творческим воображением: «воображение в области интеллекта эквивалентно воле в области движения» [32, с. 139]. Понимает волю с позиции индивидуальности каждого человека.

Окончание таблицы 1

Представитель эпохи Нового времени	Философская ориентация	Трактовка воли
Михаил Иванович Владиславлев (1840–1890)	Философ, психолог, логик	Воля есть «сила, управляющая течением всех психических процессов» [9, с. 531].
Фридрих Ницше (1844–1900)	Иррационалист	Волю трактует через категорию «воля к власти», сущность которой заключается в «её стремлении к мощи, к утверждению жизни» [16, с. 492].
Грот Николай Яковлевич (1852–1899)	Один из основателей российской экспериментальной психологии	Прослеживает тесную взаимосвязь между волей и чувством. Главная цель воли – достижение удовлетворения, и достигает она его посредством чувств [12].
Эдуард фон Гартман (1842–906)	Мистический идеалист	Воля тесно связана с представлением и не существует без него. «Воля есть стремление к переходу из состояния, выражаемого представлением насущной реальности, в состояние, выражаемое представлением реальности» [10, с. 88].

Несмотря на многообразие взглядов на волю у представителей Нового времени, очевидно, что воля в этот период имеет особый статус, выделяется как некое самостоятельное начало. Прослеживается связь воли и сознания, воля трактуется в связи с сознанием, со способностями, стремлениями, представлениями, чувствами человека. С одной стороны, провозглашается эмпирическое познание бытия, с другой – рационалистское. Кроме этого, отдельные представители этого времени утверждают иррациональное начало воли, ее связь с Космосом, с неизведанным и неподтвержденным.

Если говорить о современных тенденциях в понимании воли, на наш взгляд, можно выделить 3 основных направления философских исследований:

1. Уже сложившееся направление в изучении воли в русле свободы воли: морально-этический аспект «свободы воли» [24], различные векторы проявления свободы воли и их связь с ценностями человека и его этнопсихоло-

гической принадлежностью [13] и т. д.

2. Выделение и анализ таких разновидностей человеческой воли, как воля социальная [33], воля нравственная [3], воля художественная [8] и т. д. и проявление таких специфических видов воли в обществе и культуре.

3. Появление качественно нового понимания воли и её характеристик, возникающих как ответ на сложившийся этап развития общественной системы и научной мысли. А.Н. Яныкина вводит в научный оборот понятие «воля к гуманизму», отражающее, по её мнению, «глубинную потребность человека преодолеть “культурный надлом”, не опуститься до стадии “недочеловека”» [40, с. 17]. Т.П. Берсенева рассматривает связь свободы воли и Божественной Благодати с позиции синергии [5]. М.Б. Менский, на наш взгляд, открывает неизведанные перспективы изучения свободы воли, объясняя свободу воли и изменённые состояния сознания посредством специфики восприятия реальности в квантовой механике [26]. Отдельного

внимания заслуживает работа В.Г. Буданова, предлагающего, по нашему мнению, беспрецедентную стратегию выявления семи тел человека: материального, энергетического, рефлекторно-эмоционального, тела логики, интуитивного, тела когерентности и тела воли [6]. Последнее, тело воли, представляет особый интерес, поскольку выводит понимание воли на совершенно иной уровень, на “волю особого порядка”. Появление научных работ подобного рода и понимание воли такого уровня, по всей видимости, возникают как закономерное следствие вступившего в силу постнеклассического идеала научной рациональности [35; 21] с присущими ему особенностями и объяснительными категориями.

Таким образом, обзор философской литературы показал, что идея воли зародилась в период досократиков и прошла долгий путь развития. Будучи не вычлененной из абстрактного многообразия других понятий в ранний период, в классической греческой философии воля начинает рассматриваться отдельно как форма разумной души,

способной сдерживать стихийные желания и страсти. В период эллинизма свобода воли соотносится с автономной сущностью человека, обладающего свободой выбора. Средневековые философы судьбу человека связывали с Божественной волей. В эпоху Возрождения на первый план выступает морально-этическая составляющая воли, провозглашается свобода воли, свобода выбора, человек выступает творцом собственной судьбы. В Новое время воля рассматривается через категорию “сознание” наряду с различными психическими составляющими и определяется через способности, стремления, чувства, желания. Философы XXI в., с одной стороны, продолжают изучать свободу воли, а с другой, обосновывают существование специфических видов воли, таких как социальная, художественная, нравственная и др., и исследуют их социокультурные проявления, а также предлагают совершенно новое понимание воли в рамках постнеклассического идеала научной рациональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 448 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. О душе. М.: Мысль, 1976. 550 с.
3. Бадретдинова Г.З. Нравственная воля современной молодежи: противоречия в движении культуры // Вестник Башкирского государственного университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1561–1564.
4. Басов М.Я. О самобытности и сравнительном значении волевого элемента в душевной жизни человека // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипноза. 1917. № 3–4. С. 17–34.
5. Берсенева Т.П. Синергия, Божественные энергии и свободная воля // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 123–125.
6. Буданов В.Г. Квантово-синергетический подход в антропосфере // CREDO NEW. 2014. № 4 (80). С. 52–67.
7. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989. 476 с.

8. Веселова С.Б., Огарков А.Н. Художественная воля и власть в европейской культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 40–43.
9. Владиславлев М.И. Психология. Исследования основных явлений душевной жизни. Т. 2. СПб.: СПб. университет, 1881. 564 с.
10. Гартман Э. фон. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: бессознательное в явлениях телесной и духовной жизни / пер. с нем.; предисл. и введ. А.А. Козлова. 2-е изд., испр. М.: КРАСАНД, 2010. 322 с.
11. Гербарт И.Ф. Психология / предисл. В. Куренного. М.: Территория будущего, 2007. 288 с.
12. Грот Н.Я. Основание нравственного долга // Вопросы философии и психологии. М., 1892. Год 3. Кн. 15. С. 146–164.
13. Зимичев А.М., Забарин А.В. Свобода воли как этнопсихологическое основание ценностных ориентаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2011. Вып. 1. С. 290–295.
14. Иванников В.А. Уроки исследований воли // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 59–63.
15. Ильин Е.П. Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 368 с.
16. История философии: учеб. для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. М.: Академический Проект, 2005. 680 с.
17. Карпов К.В. Проблема предопределения и свободы воли в культуре позднего средневековья (концепция Григория из Римини): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 30 с.
18. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь. М.: АСТ, 2010. 479 с.
19. Куксаузен А.А. Античные концепции судьбы в культуре итальянского Возрождения: дис. ... канд. культурол. наук. Саратов, 2006. 218 с.
20. Лега В.П. История западной философии. Ч. 1. Античность. Средневековье. Возрождение: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Издательство ПСТГУ, 2009. 452 с.
21. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2001. 428 с.
22. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / под ред. М.Б. Митина и др. М.: Мысль, 1985. 621 с.
23. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 2 / под ред. М.Б. Митин и др. М.: Мысль, 1985. 560 с.
24. Максимов Л.В. Концепт «Свобода воли» в этике // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 2. С. 5–19.
25. Марцинковская Т.Д. История психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / 4-е изд. М.: Академия, 2004. 544 с.
26. Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и свобода воли // Философия науки. Т. 14: № 1. С. 53–63.
27. Нигматулин Р.Н. Философский анализ онтологических аспектов судьбы и свободы воли: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2000. 145 с.
28. Овдиенко В.И. Проблема свободы воли в античной философии: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2006. 171 с.
29. Пережогин Л.О. Иллюзия свободы воли и идентичность // Независимый психиатрический журнал. 1999. № 1. С. 75–78.
30. Платон. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. 687 с.
31. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
32. Рибо Т. Болезни личности. Опыт исследования. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. 400 с.

33. Самойлов И.Д. Онто-гносеологические аспекты социальной воли // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). С. 19–21.
34. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 631 с.
35. Степин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект: Альма Ма-тер, 2015. 716 с.
36. Томашевский Н. Петрарка и его «Книга песен» // Петрарка Ф. Лирика. М.: Наука, 1980. С. 5–16.
37. Шестаков В.П. Эстетика Ренессанса: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. 496 с.
38. Шнейдер В. Свт. Августин Аврелий. О свободе воли (Предисловие) [Электронный ресурс] // Русский православный приход Покрова Пресвятой Богородицы в Граце: [сайт]. URL: http://www.prihod.rugraz.net/assets/pdf/Avgustin_Avreljij-O_svobode_voli.pdf (дата обращения: 31.01.2018).
39. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда; под общ. ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. 496 с.
40. Яныкина А.Н. «Воля к гуманизму» как интенция субъектности человека в постне-классической культуре // Вестник Казанского государственного университета куль-туры и искусств. 2014. № 4–1. С. 16–19.
41. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в.: учеб. посо-бие. М.: Академия, 1996. 416 с.
42. De Cian N., Segala M. “What is will?” // Schopenhauer–Jahrbuch. 2002. No. 83. P. 13–42.
43. Gilbert N.W. The Concept of Will in Early Latin Philosophy // Journal of the History of Philosophy. 1963. Vol. 1. No. 1. P. 17–35.
44. Sorabji R. Emotion and Peace of Mind: From Stoic Agitation to Christian Temptation. Oxford: Oxford University Press, 2003. 512 p.

REFERENCES

1. Perevezentsev S.V., comp. *Antologiya filosofii Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya* [Anthology of Philosophy of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001. 448 p.
2. Aristotle. *Sochineniya. T. 1. O dushe* [Works. Vol. 1. On the Soul]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 550 p.
3. Badretdinova G.Z. [The Moral Will of Modern Youth: the Contradictions in the Movement of Culture]. In: *Vestnik BashGU* [Bulletin of BashSU], 2014, vol. 19, no. 4, pp. 1561–1564.
4. Basov M.Ya. [On the Identity and Comparative Importance of Volitional Element in Human Spiritual Life]. In: *Vestnik psikhologii, kriminal'noy antropologii i gipnoza* [Herald of Psychology, Criminal Anthropology and Hypnosis], 1917, no. 3–4, pp. 17–34.
5. Berseneva T.P. [Synergy, Divine Energy and Free Will]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2012, no. 5 (112), pp. 123–125.
6. Budanov V.G. [Quantum Synergetic Approach in Anthroposphere]. In: *CREDO NEW*, 2014, no. 4 (80), pp. 52–67.
7. Valla L. *Ob istinnom i lozhnom blage. O svobode voli* [On True and False Good. The Freedom of Will]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 476 p.
8. Veselova S.B., Ogarkov A.N. [Artistic Liberty and Power in the European Culture]. In: *Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2017, no. 1, pp. 40–43.

9. Vladislavlev M.I. *Psikhologiya. Issledovaniya osnovnykh yavlenii dushevnoi zhizni. T. 2.* [Psychology. The Studies of the Main Phenomena of Mental Life. Vol. 2.] St. Petersburg, St. Petersburg University Publ, 1881. 564 p.
10. Hartmann E. von *Sushchnost' mirovogo protsessa, ili Filosofiya besoznatel'nogo: besoznatel'noe v yavleniyakh telesnoi i dukhovnoi zhizni* [The Essence of the World Process, or the Philosophy of the Unconscious: the Unconscious in Bodily and Spiritual Life]. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 322 p.
11. Herbart J.F. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, Territory of the Future Publ., 2007. 288 p.
12. Grot N.Ya. [The Basis of Moral Duty]. In: *Voprosy filosofii i psikhologii* [The Issues of Philosophy and Psychology. Vol. 15]. Moscow, 1892, pp. 146–164.
13. Zimichev A.M., Zabarin A.V. [Free Will as Ethnopsychological Basis of Value Orientations]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12], 2011, no. 1, pp. 290–295.
14. Ivannikov V.A. [The Lessons of Will Research]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, no. 3 (23), pp. 59–63.
15. Ilyin E.P. *Psikhologiya voli* [Psychology of Will]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 368 p.
16. Vasil'ev V.V., Krotov A.A., Buguy D.V., eds. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005. 680 p.
17. Karpov K.V. *Problema predopredeleniya i svobody voli v kul'ture pozdnego srednevekov'ya (kontseptsiya Grigoriya iz Rimini): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Problem of Predetermination and Free Will in Late Medieval Culture (Gregory of Rimini's Concept): PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2010. 30 p.
18. Kirilenko G.G., Shevtsov E.V. *Kratkii filosofskii slovar'* [Short Philosophical Dictionary]. Moscow, AST Publ., 2010. 479 p.
19. Kuksgauzen A.A. *Antichnye kontseptsii sud'by v kul'ture ital'yanskogo Vozrozhdeniya: dis. ... kand. kul'turolog. nauk* [The Ancient Concept of Fate in the Culture of Italian Renaissance: PhD Thesis In Cultural Studies]. Saratov, 2006. 218 p.
20. Lega V.P. *Istoriya zapadnoi filosofii. Ch. I. Antichnost'. Srednevekov'e. Vozrozhdenie* [The History of Western Philosophy. Part I. Antiquity. The Middle Ages. The Renaissance]. Moscow, PSTHU Publ., 2009. 452 p.
21. Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki: traditsii i novatsii* [Philosophy of Science: Traditions and Innovations]. Moscow, PRIOR Publ., 2001. 428 p.
22. Locke J. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 621 p.
23. Locke J. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 560 p.
24. Maksimov L.V. [The Concept of "Free Will" in Ethics]. In: *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2015, vol. 15, no. 2, pp. 5–19.
25. Martsinkovskaya T.D. *Istoriya psikhologii* [The History of Psychology]. Moscow, Academia Publ., 2004. 544 p.
26. Mensky M.B. [Quantum Mechanics, Consciousness and Free Will]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], vol. 14, no. 1, pp. 53–63.
27. Nigmatulin R.N. *Filosofskii analiz ontologicheskikh aspektov sud'by i svobody voli: dis. ... kand. filos. nauk* [Philosophical Analysis of the Ontological Aspects of Fate and Free Will: PhD Thesis in Philosophical Science]. Magnitogorsk, 2000. 145 p.
28. Ovdienko V.I. *Problema svobody voli v antichnoi filosofii: dis. ... kand. filos. nauk* [The Problem of Free Will in Ancient Philosophy: PhD Thesis in Philosophical Science]. Krasnodar, 2006. 171 p.
29. Perezhogin L.O. [The Illusion of Free Will and Identity]. In: *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal* [Independent Psychiatric Journal], 1999, no. 1, pp. 75–78.

30. Plato. *Sobranie sochinenii. T. 3. Ch. 1* [Plato. Collected Works. Vol. 3. Part 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1971. 687 p.
31. Petrovskii A.V., M.G. Yaroshevskii M.G., eds. *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow, *Politizdat* Publ., 1990. 494 p.
32. Ribo T. *Bolezni lichnosti. Opyt issledovaniya* [Diseases of the Individual. Research Experience]. Minsk, *Harvest Publ.*, Moscow, *AST Publ.*, 2001. 400 p.
33. Samoilov I.D. [Onto-Epistemological Aspects of Social Will]. In: *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 1 (397), pp. 19–21.
34. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1* [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1957. 631 p.
35. Stepin V.S. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Academic Project Publ., *Alma Mater* Publ., 2015. 716 p.
36. Tomashevsky N. *Petrarka i ego "Kniga pesen"* [Petrarch and his "Book of Songs"]. In: Petrarka F. *Lirika* [Lyrics]. Moscow, *Nauka* Publ., 1980. pp. 5–16.
37. Shestakov V.P. *Estetika Renessansat. T. 1* [The Aesthetics of the Renaissance. Vol. 1]. Moscow, *Art* Publ., 1981. 496 p.
38. Shneider V. [St. Augustine Aurelius. The Freedom of Will (Introduction)]. In: *Russkii pravoslavnyi prihod Pokrova Presvyatoi Bogoroditsy v Gratse* [Russian Orthodox Parish of the Holy Virgin in Graz]. Available at: http://www.prihod.rugraz.net/assets/pdf/Avgustin_Avreljij-O_svoode_voli.pdf (accessed: 31.01.2018).
39. Schopenhauer A. *Sobranie sochinenii. T. 1: Mir kak volya i predstavlenie* [Collected Works. Vol. 1: The World as Will and Representation]. Moscow, *TERRA – Book Club* Publ., Republic Publ., 1999. 496 p.
40. Yanykina A.N. ["Freedom for Humanity" as Intention of Personal Subjectivity in Post-Non-Classical Culture]. In: *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2014, no. 4–1, pp. 16–19.
41. Yaroshevskiy M.G. *Istoriya psikhologii ot antichnosti do serediny XX v.* [History of Psychology from Antiquity to the Mid-20th Century]. Moscow, *Academia* Publ., 1996. 416 p.
42. De Cian N., Segala M. "What is Will?". In: *Schopenhauer-Jahrbuch*, 2002, no. 83, pp. 13–42.
43. Gilbert N.W. The Concept of Will in Early Latin Philosophy. In: *Journal of the History of Philosophy*, 1963, vol. 1, no. 1, pp. 17–35.
44. Sorabji R. *Emotion and Peace of Mind: From Stoic Agitation to Christian Temptation*. Oxford, Oxford University Press, 2003. 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Ольга Юрьевна – аспирант кафедры организационной психологии Национального исследовательского университета Высшей школы экономики;
e-mail: o.smirnovau@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Yu. Smirnova – postgraduate student at the Department of Organizational Psychology, National Research University "Higher School of Economics";
e-mail: o.smirnovau@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смирнова О.Ю. Основные философско-исторические этапы в изучении воли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 108-120
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-108-120

FOR CITATION

Smirnova O.Yu. Basic Philosophical and Historical Stages in the Study of Volition. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 108-120
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-108-120

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-121-130

ПЛАТОНИЗМ У Г.Г. ШПЕТА И О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ ФИЛОСОФИИ (К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА СТАТЬИ «МУДРОСТЬ ИЛИ РАЗУМ?»)

Шевцов А.В.*Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу работы отечественного философа Густава Шпета «Мудрость или разум?» (1917), в которой исследовался актуальный вопрос о сущности философии и её отношении к проблемам науки. Тема рассматривается через призму логики и философской диалектики, платонизма. Раскрываются взгляды русского философа на сущность философии и место в ней логики как усмотрения и выявления значения самоочевидных истин для последующего строительства логик. Показывается понимание Г.Г. Шпетом сущности философии как строго проведённой интерпретации по канонам логики. Доказывается мысль об оригинальном видении Шпетом идеи философии как поиска истины и о правомерности его концепции в истории отечественной философии и истории логики. Автор приходит к выводу, что симпатии отечественного мыслителя были на стороне критического рационализма, положительной философии, которая, по его убеждению, ближе стояла к своему подлинному идеалу чистой философии.

Ключевые слова. Г.Г. Шпет, платонизм, сущность философии, логика, эйдос, эйдетическое познание, феноменология.

G.G. SHPET'S PLATONISM AND ON THE ESSENCE AND TASKS OF PHILOSOPHY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION OF THE ARTICLE "WISDOM OR REASON?")

A. Shevtsov*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe highway, Moscow, 125080, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work of the Russian philosopher Gustav Shpet "Wisdom or Reason?" (1917) which investigated the issue of the essence of philosophy and its relation to scientific problems. The theme is examined through the prism of logic and philosophical dialectics of Platonism. The views of the Russian philosopher are revealed on the essence of philosophy and the place of logic in it. Logic was understood by Shpet as a means of revealing the sense of self-evident truths for subsequent construction of logics. G.G. Shpet considered the essence of philosophy as a strictly conducted interpretation according to the canons of logic. The author of the article highlights the idea of Shpet's original vision of philosophy as a search for truth and validity and highly estimates the thinker's contribution to the history of Russian philosophy

and the history of logic. It is concluded that Shpet sympathized with critical rationalism, a positive philosophy that he believed was closer to the true ideal of pure philosophy.

Key words: Gustav Shpet, Plato, Michail I. Karinsky, the essence of philosophy, logic, eidos, eidetic cognition, phenomenology.

Написанная в январе 1917 г. отечественным философом и учёным Густавом Густавовичем Шпетом (1879–1937) статья под полемическим названием «Мудрость или разум?» первоначально задумывалась им как более обширное сочинение «Введение в философию». Главным тезисом философии как европейской науки, по Шпету, было и есть то, что философия есть чистое знание. Она не есть сказка и мудрость, хотя фанатизм Востока силой и угрозой преграждал ей этот путь [15, с. 463]. Поэтому следует, как подчёркивал Г.Г. Шпет, «тщательно различать между философией как чистым знанием и научной философией» [15, с. 458]. Шпет обращал внимание на то, что если мы говорим о научной философии, то в этом случае либо она бесцельно удваивает научные решения вопросов, либо она выходит за границы отдельных наук и берётся решать научными средствами вопросы, которые научному решению не подлежат [15, с. 458]. В последнем случае философия берёт за образец какую-либо специальную науку и тотчас же выходит за её границы. Поэтому она становится метафизикой, псевдофилософией, заключал Г.Г. Шпет. Отсюда возникает многочисленность направлений научной философии, что лишает её единства оснований. Но только в единственном случае, когда философия выступает как чистое знание, она не противопоставляет себя другим наукам, потому что она сама является наукой.

История и история философии имеет дело со словесной реальностью, «с которой можно работать гуманитарно-научными средствами», как подчеркнула Т.Г. Щедрина мнение Шпета в его переписке с Гуссерлем [2, с. 52]. Поэтому в этом процессе осмысления истории философии на первый план выходит интерпретация как попытка понять логику исторических причин написания текста, затем философская реконструкция мысли автора имеет ценность, только если придерживаться строгой методологии. И в этом вопросе Шпет выстраивал именно такую методологию [9, с. 125]. Здесь показывается, что Г.Г. Шпет рассматривал построение такой методологии в философии только на основе возникновения логики, тенденции, которую он прослеживал, начиная с античной философии.

По определению Платона, писал Шпет, Парменид был первым европейским философом. Именно Парменид Платона [8] ясно проводил различие между философией как чистым знанием и псевдофилософией как сказкой, мифом, «мнением», поскольку они претендуют на философский титул [15, с. 463]. И именно Платон, по Шпету, как гений положительной европейской философии был первым интерпретатором Парменида. Платон углублял, укреплял и развивал начала, заложенные Парменидом, и тем самым ещё определеннее отмежевывал философию как знание от псевдофилософии [15, с. 467]. Шпет подчёркивал

важность для философии как чистой науки выбора Платона между мнением и знанием. Для того чтобы избежать упреков в псевдофилософии, настаивал Шпет, что именно учение об идеях у Платона нуждалось в особом разъяснении и углублении, «так как именно оно дало повод к многочисленным искажениям псевдофилософского характера: идеи как “реальности”, идеи как “законы” и “методы” и ... наконец, по наименее удачному остроумию восточности, идеи как “мысли Бога”, – всё это – соблазны, но никак не углубления» [15, с. 470]. Точно также это имеет место в случае сопоставления философии и математики, мол, сравните точность в математике, но где точность в философии? Сравнение здесь можно провести в плоскости достигнутых успехов и в плоскости особенностей предмета точной математики и точной философии. Шпет устанавливал здесь, что результаты математики всё-таки отвлечённые, она абстрагируется от живого опыта, от факта, что всё дано нам дано через сознание. Но вместе с тем отвлечённость от сознания в осознании одновременно есть и отвлечённость от содержания. И поэтому отсюда он вынес резюме, что математика существенно онтологична (т. к. она граничит с реальными вещами и задачами). Это совпадало с мыслью Платона, по Шпету, что «рассудок, способность геометров, между мнением и умом, – математика имеет дело с предметной сущностью, но ещё не с мыслью, направленной на этот предмет, как такой» [15, с. 471]. Напротив, философия должна всегда оставаться конкретной, философия существенно принципиальна, а не онтологична, но сходство математики и философии в

том, что они обе имеют дело с сущностью, а не с фактом – они обе науки, а их знание, настаивал Г.Г. Шпет, – *усилогическое* или *эйдетическое*. Но если философия поддаётся увлечениям математической точности, то становится онтологической и абстрактной. И поэтому проигрывает в этом подражании математике, но вместе с тем одновременно философия как знание – сама будет точной и конкретной. Но русский мыслитель говорит, что их точность не одно и то же. «Речь идёт, очевидно, о логических приёмах того и другого типа знания, но в то время как в математике мы встречаемся с приёмами определения, доказательства, дедукции и т. п., в философии мы требуем точности указания, описания, уяснения, приведения к первичной данности. Математика по существу дискурсивна, философия – интерпретативна» [15, с. 472]. Точность в философии состоит в её приближении к логическому идеалу. Но сравнивать степень точности диалектически-философской и демонстративно-математической, писал Шпет, имеет не больше смысла, чем сравнивать ценность посылки силлогизма с ценностью полевой посылки.

Далее Густав Шпет критикует позицию Бертрана Рассела, автора «Принципов математики», опираясь при этом на Луи Кутюра, французского математика, занимавшего в своё время несколько другую позицию по основаниям математики. Отечественный учёный здесь заключал, что математическая точность должна рассеяться, и обнаруживал некоторые черты сходства между философией и математикой. Так, Рассел обнаружил, что в новейшей математике пришли к от-

крытию, в чём действительно состоит математика. Это его утверждение с успехом подходит и для состояния философии, но в последней было сделано также и то, что философия яснее, чем математика, сумела объяснить разницу в самих результатах философского и математического знания. Напротив, Шпет резюмировал, что для философии «...при таком понимании математики, если её и сопоставлять с логикой, то нужно сопоставлять её с особым “ядром” и основой логики в широком смысле, с так называемой “чистой логикой”, для которой существенным является её чисто предметный онтологический характер, вследствие которого она только и оказывается чисто формальной дисциплиной» [15, с. 474]. Из этого положения следовало, что и чистая математика вместе с чистой логикой включаются в философскую сферу – сферу формальной онтологии. Отсюда, замечал Шпет, следовало определение философией задач философского знания и её ответ на вопрос, в чём состоит философия – она не только указывает место разным типам точного знания, но определением этого места указывает и то различие качества самой точности, неясное сознание которого порождало столько недоразумений [15, с. 475].

Здесь мы можем указать на тот “остаток” для мысли, который не очевиден, который не прочитывается в логической формуле и который не содержится в грамматическом строе речи или предложения. Здесь имеется в виду то, что связано с пониманием, с осознанием и воспроизведением после того, что воспринимается из текста или речи. М.И. Каринский в своё время в «Классификации выводов» назы-

вал понимание аппрегензией [3], для которого в сознании как бы “подключаются” обрывки из прошлого опыта как различные конфигурации из памяти. Человек даже не в состоянии сказать, это его собственные переживания из прошлого опыта или это моментальные компоновки сознанием из различных виденных пережитых или не переживавшихся им лично, но переживаемых его восприятием опытов других людей. В связи с этим миром работы восприятия, вероятно, надо говорить и ещё об одном слое логики, а именно об интуитивной компоненте логики. Например, формальная логика обращается как к своей собственной составной фундаментальной части, так и к интуитивной своей части. В этом смысле понимание достигается путём отождествления (узнавания как того, что наступило сейчас с тем, что уже когда-то переживалось). Но это сличение, по Каринскому, происходит не как A тождественно B , а путём выявления общего ядра или агрегата. Т. е., мы воспринимаем два предмета или состояния как тождественные не потому, что они принципиально равны друг другу, а по группе признаков, по агрегату черт, по выборке, производимой в данный момент нашей когнитивной способностью. Вполне возможно, что в другой момент времени выборка будет осуществляться по другим критериям, чертам сличаемых тех же самых предметов, и в уже этой выборке сравниваемые стороны окажутся разными, что не дадут оснований воспринимать их тождественными. В этом отношении мы сопоставляем концепцию логики Каринского [4] с пониманием роли самой феноменологии в философии у Шпета как некого

основания и для самой философии, и для частных наук [14, с. 152].

Шпет подчёркивал, что на этом критическом пути в «пункте освобождения себя от всякого рода догматов научного и здравого смысла, современная философия предъявляет к себе требования такой строгости, о которой она не ведала во всём своём прошлом. Только теперь она до конца проникается величиим двух заповедей философской строгости, – исходящих опять-таки от Платона» [15, с. 475, 476]. Во-первых, для философии как чистого знания нет истин важных или неважных. Во-вторых, для философии как чистого знания нет ничего само собою разумеющегося.

Шпет замечал здесь совершенно в согласии с Платоном, что «...мы ограничиваем философию как знание не затем, чтобы стеснить другие типы знания, а затем, чтобы эти последние, между прочим, яснее понять в их свободе “мнения”, а также и затем, чтобы, эмансипировавшись от псевдофилософии ... предоставить ей полный простор в её деле “утешения” человечества и “осмысления” его судеб...» [15, с. 476, 477]. Это есть предмет изучения историей философии как псевдофилософии, что, отличаясь большой подражательностью и суггестивностью, всегда приходит к обоснованию мира, как и практически любая эмпирическая наука. Это вопрос сознания, как его отчасти раскрывал Платон в «Тететте», что «душа сама с собою ведёт речь о том, что она рассматривает» [15, с. 499]. Шпет здесь подчёркивал самостоятельное значение логики, науки, которая нужна не только для “переключения” между актуальными формами знания и проверки самой себя,

но «что для нас слова знание и логическое знание существенно оказываются синонимами» [15, с. 500, 501]. Это рассуждение, на наш взгляд, сближается сегодня в философии с концепцией Ноама Хомского (Chomsky) о переключении между различными пластами знаний, с одной стороны, и отчасти с трактовкой знания Мишелем Фуко, с другой.

В принципе, эта статья Г.Г. Шпета была направлена прежде всего на критику психологизма в философии, как это и подчёркивал И.М. Чубаров ещё в своей статье в «Логосе» [10, с. 268, 272] и в своей статье о Шпете в энциклопедии «Русская философия» [12, с. 782–784], как на имевшее место у Г. Шпета определение сущности науки и философии, и в особенности так называемой “предфеноменологии”.

Г.Г. Шпет, как мы увидели выше, определял место логики в философском знании, он даже говорил о “логическом слое”, через который мы видим всё содержание знания, поэтому и всё знание даётся не иначе, как только в необходимо присущих ему логических формах [15, с. 501]. Поэтому логическая природа знания есть такой же существенный признак знания, как аналогично интенциональность будет таким же существенным признаком сознания. В этом пункте Шпет не преминул упрекнуть тех критиков логического подхода, которые, будучи некоторыми представителями псевдофилософии, требовали отказа от строгих формализованных форм логики или логики (так в те годы именовали философию математики или математическую логику). Шпет указывал, что представители псевдофилософии саму же логику ниспровергают логи-

ческими же средствами, а на месте логики они желают видеть “инстинкт”, “полноту жизни”, “жизненный порыв”, “переживание” и другие якобы преимущества дословесного животного [15, с. 501]. Здесь Шпет отсылает к рассуждениям “христианского Цицерона” – Лактанция, который отказывал логике в некоей божественной учёности якобы только потому, что мудрость не в языке, а в сердце ибо домогаются вещей, а не слов, ибо мы рассуждаем не о грамматике или самом ораторе, а о мудрости, учение которой в том, как надо жить и тому подобные слова. Далее Густав Густавович писал, что в некоторых псевдофилософских кругах стали ссылаться на особого вида переживания – мистические переживания, или мистический опыт, причём в этих случаях утверждается, что для источника такого рода знания бессильна всякая речь, не только логическая, но и любая вообще речь, но этот опыт как бы “неизречён”, как бы “ультрарелигиозен”. А здесь, на наш взгляд, интересно, что у самого Шпета мы видим, как несколько иносказательно говорится о содержании мистического опыта. Мистическое содержание опыта окутано обычно флёром алогичности, арациональности, и Шпет сознавался здесь, что: «...та “рационализация” мистического опыта, которую нам преподносят в виде таких даров Востока, как гностицизм или теософия, есть явление глубоко отвратительное и эстетически отталкивающее ... оно столь же безобразно и логически» [15, с. 503]. Шпет подчёркивал, что во всех описаниях мистических, псевдофилософских и религиозных разновидностей опыта как особых типов интерпретаций сама философия, как знание и как

чистое знание, иначе как в логической форме ответов дать не может.

Критики логики нацеливают перо и на критику понятий, но Шпет указывал, что здесь их опровержения касаются сравнения объёмов понятий. «Значение слова лежит в его содержании, содержанием же является всё, что есть, что переживается, что сознаётся», а поэтому, «если мы не только конципируем понятия, но и понимаем их, то через понятия, как знаки, мы улавливаем всё, что обозначают эти знаки» [15, с. 504]. Отсюда Шпет переводит вопрос логики в плоскость понимания, интерпретации смыслов и утверждает, что поэтому понятие не статично – “фотографично”, но оно “живёт”, движется, увеличивается или уменьшается. А так как понятие связано в выражении со словами, слова, оказываясь некими инструментами, влияют на изменения понятий. А отсюда уже Шпет сделал закономерный вывод, что познание является, по сути, эмпирическим и одновременно оно историческое. Поэтому «историческое познание есть познание интерпретирующее, герменевтическое, требующее понимания. Логика исторического познания, говоря конкретно, есть логика принципиально семасиологическая, принципиально всеобъемлющая» [15, с. 505], справедливо заключал отечественный мыслитель. Поэтому отсюда философия является и исторической философией, но также и герменевтикой, интерпретацией и пониманием [13, с. 139, 140]. Шпет настаивал, что здесь философия становится “чистой историей”, а поскольку она всё время находится в “анамнесисе”, в припоминании, то она и становится такой чистой историей сознания. Отсюда логика этой истории есть диалектика.

Здесь Шпет вновь апеллировал к Платону, когда говорил о процессе эйдетического познания. Например, при представлении признаков треугольника мы называем в нашей идеальной интуиции все существенные признаки треугольника. Но при этом философия как чистая наука имеет дело с предметными категориями, поскольку она как бы и “материальна”. В этом смысле философия обладает ещё и временным измерением: она перемещается в будущее и свободно возвращается в настоящее, затем при историческом сравнении она может оказаться и в настоящем прошлом. Но это будет моделированием. Шпет утверждает, что слово-понятие для нас есть не только “объём” значений, но и знак, который требует понимания и требует интерпретации. Поэтому «логика носит для нас существенно герменевтический характер и накладывает эту свою печать на всю философию как чистое знание» [15, с. 508]. Но философии мало увидеть “эйдос” в рефлексии на сознание – его нужно ещё понимать, а это достигается в акте суждения. Шпет писал, что у Платона есть “педагогическое” изображение философа: «философ устремляет свою мысль на истинно-сущее...» [15, с. 516], и в этом созерцании он приближается к сущему, как бы повторяя его, он приближается, уподобляется сущему. Здесь Шпет говорит о том, что философ преобразуется, осуществляя таким образом живую связь между истиной и делом. В этом и есть педагогическое значение философии, а не выводы и не то, что она может решить или помочь решить вопросы о смысле жизни. Поэтому Шпет провёл резкую порубежную черту между чистой философией,

которую он обозначал как Афины, или философия и человечность, отделив её от Иерусалима, или от мудрости и Востока [15, с. 523].

Таким образом, диалектическое единство философии и логики демонстрирует, что в качестве фундаментального основания для философии принимается логика, а за формализацией логики находится логика вещей и отношений, где под этой естественной логикой понимается интуитивная логика. В этой философской структуре интуитивная логика будет именно базовой, исходной и фундаментальной логикой для других логик, в том числе и формальных, символических, поскольку в ней проводится как некий философский принцип – принцип обращения к самому положению вещей, к самоочевидности, к прямому усматриванию истины. Этот процесс, в свою очередь, напоминает знаменитый аргумент Аристотеля, который называется “третий человек”. Суть этого аргумента, восходившего к интерпретации Платоном человека, заключалась в следующем: “первый” человек – человек как предмет чувственного восприятия, “второй” человек – это “идея” человека как умозрительного первообраза человека в бестелесном мире идей. Но так как, согласно учению Платона, для всего сходного должна существовать в качестве причины этого сходства идея его, то кроме собственно человека и умопостигаемого человека должен существовать и третий человек – “идея”, обуславливающая сходство между человеком “первым” и “вторым”, как об этом писал В.Ф. Асмус [1, с. 78]. Но вместе с тем здесь возникала и определенная трудность – где же остановиться?

В отечественной традиции духовно-академической философии, как подчёркивала И.В. Цвык, «поскольку верховной целью практически всех академических философских интерпретаций религиозных идей являлось познание Высшего Бытия – Бога, духовно-академическая теория познания была онтологизирована» [11, с. 282]. В этом смысле онтологический опыт познания является преимущественным, поскольку в нём кладётся предел, некая реальная остановка. Мы далее не можем определять одно через другое, процесс вечного уточнения завершается.

Подход к пониманию сущности философии Шпета иллюстрировал собой не только его и Гуссерля идею о философии как строгой науке, но и более фундаментальное различие в постановке вопроса о кризисе русской философии и русской культуры. Как писал М.А. Маслин, при постановке вопроса о кризисе русской философии речь должна идти не о философии, понимаемой как “невегласии” (по Г.Г. Шпету). Маслин усматривал, что именно «“кризис византизма” и “выпадение из патристической традиции” роковым образом преследует русскую мысль на протяжении всех последующих столетий...» [6, с. 351], и именно этой причиной обуславливалось неприятие, в частности, Шпетом русской философии как “невегласия” и философии как “мудрости”.

В данном отношении нам представляется важным указать на значение усилий многих отечественных учёных и философов, в том числе и Г.Г. Шпета, по включению логики как базовой дисциплины в философию. Можно отметить, что взгляды Шпета сближались с концепцией “переноса” в логике М.И. Каринского [14], идеи последнего повлияли на становление логики в послереволюционный период, а также и в 1940 и 1950 гг. [5, с. 152; 7, с. 132], когда логику вернули в университеты согласно постановлению 1943 г.

Густав Густавович Шпет в своей статье, вне всякого сомнения, попытался примирить два подхода к философствованию. С одной стороны, тот подход, где он усматривал “нравственное”, или духовное начало, увязывавшееся с подвижничеством или, например, с уходом Толстого, переживавшим душевный кризис. Шпет отвергал этот подход, в котором ему была чужда и нестерпима ограниченность положительной морали и нестерпимы самомнение и самодовольство теистического Востока. Однако симпатии отечественного мыслителя были на стороне критического рационализма, положительной философии, которая, по его убеждению, ближе стояла к своему подлинному идеалу чистой философии. Поэтому выбор Шпета был за философией и человечностью, за Афинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Платон. 2-е изд. М.: УРСС, 2005. 158 с.
2. Денн М., Пружинин Б.И., Синеокая Ю.В., Щедрина Т.Г. Густав Шпет и Лев Шестов: друзья и антиподы (две интерпретации феноменологии Эдмунда Гуссерля) – Продолжение дискуссии // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 1. С. 48–57.

3. Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 265–344.
4. Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 200 с.
5. Кирсанов С.Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть II // Логические исследования. 2016. Т. 22. № 1. С. 145–170.
6. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. 526 с.
7. Орлова Н.Х., Соловьев С.В. Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия // Логические исследования. 2016. Т. 22. № 2. С. 123–154.
8. Платон. Парменид // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 346–412.
9. Попова В.С. Г.Г. Шпет о логике и её связи с философскими дисциплинами // Девятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–19 июня 2015 г. М.: Современные тетради, 2015. С. 124–126.
10. Степун Ф.А. Жизнь и творчество / коммент. И.М. Чубарова // Логос. 1991. № 1. С. 98–121; 1993. № 4. С. 239–267.
11. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: монография. М.: Российский университет дружбы народов, 2002. 333 с.
12. Чубаров И.М. Шпет Г.Г. // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. С. 782–784.
13. Шевцов А.В. М.И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. М.: Мир философии, 2017. 303 с.
14. Шевцов А.В. Философские воззрения М.И. Каринского: дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 189 с.
15. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 458–523.

REFERENCES

1. Asmus V.F. *Platon* [Plato]. Moscow, URSS Publ., 2005. 158 p.
2. Denn M., Pruzhinin B.I., Sineokaya Yu.V., Shchedrina T.G. [Gustav Spet and Lev Shestov: Friends and Antipodes (Two Interpretations of Edmund Husserl's Phenomenology) – Continuation of the Discussion]. In: *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal], 2017, vol. 10, no. 1, pp. 48–57.
3. Karinsky M.I. [Classification of Findings]. In: *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [Selected Works of Russian Logicians of the Nineteenth Century]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 265–344.
4. Karinsky M.I. *Ob istinakh samoochevidnykh* [On Self-Evident Truths]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 200 p.
5. Kirsanov S.N. [From the History of the Revival of Logic in the USSR in 1941–1946. Part II]. In: *Logicheskie issledovaniya* [Research in Logic], 2016, vol. 22, no. 1, pp. 145–170.
6. Maslin M.A. *Raznolikost' i edinstvo russkoi filosofii* [Diversity and Unity of the Russian Philosophy]. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2017. 526 p.
7. Orlova N.Kh., Solov'ev S.V. [From the History of Logic in Pre-Revolutionary Russia: Strategies for Academic Interaction]. In: *Logicheskie issledovaniya* [Research in Logic], 2016, vol. 22, no. 2, pp. 123–154.
8. Plato. Parmenid [Parmenides]. In: Plato. *Sobranie sochinenii. T. 2* [Coll. works. Vol. 2]. Moscow, Mys' Publ., 1993, pp. 346–412.

9. Popova V.S. [G.G. Shpet on Logic and Its Relation to Philosophical Disciplines]. In: *Devyatye Smirnovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 17–19 iyunya 2015 g.* [The Ninth Smirnov Readings: Materials of the Intern. Sci. Conf., Moscow, June 17–19, 2015]. Moscow, Modern notebooks Publ., 2015, pp. 124–126.
 10. Stepun F.A. [Life and Work]. In: *Logos*, 1991, no. 1. pp. 98–121; 1993, no. 4, pp. 239–267.
 11. Tsvyk I.V. *Dukhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii XIX v.* [Spiritual-Academic Philosophy in Russia of the 19th Century]. Moscow, RUDN Publ., 2002. 333 p.
 12. Chubarov I.M. [Shpet G.G.]. In: *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia]. Moscow, Book Club *Knigovok* Publ., 2014, pp. 782–784.
 13. Shevtsov A.V. *M.I. Karinskii i russkaya gnoseologiya kontsa XIX – nachala XX veka* [Karinsky and Russian Gnoseology of the late 19th – early 20th century]. Moscow, The World of Philosophy Publ., 2017. 303 p.
 14. Shevtsov A.V. *Filosofskie vozreniya M.I. Karinskogo: dis. ... kand. filos. nauk* [M.I. Kurinsky's Philosophical Views: PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2014. 189 p.
 15. Shpet G.G. [Wisdom or Reason?]. In: Shpet G.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 458–523.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевцов Александр Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);
e-mail: ashevzov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Shevtsov – PhD in Philosophy, senior lecturer at the Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: ashevzov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шевцов А.В. Платонизм у Г.Г. Шпета и о сущности и задачах философии (к 100-летию выхода статьи «Мудрость или разум?») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 121-130

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-121-130

FOR CITATION

Shevtsov A.V. G.G. Shpet's Platonism and on the Essence and Tasks of Philosophy (to the 100th Anniversary of the Publication of the Article "Wisdom or Reason?"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 121-130

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-121-130

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК – 81

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-131-140

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зайцева О.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлено обоснование философско-методологического аспекта в изучении вербальной репрезентации причинно-следственных связей. В ходе обоснования выделяются три базовых принципа (принципы модальности, всесторонности и равнозначности), которые могут проявляться в высказывании, указываются схожесть и различия в лингвистическом и философском определениях причинности. Автор также анализирует лингвистические методы в исследовании способа вербализации причинно-следственных отношений и представляет свою модель способов вербализации каузальности, применяя методы прототипирования. Можно сделать вывод, что философские методы и концепции до сих пор являются неоспоримым подспорьем в создании отвлечённых языковых моделей и абстрактных универсалий и позволяют лучше понять взаимодействие мыслительных структур и языка.

Ключевые слова: каузальность, языковой код, философско-методологический аспект.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF VERBAL REPRESENTATION OF CAUSALITY

O. Zaytseva

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article substantiates the philosophical-methodological aspect in the study of verbal representation of cause-effect relationships. The author singles out three basic principles (modality, comprehensiveness and equivalence) that can manifest themselves in the utterance

and reveals similarities and differences in linguistic and philosophical definitions of causality. The linguistic methods of the verbalization of causality study are analyzed and a new prototyping-based model of the verbalization of causality is proposed. It is concluded that philosophical methods and concepts are still an indisputable help in creating abstract linguistic models and universals and provide better understanding of cognitive-verbal interaction.

Key words: causality, language code, philosophical and methodological aspect.

Стремление лингвистов в исследовании причинно-следственных отношений (ПСО) обращаться к философским работам в этой области объяснимо: философия снабдила лингвистику как определением причинности, так и логическими методами её выявления и знанием свойств и особенностей её природы. Так, философская наука постулирует, что причинно-следственная связь подчиняется трём принципам, определяющим характер её существования: (1) *принципу модальности* (Goldvarg and Johnson-Laird, 2001) [14, p. 570], согласно которому отношения причинности являются отражением реальных и ирреальных состояний мира; (2) *принципу всесторонности (всеобщности)* [16, p. 947, 948], постулирующему зависимость выстраивания ПСО от опыта – т. е. в концепции “мира замкнутых идей”, «согласно которой мышление ограничено особенностями их среды», невозможно охватить все релевантные факторы, оказывающие влияние на следствие; (3) *принципу равнозначности* (Beller, Spada, 1998, 2003) [11, p. 139–141; 12, p. 344–350; 13, p. 429], уравнивающему отношения между следствием и группой причин и указывающему, что присутствие хотя бы одной достаточной причины обуславливает следствие и говорит о возможном многообразии причин, которые могут вызывать одно следствие, и следствий, которые могут быть вы-

ражены одной причиной [15]. В лингвистике эти принципы проявляются в способах выражения ПС информации:

1а. Если жарко и влажно, при использовании новой технологии за час можно сгенерировать пол-литра питьевой воды.

1б. Хорошей игрой спортсменов заслужил место в основном составе сборной.

1с. Вода течёт по водостоку и запускает гидроэлектродгенератор, а он преобразует кинетическую энергию в электричество.

Так, в примерах (1а), (1б) и (1с) отразились все три философских принципа. Во-первых, принцип всесторонности реализуется хотя бы за счёт того, что все эти фразы были сформулированы человеком с опорой на его когнитивный багаж, во-вторых, принцип равнозначности проявляется в многообразии причин («жарко и влажно», «хорошей игрой» «вода течёт» – «запускает гидроэлектродгенератор» – «он преобразует») и следствий («использовать технологию – сгенерировать воду», «заслужил место в основном составе сборной», «преобразует энергию в электричество»), и, в-третьих, принцип модальности в способности формулировать как ирреальные (1а.), так и реальные (1б.), (1с.) связи.

Говоря о вербальной реализации причинно-следственных отношений, мы прежде всего обращаем внимание на то, как человек представляет связь

явлений между собой и каким характером он наделяет их взаимодействие. В выявлении каузальных связей выражается один из базовых принципов познания – постижение сути явления через то, чем оно было обусловлено. Философия раскрывает, какое понимание причинно-следственных отношений скрывается за звуковой или буквенной формой высказывания, и оснащает критериями, позволяющими определить:

(1) какие компоненты определяют причинно-следственные отношения;

(2) насколько объективным / субъективным может быть каузальное знание и через какие принципы они выражаются.

Ментальные процессы зачастую находятся за гранью нашего понимания – в них отражаются образы реального мира, запечатлённого в виде чувственного восприятия и обретающие в нашем сознании форму идей [9, с. 78]. Для того чтобы идея из разряда абстрактного перешла в форму конкретного знания, она должна соответствовать требованиям понимаемости, которые не достижимы без помощи языка. Здесь как раз кроется основная проблема его восприятия, на которую ещё в 1999 г. обращал внимание Н. Хомский: язык не столько система коммуникации, сколько инструмент обслуживания мышления. Под языком следует понимать сложную конвенциональную систему, за оболочкой которой, буквенной, письменной или семантической, перефразируя Аристотеля, скрывается информация о классе явлений, его содержательных и существенных свойствах, о его устройстве и предназначении и об отношении говорящего к предмету. В языке как в

носителе знания о структуре и свойствах объекта или явления выражена идея дублирования мира, в котором закономерности и связи только тогда имеют смысл, когда они сформированы в сознании в форме идеи и зафиксированы в вербальном знании. С другой стороны, это знание не может быть выражено в полной мере, т. к. язык, как и любая конвенциональная система, подвержен энтропии, и, как на это обратил внимание У. Эко в «Открытой структуре», «чем больше информация, тем труднее как-то её сообщить» [10, с. 41, 42]. Так насколько хорошо приспособлена система языка к нашему мышлению, «чтобы быть хоть как-то пригодной к употреблению» [9, с. 89]? Таким образом, языковая форма рассматривается *способом вербализованного представления информации о классе понятий, находящихся в тесной, взаимно обуславливаемой связи*. Так как каузальные отношения находятся в ведении философии, в арсенале которой содержатся необходимые сведения о причине и следствии, основных их компонентах и принципах, через которые те выражены и которые формируют приблизительный алгоритм их проявления, обращение к философско-методологическому аспекту в изучении вербальной реализации причинно-следственных связей является неизбежным.

Для отечественной лингвистики каузальность – это прежде всего философская категория. И хотя авторы статей и диссертаций (как кандидатских, так и докторских), желая подчеркнуть актуальность своего исследования в рамках антропоцентрической парадигмы, заявляют о гносеологическом и прогностическом значении выявления

причинно-следственных отношений как одного из процессов мышления, они всё же рассматривают каузальность не как полноценный мыслительный процесс, который необходимо изучать на материале живой речи, а как абстрактное явление, реализуемое в частном порядке в структуре языка. В выделении и изучении абстрактных универсалий нет ничего преступного: для лингвистики как для науки они являются ключом к наиболее обобщённому и алгоритмическому пониманию плана выражения языкового кода в рамках конкретного содержания. С другой стороны, концентрация на абстрактных универсалиях приводит к порождению многочисленных “авторских” классификаций и схем, местами вполне удачных, но не поддающихся верификации в силу своей отвлечённости. Эта тенденция подкрепляется как выбором материала (в то время пока англоязычное языкознание сконцентрировано на устном материале, отечественная лингвистика всё ещё придерживается изучения письменных артефактов, преимущественно из художественной литературы), так и методами анализа языкового материала:

к исследованию феномена каузации применяется достаточно ограниченный набор инструментов, таких как, например, метод построения функционально-семантического поля (далее ФСП) с выделением ядерных и периферийных компонентов каузации [2], структурно-семантический анализ, логический, контекстный, трансформационный, коммуникативно-функциональный анализ, когнитивно-лингвистический метод и др. (см. табл. 1). В целом, несмотря на сложившуюся традицию в использовании этих методов, необходимо указать на отсутствие в работах описания технологии и критериев их применения, что может объясняться как их “программностью”, т. е. эти методы считаются общеизвестными [8], так и тем, что в современной отечественной лингвистической традиции отсутствует технология представления методологии анализа материала. Таким образом, результаты анализа языковых средств с содержательным планом каузации во многом зависят от интерпретации самого автора, не поддаются объективной проверке и ставят под сомнение объективность полученных данных [5; 7].

Таблица 1

Материалы и методы исследования ПСО на примере некоторых диссертационных работ

Автор, название работы, год публикации	Источники исследования	Методы исследования
Аматов А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка (2005)	«Источниками исследования послужили произведения англоязычной (преимущественно британской и американской) художественной литературы общим объёмом 26 408 страниц» [1, с. 4].	логический и контекстный анализ (с. 7), анализ сегментных уровней языковой структуры (с. 8)

Окончание таблицы 1

Автор, название работы, год публикации	Источники исследования	Методы исследования
Карышева А.В. Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал (2004)	корпус из 3856 примеров употребления предложно-падежных форм, бессоюзных сложных предложений, последовательных предложений со значением причины, полученный методом сплошной выборки из работ немецких и австрийских авторов XX в. [3, с. 4].	компонентный, структурный, трансформационный, статистический, этимологический и генеративный анализ
Кожокина А.В. Синкретизм выражения причинно-следственного и знакового выражения (2009)	Материалом исследования послужили 3500 и 1500 примеров из художественных произведений современной англоязычной художественной литературы + словари английского языка (толковые, медицинские, словарь примет и др.) [4, с. 4].	комплексный подход: лингвокогнитивный и когнитивно-лингвистический методы анализа, трансформационный, семантический, коммуникативно-функциональный методы «с использованием приёмов перевода, интерпретации и моделирования» (с. 4)
Пахомова М.А. Структурно-семантический анализ причинно-следственных отношений в тексте (на материале английского языка) (2009)	4980 отрезков текстового пространства общим объёмом 3 489 000 слов: данные англо-английских толковых словарей, текстов английских художественных произведений, научных и газетных статей, энциклопедических справочников, ассоциативные реакции носителей английского языка [6, с. 4].	статистический анализ, структурный анализ, семантический анализ, метод моделирования (фреймвого), трансформационный анализ, дефиниционно-компонентный анализ и контекстологический анализ
Раззамазова О.В. Прогностические потенции средств немецкого языка в реализации компонентов причинно-следственных отношений (2006)	4000 примеров актуализации прогноза компонентов ПСО из немецкой художественной литературы [7, с. 4].	метод моделирования полей

Как следствие, несмотря на то, что каузальность являлась одной из самых популярных тем, начиная с 1970-х гг., в сфере отечественного языкознания, на данный момент не создано полноценной и проработанной классификации или схемы, наглядно представляющей ядерные и периферийные компоненты передачи каузальной семантики. Стремление создать универсальную языковую абстрактную модель спосо-

бов вербализации ПСО не увенчалось успехом во многом из-за того, что для её создания требуются не только сбор способов её “кодирования”, но и понимание, насколько представленный перечень средств плана выражения причинно-следственной информации успешно декодируется носителями языка.

Смещение акцента от плана выражения в сторону успешности воспри-

ятия если не способствует созданию соответствующей реальности модели каузальности, где эксплицитные и имплицитные языковые средства распределены в зависимости от успешности их интерпретации и лёгкости выявления причинно-следственной информации в высказывании, то позволит разработать более действенную методику для верификации и анализа исследуемого материала [8, с. 60–93]. Кроме того, подобное исследование требует привлечения человеческих ресурсов – носителей языка, что поможет минимизировать вероятность субъективности в оценке исследователя и сузить круг его задач. Чтобы проверить наше предположение о смещении акцентов с плана выражения языковых средств с семантикой каузальности на план их восприятия, мы запустили собственное исследование, состоящее из (1) анкеты «Общие сведения респондента», фиксирующей такие данные, как пол, возраст, уровень образования и дохода (что позволит также выявить закономерности между восприятием П-С информации и социальным статусом респондентов);

(2) опросника «Этап 1», содержащего 85 письменных высказываний и направленного на изучение способности отличать высказывания с наличием ПС информации от высказываний без неё; (3) опросника «Этап 2», изучающего лёгкость восприятия письменных высказываний с разным планом выражения ПС информации; (4) опросника «Этап 3», необходимого для изучения способности вычленять ПС информацию из устных высказываний и отличать её от других устных высказываний без ПС информации. В основу исследования лёг метод прототипирования, применяемый западными когнитивными лингвистами в 70-х гг. XX в. По результатам опроса высчитывался индекс наиболее успешно воспринимаемых способов выражения причинно-следственной информации. На данный момент исследование ещё проводится, но уже по результатам 21 опроса на 20.01.2018 можно судить о том, что не все вербальные причинно-следственные способы реализации одинаково успешно воспринимаются респондентами (см. табл. 2).

Таблица 2

Предполагаемый прототип плана выражения каузальности на 20.01.2018

Способ реализации ПСО	Индекс успешности восприятия
1. Придаточные причины	8,2
2. Диктемы типа $p \rightarrow s$	7,5
3. Каузирующие предлоги	7,33
4. ССП	7,2
5. Придаточные следствия	7,0
6. Каузативные глаголы	6,77
7. Диктемы типа $s \leftarrow p$	6,18
8. Деепричастные обороты	6,0
9. Придаточные цели	5,6

Окончание таблицы 2

Способ реализации ПСО		Индекс успешности восприятия
10.	Придаточные условия	5,3
11.	Придаточные определительные	4,8
12.	Причастные обороты	4,5
13.	Придаточные уступки	2,2

Для большей репрезентативности выборки необходимо протестировать не менее 250 респондентов. Результаты исследования будут опубликованы после того, как достаточное количество опрошенных будет достигнуто и возможно будет судить, насколько успешной была эта идея.

Роль философско-методологического аспекта в исследовательской деятельности может быть недооценена, однако его изучение является необходимым для проникновения в природу изучаемого явления и для выявления необходимых критериев исследования. Философское обоснование причинно-следственных связей в лингвистическом исследовании предполагает ряд особенностей, которые могут быть выражены в высказывании, а также указывает на наличие проблемной области, требующей внимательного изучения. С одной стороны, в вербальном высказывании предполагаемо эксплицитно или имплицитно могут проявиться локальные и темпоральные компоненты, с другой стороны, необходимо изучение языковых инструментов, через которые будут проявляться три базовых принципа каузальности. Подводя итоги, следу-

ет отметить, что философия действительно долгое время служила источником вдохновения в лингвистическом исследовании. Философские методы и концепции до сих пор являются неоспоримым подспорьем в создании отвлечённых языковых моделей и абстрактных универсалий и позволяют лучше понять взаимодействие мыслительных структур и языка. Однако, как мы видим в случае с причинно-следственными отношениями, необходимой базой для любой универсалии является обязательная работа с эмпирическим материалом.

В существующих принципах выражается несводимость отношений каузальности к законам логики, однако вовсе не исключается возможность логического анализа их компонентов, с одной стороны, а с другой стороны, отнесение причинно-следственной связи к категории фактических явлений указывает на вторичность вопроса объективности получаемого знания и выдвигает на первый план её субъективное представление.

И, наконец, необходимо обратить внимание на наличие вербального разграничения причины и смежных понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амагов А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: дис. ... док. филол. наук. М., 2005. 347 с.

2. Дальбергенова Л.Е., Жаркынбекова Ш.К. Исследования каузальных отношений в современной лингвистике // *Современные проблемы науки и образования: электронный журнал*. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10878> (дата обращения: 15.02.2017).
3. Карышева А.В. Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 22 с.
4. Кожокина А.В. Синкретизм выражения причинно-следственного и знакового отношений: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 17 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред., с предисл. А.Н. Баранова. 3-е изд. М.: URSS, 2017. 252 с.
6. Пахомова М.А. Структурно-семантический анализ причинно-следственных отношений в тексте: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 22 с.
7. Раззамазова О.В. Прогностические потенции средств немецкого языка в реализации компонентов причинно-следственных отношений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 17 с.
8. Трейси К., Роблз Дж.С. Повседневный разговор. Строение и отражение идентичности / пер. с англ. А.В. Коченгина. Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. 448 с.
9. Хомский Н. О природе и языке. С очерком: Секулярное священство и опасности, которые таит демократия / пер. с англ. П.В. Федоренко. М.: URSS, 2005. 288 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис, 1998. 432 с.
11. Beller S., Spada H. Conditional reasoning with a point of view: the logic of perspective change // *Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society* / ed. M.A. Gernsbacher, S.J. Derry. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1998. P. 138–143.
12. Beller S., Spada H. The logic of content effects in propositional reasoning: the case of conditional reasoning with a point of view // *Thinking and Reasoning*. 2003. No. 9 (4). P. 335–378.
13. Beller S., Kuhnmünch G. What causal conditional reasoning tells us about people's understanding of causality // *Thinking and Reasoning*. 2007. Vol. 13. No. 4. P. 426–460.
14. Goldvarg E., Johnson-Laird P.N. Naive causality: A mental model theory of causal meaning and reasoning // *Cognitive Science*. 2001. No. 25. P. 565–610.
15. Stenning K., Lambalgen M. van Semantic interpretation as computation in nonmonotonic logic: the real meaning of the suppression task // *Cognitive Science*. 2005. No. 29. P. 919–960.
16. Stukker N., Sanders T., Verhagen A. Causality in verbs and in discourse connectives: converging evidence of cross-level parallels in Dutch linguistic categorization // *Journal of Pragmatics*. 2008. Vol. 40. No. 7. P. 1296–1322.

REFERENCES

1. Amatov A.M. *Prichinno-sledstvennyye svyazi na raznykh urovnyakh yazyka: dis. ... dok. filol. nauk* [Causation at Different Levels of Language: D. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 347 p.
2. Dal'bergenova L.E., Zharkynbekova Sh.K. [The Study of Causal Relationships in Modern Linguistics]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya: elektronnyi zhurnal* [Electronic

- Journal "Modern Problems of Science and Education"], 2013, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10878> (accessed: 15.02.2017).
3. Karysheva A.V. *Periferiinye sintaksicheskie sredstva vyrazheniya prichinnykh otnoshenii v sovremennom nemetskom yazyke i ikh diskursivno-pragmatischeskii potentsial: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Peripheral Syntactic Means of Expression of Causal Relationships in Modern German and Their Discourse-Pragmatic Potential: Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences]. Samara, 2004. 22 p.
 4. Kozhokina A.V. *Sinkretizm vyrazheniya prichinno-sledstvennogo i znakovogo otnoshenii: na materiale angliiskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syncretism in Causal and Symbolic Relations: Based on the English Language: Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2009. 17 p.
 5. Lakoff J., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, URSS Publ., 2017. 252 p.
 6. Pakhomova M.A. *Strukturno-semanticheskii analiz prichinno-sledstvennykh otnoshenii v tekste: na materiale angliiskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural-Semantic Analysis of Causal Relationships in the Text: Based on the English Language: Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences]. Samara, 2009. 22 p.
 7. Razzamazova O.V. *Prognosticheskie potentsii sredstv nemetskogo yazyka v realizatsii komponentov prichinno-sledstvennykh otnoshenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Prognostic Potency of the Means of the German Language in the Components of Causal Relationships Representation: Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences]. Barnaul, 2006. 17 p.
 8. Tracy K., Robles J. *Povsednevnyi razgovor. Stroenie i otrazhenie identichnosti* [Everyday Talk. Building and Reflecting Identities]. Kharkov, *Gumanitarnyi Tsentri* Publ., 2015. 448 p.
 9. Chomsky N. *O prirode i yazyke. S ocherkom: Sekulyarnoe svyashchenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya* [On Nature and Language. With an Essay: the Secular Priesthood and Inherent Dangers of Democracy]. Moscow, URSS Publ., 2005. 288 p.
 10. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent Structure. Introduction to Semiology]. St. Petersburg, *Petropolis* Publ., 1998. 432 p.
 11. Beller S., Spada H. Conditional Reasoning with a Point of View: the Logic of Perspective Change. In: Gernsbaker M.A., Derry S.J., eds. *Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Morristown, NJ, Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1998, pp. 138–143.
 12. Beller S., Spada H. The Logic of Content Effects in Propositional Reasoning: The Case of Conditional Reasoning with a Point of View. In: *Thinking and Reasoning*, 2003, no. 9 (4), pp. 335–378.
 13. Beller S., Kuhnmünch G. What Causal Conditional Reasoning Tells Us about People's Understanding of Causality. In: *Thinking and Reasoning*, 2007, vol. 13, no. 4, pp. 426–460.
 14. Goldvarg E., Johnson-Laird P.N. Naive Causality: a Mental Model Theory of Causal Meaning and Reasoning. In: *Cognitive Science*, 2001, no. 25, pp. 565–610.
 15. Stenning K., Lambalgen M. van Semantic Interpretation as Computation in Nonmonotonic Logic: the Real Meaning of the Suppression Task. In: *Cognitive Science*, 2005, no. 29, pp. 919–960.
 16. Stukker N., Sanders T., Verhagen A. Causality in Verbs and in Discourse Connectives: Converging Evidence of Cross-Level Parallels in Dutch Linguistic Categorization. In: *Journal of Pragmatics*, 2008, vol. 40, no. 7, pp. 1296–1322.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Ольга Валерьевна – аспирант кафедры германской филологии Московского государственного областного университета, преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

e-mail: deyaldelwer@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Zaitseva – postgraduate student at the Department of German Philology, Moscow Region State University, lecturer at the Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

e-mail: deyaldelwer@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зайцева О.В. Философско-методологический аспект лингвистической реализации причинно-следственных отношений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 131-140
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-131-140

FOR CITATION

Zaitseva O.V. Philosophical and Methodological Aspect of Verbal Representation of Causality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 131-140

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-131-140

УДК 168.521

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-141-140-151

РАЗВИТИЕ АКСИОМАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ

Чечеткина И.И.

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме математизации и теоретизации квантовой механики. Рассматривается развитие аксиоматических систем волновой механики с помощью двух подходов. Первый путь – это движение теории внутри самой себя, когда математические средства участвуют в создании формально-логического аппарата аксиоматической системы, способствуя развитию новых понятий квантовой механики. Второй путь заключается во взаимодействии индуктивных понятий квантовой механики (опыта) с аксиоматическими системами (теорией). Доказано, что в квантовой механике априоризм Канта оказывается несостоятельным, поскольку эйдосы конструируются в ней по математическим правилам.

Ключевые слова: философия науки, структурализм, математизация науки, теоретизация науки, операционализм в физике, аксиоматические системы, квантовая механика, создание новых понятий.

THE DEVELOPMENT OF AXIOMATIC SYSTEMS IN QUANTUM MECHANICS

I. Chechetkina

*Kazan National Research Technological University
68, K. Marx st., Kazan, 420015, Republic of Tatarstan, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of mathematization and theorization of quantum mechanics. Two approaches in the development of axiomatic systems of wave mechanics are considered. The first approach is the movement of the theory within itself, when mathematical tools participate in the creation of the formal logical apparatus of axiomatic system, contributing to the development of new concepts of quantum mechanics. The second approach consists in the interaction of inductive concepts of quantum mechanics (experience) with axiomatic systems (theory). It is proved that in quantum mechanics Kant's apriorism turns out to be untenable, because eidoi are constructed in it according to mathematical rules.

Key words: philosophy of science, structuralism, mathematization of science, theorization of science, operationalism in physics, axiomatic systems, quantum mechanics, creation of new concepts.

Введение

Математизация физического знания привела к триумфу квантовой механики в первой трети XX в. [3]. Физики и математики искали абстрактные операци-

ональные математические средства, которые не имели прообразов в физической реальности, но выступали как способы развития физической теории. Такая задача поиска новых алгебраических средств стоит перед математиками всегда [6], но не всегда, как показывает история науки, приводит к успеху [9].

Успех в микрофизике был связан с новым способом конструирования эйдосов, который, в отличие от науки Нового времени, считавшей, что эйдос предшествует познанию (рационалистическая философия Декарта) или конструируется с помощью интуиций чистого пространства и времени (априоризм Канта), создавался теперь по математическим правилам. На первый план в познании вышли такие математические средства, как некоммутативные операторы, различные топологии, а также теория групп преобразований и их инвариантов. Эти математические средства были внедрены в аксиоматические системы микрофизики, логически выстроили всевозможные формы и свойства физических объектов, стали соотноситься с опытом и, выйдя на логический уровень формулирования новых понятий, подвергли их испытанию на логическую безупречность, чтобы определить экспериментальные критерии своей проверки. Развитие аксиоматических систем микрофизики с помощью математических средств привело к появлению новой науки – квантовой механики.

Философские исследования аксиоматических систем квантовой физики велись М. Бунге, В.А. Фоком, К. Хюбнером, К. Геделем, а также Н. Мулудом. Проблемное поле было задано доста-

точно широко: изучались природа аксиом, способы введения математических средств в аксиомы, соотношение теорий классической и неклассической физики между собой, взаимодействие квантовой теории с экспериментом, исследовались характер аксиоматики квантовой механики и её преимущества (М. Бунге). Обсуждались также назначение математического аппарата квантовой механики, и этапы его развития (В.А. Фок), истинность аксиом квантовой механики их детерминация социально-культурными факторами (К. Хюбнер), рассматривались теоремы о неполноте аксиом и проблемы методов доказательства аксиом (К. Гедель), а также раскрывалась роль операциональных средств в создании аксиоматических систем (Н. Мулуд). Вопросы аксиоматизации физических теорий обсуждались также Х. Патнэмом (эмпирическая проверка логических высказываний), фон Нейманом (построение квантовой теории с помощью неклассической логики), ван Фраасеном (создание лабиринта квантовых логик), В. Штегмюллером (использование лабиринта квантовых логик для построения аксиоматических систем). Все эти исследования привели к созданию стандартной архитектуры аксиоматического метода, когда теория рассматривалась с точки зрения двухуровневой конструкции, где высший уровень представлял собой формально-логический аппарат, состоящий из неинтерпретируемых высказываний, а низший – из предметной области, где эти понятия интерпретировались. Однако такая конструкция сегодня не срабатывает в компьютерных науках и информационных технологиях, а также во мно-

гих областях естественнонаучного и технического знания. Поэтому в настоящее время в философии науки наблюдаются отход от стандартной архитектуры аксиоматического метода и начинается поиск новой аксиоматической архитектуры, снимающей различие между семантикой и синтаксисом теории, в различных областях науки и техники и исследование её философских оснований [5; 10; 11; 12].

Однако все эти исследования рассматривают аксиоматические системы в уже готовом, статичном виде без учёта логики перехода от понятий старой теории к новой. Исключением была философия Н. Мулуда, показавшая развитие структурной научной мысли, создающей аксиоматические системы по специальным математическим правилам, которые устанавливали новые отношения между старой и новой теорией. Эта философия выявила не только аспекты генезиса и истории аксиоматических систем в микрофизике, но и их строение, их обобщающую способность и актуальность теоретических приложений, а также раскрыла связь между формально-логическим началом и эмпиризмом, именно поэтому структурализм Мулуда будет ориентиром в изучении развития аксиоматических систем в квантовой механике.

Эта работа выполнена в рамках структуралистского направления философии науки, в котором развита методологическая схема, в её основе лежит убеждение в том, что в научном знании не существует изолированных терминов. Каждый термин связан определёнными отношениями с другими элементами и всей системой понятий в целом по правилам коорди-

нации и субординации. Такой системой понятий выступает аксиоматическая система квантовой механики, в которой прослеживается связь между формально-логическим аппаратом, семантическими и эмпирическими понятиями. Эта методология с её тотальностью и системностью будет использована для объяснения развития аксиоматических систем в квантовой механике.

Два пути развития аксиоматических систем в квантовой механике

Аксиоматические системы квантовой механики создаются и развиваются по правилам логики и математики.

О создании аксиоматических систем в физике Гейзенберг пишет так: «...построение знания начинается с нескольких определений и аксиом, связанных друг с другом так, что возникает “замкнутая система” понятий. Каждому понятию придаётся математический символ, а связи между понятиями изображаются в виде математических уравнений. Математическое отображение системы обеспечивает невозможность противоречий внутри системы. Система определений и аксиом, могущая быть записана как описание неизменной структуры природы, которая не может быть зависима ни от конкретного места протекания процесса, ни от конкретного времени, и, следовательно, имеет силу быть независимой от пространства и времени» [4, с. 52].

Аксиоматизация научного знания связана с двумя условиями: первое условие – нужна объясняющая теория для того, чтобы наука на её основе могла дифференцировать свои по-

нения, таким теоретическим знанием в истории микрофизики выступила оптика. Второе условие – эти понятия должны впоследствии принять вид математических выражений, которые нужно свести воедино с целью создания непротиворечивого основополагающего закона, из которого можно вывести логическим путём следствия в виде всех остальных частных законов. Этот метод построения знания всегда использовался и развивался в классической, релятивистской и квантовой механике.

Прогресс в развитии аксиоматических систем квантовой механики состоял в том, что в них были внедрены математические структуры, которые благодаря своим операциональным свойствам и техническим приёмам смогли соединить область представления (логического, формального) с областью действия (сферы опыта, эксперимента). Математические средства не только развивали приёмы естественного мышления, но и раздвинули границы естественной техники операций с символами и знаками и дали собственные логические критерии применения этих операций. Операциональные правила математики не только выявили отношения между элементами структуры микрофизического знания, но и логически вывели все свойства этих элементов. Например, в физике атома структура атома выражает взаимодействие между ядром и электронами (элементами) или равновесие физических процессов. Это равновесие может быть описано на языке математики, для этого существует стационарная формула распределения энергии, компоненты этой формулы отражают распределение электронов

по кинетически возможным состояниям в соответствии с энергетическими правилами. Перегруппировка электронов в атоме в соответствии с энергетическими правилами подчиняется законам математической теории групп, что позволяет вывести всевозможные распределения электронов в структуре атома ещё до эксперимента.

Аксиоматические системы в микрофизике всегда развиваются в двух направлениях: первый путь – внедрение в них операциональных средств математики, а второй путь – выявление, группирование фактов и их “встраивание” в аксиоматические системы. Движение мысли протекает одновременно в двух направлениях – теория движется внутри самой себя, создавая новые понятия, далее она соотносит их с фактами и объясняет факты на основе математических моделей, являющихся структурными элементами аксиоматики. Так развивается внутренняя логика науки.

Рассмотрим первый путь – движение теории внутри себя самой и её совершенствование на основе математических средств. Операциональные средства математики (функции, матрицы, операторы, группы) позволяют расширять аксиоматические системы, поскольку задают своему математическому объекту всё новые свойства и в то же время контролируют логическую применимость этих свойств. Операциональные средства участвуют также в создании формально-логического аппарата аксиоматической системы, примером тому может служить экскурс в историю квантовой физики, создание П. Дираком квантово-механического формализма на основе гамильтонова подхода.

Физика начала XX в. создавала новую систему знания – волновую механику, причём роль создания такой системы должна была принять на себя математика. Если взглянуть на историю физики [2, с. 134], творцы волновой механики Л. де Бройль и Э. Шрёдингер начинают с того, что находят аналогии, сближающие механику с оптикой. Например, теория Якоби уже сочетала кинетические свойства потока частиц с оптическими свойствами волны, а фотонная концепция света Эйнштейна связывала кинетическую энергию частицы с частотой волны. Такие аналогии облегчали создание волновой механики, и теоретическая работа, начатая де Бройлем и математически завершённая Шрёдингером, заключалась в том, чтобы извлечь из этих аналогий обобщение. Волновая концепция должна была придать понятиям механики новый смысл, для этого она обращается к математическому описанию волны. Первые исследования де Бройля и Шрёдингера используют классическое понимание векторных операций в обычном пространстве и времени и закон непрерывного распространения волны. Им приходилось находить всё новые и новые векторные свойства волны, чтобы придавать новый смысл направлениям её колебания. Эти трудности потребовали усовершенствования формального и математического аппарата математики. Для этого в волновой механике стала использоваться релятивистская геометрия, что позволило Дираку определить понятие “спин”. Или другой пример – числа “q” Дирака, вводящие в физику некоммутативные операции. Операторы положения r и количества движения q действуют

на состояния волны ψ и определяют в зависимости от порядка своего применения различные состояния динамических переменных волны: $rq\psi \neq qr\psi$. Дирак, введя некоммутативные операции в квантовую механику, решил математическую задачу, поставленную Гейзенбергом, когда последний с помощью динамических переменных волны связал два атомных состояния и выразил их в виде матриц. Следствием этого была некоммутативность переменных, смысл которой был неясен самому Гейзенбергу. Дирак сразу понял важную роль этого нового свойства теории, которому было необходимо дать правильную интерпретацию. Дирак использовал аналогию между коммутатором и скобками Пуассона, что ему «позволило ввести процедуру дифференцирования в квантовую теорию и дало толчок к построению последовательного квантово-механического формализма на основе гамильтонова подхода» [7, с. 145]. Далее Дирак обобщил математический аппарат, когда построил квантовую алгебру для переменных, отличающихся некоммутативностью, последние он назвал q -числами (гейзенберговские матрицы). Ему удалось с помощью этих величин решить многие проблемы квантовой механики: он рассматривал задачу об атоме водорода и получил формулу Бальмера, а также стремился охватить релятивистские эффекты и особенности многоэлектронных систем.

Таким образом, ретроспективный взгляд на квантовую механику показывает, что она систематически заимствовала из различных разделов алгебры и геометрии математические средства для своего построения, развивая тем самым операциональный

подход. Новые понятия квантовой механики всё время перестраиваются в соответствии с правилами логики и математики, заменяя понятия классической механики. Так, с движением частицы связывается математически точное распространение волны, скорость частицы интерпретируется в волновых характеристиках средней скорости групп волн, фазы которых различны, амплитуда волны рассматривается как вероятности присутствия частицы в какой-либо области пространства. В дальнейшем все эти понятия дифференцируются так, чтобы передать квантовые свойства оболочки атома. Так, волна, связанная с движением электрона, рассматривается специфически, это уже стационарная волна, пространственные конфигурации этой волны можно вывести как частные решения уравнения, определяющего изменение волновой функции во времени.

Математизация квантовой механики влекла к развитию её физического языка. Но волновая механика не просто являлась переводом с одного языка на другой, когда, например, энергетические понятия, используемые в теории атома Н. Бора, переводятся на волновой язык и его термины – частота и длина волны. Этот перевод давал новые способы квантования энергии электрона, понимаемого как шкала энергетических уровней, получившая впоследствии экспериментальное подтверждение. В основе этого перевода лежит решение уравнения Шрёдингера для атома водорода, из которого следует набор дискретных энергетических уровней, соответствующих квантовым числам, которые были вычислены Н. Бором на основе экспери-

ментальных данных. Энергетические уровни появляются из чисто математических соображений, но впоследствии обретают физический смысл, когда связываются с представлением о нахождении на них электрона. Генезис физических понятий неразрывно был связан с математикой и не мог быть от неё оторван.

Математика становилась силой открытия нового знания, когда уже не хватало предсказательных возможностей интуитивных аналогий физики. Она способствовала развитию теоретической структуры физического знания, заменяя интуитивные схемы, лежащие в основе старых понятий физики, с помощью аксиом на новые концепты. Это хорошо показал Мулуд [8, с. 102–105] на примере преобразования механического понятия скорости в квантовой механике с помощью волновых понятий оптики. Так, в волновой механике стояла задача расчёта скорости волны, связанной с электроном, меняющим своё направление под действием электромагнитного поля. Для этого волновая механика заимствовала из оптики дифференциальное уравнение распространения простой монохромной волны с определённой скоростью. Но эта скорость должна была отличаться от скорости света в вакууме, и оптика дала аналогию: существование показателя преломления, характеризующего среду распространения и действующего как обратный коэффициент скорости. Кроме того, скорость волны есть также синусоидальная функция частоты, поскольку связана с воздействием рассеивания волн (условие задачи). В результате введения аналогии и условия задачи в уравнение монохромной

волны была получена характеристическая скорость волны. Дальнейшее введение аксиомы, связывающей длины волны с импульсом частицы, в уравнение характеристической скорости волны позволило прийти к уравнению Шрёдингера, которое математически устанавливает соответствие между волновыми и энергетическими характеристиками физической системы. Но это был не просто перевод на язык волновой механики данных, относящихся к потенциальному полю атома, служащих для вычисления возможных типов распределения энергии внутри атома, после наложения на систему формальных условий, это был также новый способ квантования энергии электрона, дающий более богатую шкалу квантовых энергий. Уравнение Шрёдингера представляет собой новое математическое понятие, способное к более широким обобщениям. Его решения приводят к более тонкому анализу структур квантовых чисел по сравнению с механической интерпретацией Бора и позволяют описывать состояния атома водорода или водородоподобных атомов, не пользуясь такими интуитивными понятиями, как «линейные орбиты».

Этот пример показывает не только то, как математика становится силой открытия нового знания в физике, но и то, как развивается физическая теория. Физические объекты выходят за пределы первоначальных аналогий, таких как «линейные орбиты», когда волновой язык начинает перестраивать характеристические величины, которые Бор вначале установил в своей механической интерпретации. Выйдя за пределы аналогий, физические понятия с помощью математических

систем (в данном случае введения аксиомы) получают операциональную устойчивость, позволяя не только использовать объяснительную силу волновой модели, но и обеспечить упорядочивание и стыковку волновой модели с опытными фактами. Математика не только обеспечивает внутреннюю логическую непротиворечивость понятий, но и намечает связь с аксиомами более фундаментальной теории, и именно математическая процедура становится силой открытия нового, когда уже не хватает интуитивных аналогий и гипотез. В этом и состоит методологическое значение принципа математизации в физике.

Теперь рассмотрим более подробно второй путь развития аксиоматических систем в квантовой механике, заключающийся во взаимодействии их с опытом. Экспериментальный поиск новых фактов связан с образованием индуктивных понятий. Одновременно идёт теоретический поиск, поскольку индуктивные понятия физики должны быть описаны и объяснены в рамках устойчивых структур аксиоматической системы. Вот пример из истории квантовой физики [1]. Формула И. Бальмера, описывающая спектр атома водорода, возникла индуктивным путём на основе наблюдения, классификации и измерения множества фактов. Эта формула выражала зависимость частот отдельных линий спектра от последовательности целых чисел. Формула Бальмера была использована Бором для теоретического анализа модели атома Э. Резерфорда, чтобы обеспечить её стыковку с опытом. Модель атома Резерфорда описывала орбитальные движения электронов, скорость которых непрерывно

менялась, и она не могла объяснить дискретность спектров атомов, наблюдавшуюся в эксперименте. Бор привёл в соответствие качественное различие экспериментальных данных с постоянно определяемыми множествами математики. Спектральные разновидности атомных излучений были упорядочены благодаря многократно повторенной системе квантовых чисел. Он ввёл различие между стационарными состояниями, находясь на которых, электрон не излучает энергии, и переходными состояниями, при которых происходит излучение. Стационарным состояниям соответствует множество квантовых энергетических состояний электрона, а переходное состояние математически определяется разностью энергетических уровней двух стационарных состояний (аксиома), что позволяет вновь использовать данные Бальмера: разность спектральных чисел пропорциональна разности двух энергетических состояний (тоже аксиома). Эти две аксиомы вводятся в формулу Планка, которая отныне будет координировать частоту излучения электрона и его энергию на двух стационарных состояниях с учётом постоянной Планка.

Этот пример показывает, как перестраивается модель атома Резерфорда Бором, когда последний начинает использовать индуктивные понятия и числа Бальмера, что в конечном итоге приводит к новой энергетической модели атома Бора, соответствующей эмпирическим фактам. Большую роль в построении этой модели сыграло применение теории множеств, позволившей многократно квантовать энергетические состояния электрона и стыковать модель атома с опытом.

Теорию множеств можно назвать операциональным средством для построения модели, и она являлась также медиатором, соединившим математические объекты с опытом.

Заключение

Можно сделать ряд общих выводов, касающихся вопросов генезиса и развития нового знания в аксиоматике квантовой механики.

1. Физика в доклассический и классический периоды своего развития извлекала свои идеи из сферы мнения, которую древние греки называли докласическим знанием (примером может служить закон действия и противодействия в механике Ньютона), с помощью интуиции, и такое знание, опирающееся на подобное правдоподобие, можно условно назвать “гипотетическим”. В аксиоматике неклассической механики это “гипотетическое” знание заменилось на интерпретационную модель, взаимодействующую с интерпретируемыми фактами. В создании таких моделей, как было показано выше, принимают участие операциональные схемы и медиаторы. В итоге волновая механика не полагает всех свойств волны заранее известными, сама волна представляет собой математическую модель, контролирующую квантовые состояния электрона, необходимые для эксперимента.

2. Средством построения новых физических понятий в аксиоматических системах служат математические структуры и операциональные правила, эти правила устанавливают границы понятиям в рамках математических законов, которые разум предписывает себе сам. Идея, вложенная в понятие,

не даётся учёному извне, как утверждала греческая традиция, идущая от Платона и Аристотеля, продолжением которой является картезианство. Эйдос конструируется в процессе познания по операциональным правилам.

3. Развитие операционалистского подхода в квантовой физике приводит к мысли о несостоятельности кантовского априоризма, требующего интуиции чистого пространства и чистого времени, которое вводится в математическое рассуждение. Интуицию пространства и времени Канта можно назвать дооперациональными условиями физического познания, характерного для науки Нового времени. Кантовские представления о пространстве и времени заменяются в квантовой механике на физико-математическое топологическое представление. Операциональные функции этой топологии определяют путь дальнейшего рационализирования и стыковку с эмпирическими фактами. Физико-математическая топология использует все свойства пространств (векторных, аффинных, метрических), разрабатывается множество операциональных схем на основе математики, используются все возможности алгебраических средств для формулировки всех энер-

гетических характеристик объекта, далее даётся квантовая или волновая интерпретация объекта согласно концепциям механики. Так возникает несколько теоретических представлений об объекте на основании множества операциональных схем, и таким способом конструируются эйдосы в прикладной аксиоматике.

4. В операционализме форма не предшествует содержанию, она возникает на основе конструирования теоретического объекта посредством создания операциональных схем или математических уравнений, включающих различные разделы алгебры. В этом состоит отличие операционального подхода в квантовой механике от прежних декартовских представлений (форма предшествует содержанию) и эпистемологии И. Канта (возможна лишь одно теоретическое представление об объекте), объясняющих возникновение нового знания в классической науке. Неклассическая физика на основе операциональных математических средств способна развить множество теоретических представлений о физическом объекте. Развитие операциональных средств способствует дальнейшему росту научного знания и прогрессу науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Иностранная литература, 1960. 151 с.
2. Бройль Л. де. Революция в физике. 2-е изд. М.: Атомиздат, 1965. 232 с.
3. Визгин В.П. Предусстановленная гармония между чистой математикой и физикой // Математика и реальность: труды Московского семинара по философии математики / под ред. В.А. Бажанова, А.Н. Кричевец, В.А. Шапошникова. М.: Издательство Московского университета. 2014. С. 99–120.
4. Гейзенберг В. Физика и философия / пер. с нем. И.А. Акчурина, Э.П. Андреева. М.: Наука, 1989. 132 с.
5. Ковалев С.П., Родин А.В. Аксиоматический метод в современной науке и технике: прагматические аспекты // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. № 1. С. 153–169.

6. Манин Ю.И. Математика и физика // Знание. Новое в жизни, науке, технике. Серия: математика, кибернетика. М.: Знание, 1979.
7. Мехра Д. Золотой век теоретической физики: научная деятельность П.А.М. Дирака с 1924 по 1933 гг. // Успехи физических наук. 1987. Т. 149. Вып. 1. С. 135–172.
8. Мулуд Н. Современный структурализм: размышления о методе философии точных наук /под ред., с вступ. ст. Г. Курсанова. М.: Прогресс, 1973. 376 с.
9. Четчикова И.И. Операционализм в науке: истоки, возможности и пределы (на примерах из истории физики и химии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 100–111.
10. Esanu A. Evolutionary biology and the axiomatic method revisited // The Romanian Journal of Analytic Philosophy. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 19–41.
11. Kovalyov S.P. Teoretiko-kategoriyniy podkhod k proektirovaniyu programmnykh system (Category-theoretic approach to designing programmed systems) // Fundamental and applied mathematics. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 111–170.
12. Nicholson D.J., Gawne R. Rethinking Woodger's legacy in the philosophy of biology // Journal of the History of Biology. 2013. Vol. 47. P. 243–292.

REFERENCES

1. Bor N. *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic Physics and Human Knowledge]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1960. 151 p.
2. Broglie L. de. *Revolutsiya v fizike* [The Revolution in Physics]. Moscow, Atomizdat Publ., 1965. 232 p.
3. Vizgin V.P. [The Pre-Established Harmony between Pure Mathematics and Physics]. In: Bazhanov V.A., Krichevets A.N., Shaposhnikov V.A., eds. *Matematika i real'nost': Trudy Moskovskogo seminar po filosofii matematiki* [Mathematics and Reality: Proceedings of the Moscow Seminar on Philosophy of Mathematics]. Moscow, MSU Publishing House, 2014, pp. 99–120.
4. Geizenberg V. *Fizika i filosofiya* [Physics and Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 132 p.
5. Kovalev S.P., Rodin A.V. [The Axiomatic Method in Modern Science and Technology: Pragmatic Aspects]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2016, vol. 47, no. 1, pp. 153–169.
6. Manin Yu.I. *Matematika i fizika* [Mathematics and Physics]. In: *Znanie. Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Seriya: matematika, kibernetika* [Knowledge. New in Life, Science, Technology. Series: Mathematics, Cybernetics] Moscow, Knowledge Publ., 1979. 64 p.
7. Mekhra D. [Golden Age of Theoretical Physics: the Scientific Activity of P.A.M. Dirac from 1924 to 1933]. In: *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Successes of Physical Sciences], 1987, vol. 149, no. 1, pp. 135–172.
8. Mulud N. *Sovremenniy strukturalizm: razmyshleniya o metode filosofii tochnykh nauk* [Modern Structuralism: Reflections on the Method of Philosophy of Exact Sciences]. Moscow, Progress Publ., 1973. 376 p.
9. Chechetkina I.I. [Operationalism in Science: The Origins, Capabilities and Limits (Examples from the History of Physics and Chemistry)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 3, pp. 100–111.
10. Esanu A. Evolutionary Biology and the Axiomatic Method Revisited. In: *The Romanian Journal of Analytic Philosophy*, 2013, vol. 7, no. 1, pp. 19–41.
11. Kovalyov S.P. Category-Theoretic Approach to Designing Programmed Systems. In: *Fundamental and Applied Mathematics*, 2014, vol. 19, no. 3, pp. 111–170.

12. Nicholson D.J., Gawne R. Rethinking Woodger's Legacy in the Philosophy of Biology. In: *Journal of the History of Biology*, 2013, vol. 47, pp. 243–292.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечеткина Ирина Игоревна – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки Казанского государственного технологического университета;
e-mail: iralena@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Chechetkina – PhD in Chemistry, assistant professor at the Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University;
e-mail: iralena@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чечеткина И.И. Развитие аксиоматических систем в квантовой механике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 140-151
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-141-140-151

FOR CITATION

Chechetkina I.I. The Development of Axiomatic Systems in Quantum Mechanics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 140-151
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-141-140-151

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2018. N 1

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев
Переводчик Е.А. Кытманова
Корректор И.К. Глузунов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10, усл. п.л. 9,5.

Подписано в печать: 28.02.2018. Дата выхода в свет: 15.03.2018. Заказ № 2018/02-06.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.